

№ 1–2 2013 (январь–февраль)

Учредитель журнала
Общество с ограниченной
ответственностью
«НАУЧНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ»

Редакционный совет

- В.Л. Степанов** – д.и.н., профессор, Институт экономики РАН
Ю.Б. Миндлин – к.э.н., доцент, Финансовый университет при
 Правительстве РФ
Э.Н. Алиева – д.ф.н., профессор, Московский институт
 экономических преобразований
А.А. Белик – д. филос.н., профессор, Институт этнологии и
 антропологии РАН
М.В. Михайлова – д.ф.н., профессор, МГУ им. М.В.Ломоносова
Я.М. Нейматов – д.п.н., профессор, Фонд развития
 инновационных технологий РФ
Н.О. Осипова – д.ф.н., профессор, Московский гуманитарный
 университет
В.В. Петрусинский – д.п.н., профессор, Российская Академия
 народного хозяйства и государственной службы при
 Президенте РФ
Г.М. Пономарева – д.филос.н., профессор, МГУ им.
 М.В.Ломоносова
Н.Л. Пушкарева – д.и.н., профессор, Институт этнологии и
 антропологии РАН
А.И. Савостьянов – д.п.н., профессор, Московский
 педагогический государственный университет
А.Е. Чирикова – д.соц.н., Институт социологии РАН
В.Н. Шаленко – д.соц.н., профессор Российского
 государственного социального университета
Н.А. Шведова – д.полит.н., профессор, Институт США и Канады
 РАН
С.А. Экштут – д.филос.н., профессор, Институт всеобщей
 истории РАН

Издатель: Общество с ограниченной ответственностью
«Научные технологии»

Адрес редакции и издателя:
109443, Москва,
Волгоградский пр–т, 116–1–10
Тел./факс: 8(495) 755–1913
E–mail: redaktor@nauteh–journal.ru
Http: //www.nauteh–journal.ru
Http: //www.vipstd.ru/nauteh

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в
сфере массовых коммуникаций, связи
и охраны культурного наследия.
Свидетельство о регистрации
ПИ № ФС 77–44913 от 04.05.2011 г.

В НОМЕРЕ:

**К 75–ЛЕТИЮ АРХАНГЕЛЬСКОЙ ОБЛАСТИ,
ИСТОРИЯ,
ПЕДАГОГИКА,
ПОЛИТОЛОГИЯ,
СОЦИОЛОГИЯ**

Журнал издается с 2011 года

Редакция:

Главный редактор
В.Л. Степанов

Выпускающий редактор
Ю.Б. Миндлин

Верстка
VIP Studio ИНФО (www.vipstd.ru)

Подписной индекс издания
в каталоге агентства «Почта России» – 80015

В течение года можно произвести
подписку на журнал непосредственно в редакции.

Авторы статей
несут полную ответственность за точность
приведенных сведений, данных и дат.

При перепечатке ссылка на журнал
«Современная наука: Актуальные проблемы
теории и практики» обязательна.

Журнал отпечатан в типографии

ООО «КОПИ–ПРИНТ»
тел./факс: (495) 973–8296

Подписано в печать 12.02.2013г.
Формат 84x108 1/16
Печать цифровая

Заказ № 0000
Тираж 2000 экз.

ISSN 2223-2982

К 75-ЛЕТИЮ АРХАНГЕЛЬСКОЙ ОБЛАСТИ

Л.Е. Востряков, Г.Я. Лаптева – Культурный фактор как отражение истории освоения Русской Арктики
L. Vostriakov – The cultural factor as a reflection of the history of the Russian Arctic exploration3

П.В. Боярский – Проблемы выявления, изучения и сохранения культурного и природного наследия Российской Арктики на территории Архангельской области
P. Boyarskiy – Challenges of identification, study and preservation of cultural and natural heritage of the Russian Arctic on the territory of the Arkhangelsk region8

А.Н. Кулиев – Изучение природно-культурного наследия Арктики
A. Kuliev – The study of Arctic natural and cultural heritage ...13

М.В. Гаврило, Е.О. Ермолов – Историко-культурное наследие национального парка "Русская Арктика" и федерального заказника "Земля Франца-Иосифа": природные и антропогенные факторы, угрожающие его сохранению
M. Gavrilov, E. Ermolov – Historical and cultural heritage of the national park "The Russian Arctic" and the Federal nature reserve "Franz-Josef Land": natural and anthropogenic factors threatening the conservation18

О.Н. Астафьева – Культурная политика: теоретические аспекты и практика реализации
O. Astafyeva – Cultural policy: theoretical aspects and practice of implementation22

М.А. Кашина – Социальные приоритеты в системе государственного управления в современной России
M. Kashina – Social priorities in the system of administrative management in the contemporary Russia30

Е.В. Зеленцова, Е.Х. Мельвил – Культура как системный фактор экономики и территориального развития
E. Zelentsova, E. Melvil – Culture as a system factor of economy and territorial development37

О.Г. Степина, Е.М. Маркова – Публичные библиотеки России и Финляндии: факторы развития и успеха
O. Stepina, E. Markova – Cult Public Library in Russia and Finland: factors of the development and success43

А.Н. Камирова – Формирование региональной модели управления сферой культуры
A. Kamirova – The formation of a regional model of cultural administration49

К. Штифенхофер – "Менеджеры в сфере культуры Фонда имени Роберта Боша в Российской Федерации" и сотрудничество с министерством культуры Архангельской области
K. Stiefenhofer – The program "Robert Bosch Cultural Managers in the Russian Federation" and its cooperation with the Ministry of Culture of Arkhangelsk County54

Л.Г. Комаровская – Лейпцигская ярмарка и Европейская выставка "Denkmal": опыт участия Архангельской области
L. Komarovskaya – The European Trade Fair for Conservation, Restoration and Old Building Renovation "Denkmal" in Leipzig: experience of the Arkhangelsk region's participation60

С.Н. Гавров – Культурная политика: общественно-государственное взаимодействие, технологичность, многообразие
S. Gavrov – Cultural policy: interaction of state and society, manufacturability, diversity63

В.В. Савельев – От культуроведения к отечественной культурологии
V. Saveliev – From the Cultural Studies to Russian Culturology66

ИСТОРИЯ

В.Л. Степанов – Политика финансового ведомства России по крестьянскому вопросу в конце XIX – начале XX в.
V. Stepanov – Peasant policy of the Russian finance department in the late nineteenth – early twentieth century70

ПЕДАГОГИКА

Е.П. Максачук – Эстетика в спортивном воспитании молодого поколения
E. Maksachuk – Aesthetics in sports education of the young generation76

ПОЛИТОЛОГИЯ

А.С. Спиров – Губернаторская власть: модели реализации (на примере Воронежской области)
A. Spirov – Governor's power: the implementation model (Voronezh region)78

СОЦИОЛОГИЯ

Ю.К. Ахатов – Субъекты и объекты миграционной политики как предмет социологического анализа
Yu. Ahatov – Subjects and objects of migration policy as a matter of sociological analysis83

ИНФОРМАЦИЯ

Наши Авторы / Our Authors89

Требования к оформлению рукописей статей, направляемых для публикации в журнале90

КУЛЬТУРНЫЙ ФАКТОР КАК ОТРАЖЕНИЕ ИСТОРИИ ОСВОЕНИЯ РУССКОЙ АРКТИКИ

THE CULTURAL FACTOR AS A REFLECTION OF THE HISTORY OF THE RUSSIAN ARCTIC EXPLORATION

*L. Vostriakov
G. Lapteva*

Annotation

The article discloses the conceptual issues on preservation and use of the cultural heritage of the Russian North, gives the definition of the cultural space featuring as material objects as well as the system of knowledge and production technologies, the way of life and traditions. The authors give the characteristics of the historical and cultural experience of the exploration of the islands in the Arctic ocean by the Russian seafarers and particularly by the Russians Pomors, their role in the exploration of Arctic expanses. The article defines the role of the North as a bridgehead for the development of science-intensive forms of life.

Keywords: Arctic, Arkhangelsk, monuments of history and culture, natural heritage, Russian seafarers.

Востряков Лев Евгеньевич

Доктор политических наук,

Министр культуры

Архангельской области

Лаптева Галина Яковлевна

Эксперт отд. государственной охраны

*объектов культурного наследия министерства
культуры Архангельской области*

Аннотация

В статье определены концептуальные положения сохранения и использования культурного наследия Русского Севера, дано определение культурного пространства, включающего как материальные объекты, так и систему знаний и производственных технологий, образ жизни и традиции. Дается характеристика исторического и культурного опыта освоения островов Северного Ледовитого океана русскими мореплавателями, в том числе русскими поморами, их роли в освоении арктических просторов. Определяется роль Севера как плацдарма для развития наукоемких форм жизни.

Ключевые слова:

Арктика, Архангельск, памятники истории и культуры, природное наследие, русские мореплаватели

В 1972 г. Организация Объединенных наций по вопросам образования, науки и культуры (ЮНЕСКО) приняла Конвенцию об охране всемирного культурного и природного наследия. К настоящему времени конвенцию, вступившую в силу в 1975 г., ратифицировали более 185 стран-участниц, в их числе Россия. Эти события предвзяло создание в 1965 г. Международного совета по охране памятников и достопримечательных мест (ИКОМОС). Сравнительно недавно при Совете был организован Международный комитет полярного наследия. Все эти структуры могут служить реальной основой для решения вопросов выявления, сохранения, государственной охраны и использования объектов, которые в российском законодательстве отнесены к памятникам истории и культуры и отражают историю освоения Арктики и Крайнего Севера.

Несколько столетий назад русские мореплаватели-поморы начали освоение островов и архипелагов Северного Ледовитого океана. Так было положено начало созданию и использованию первых в мировой практике судов – кочей и лодий, предназначенных для плаваний и промыслов в условиях ледовой обстановки. Именно этот опыт способствовал в дальнейшем ускоренному освоению Северного морского пути, тем самым была отрабо-

тана целостная система освоения нового арктического пространства.

Руины поморских зимовий, становищ, остатки приметных и обетных крестов, старинных судов до сих пор можно встретить на материковом побережье и островах Северного Ледовитого океана, в устьях впадающих в океан рек, как в европейской, так и азиатской (сибирской) частях нашей страны.

Развитию поморского арктического мореплавания способствовало становление поморских семей, из поколения в поколение передающих свою уникальную практику не только арктического мореплавания, но и освоения новых пространств и технологий промыслов вдоль побережий, на островах и архипелагах Крайнего Севера.

Известно, что устная традиция передачи навигационных сведений, описаний системы приметных знаков на островах и побережье Северного Ледовитого океана существовала с древних времен. Об этом свидетельствуют и немногочисленные дошедшие до нас поморские лоции – письменные памятники истории и культуры. Эти семейные лоции переписывались, столетиями сберегались, сохраняя для мореплавателей ценнейшую информацию о

маршрутах судов, приметных знаках, местах стоянок и зимовок, навигационных опасностях. Они тем более ценны, что многие из них погибли после двадцатых годов XVII в. и в годы, следующие после 1917 г.

В XVII столетии негативную роль сыграл московский указ о запрещении "Морского хода" в Мангазею, так как московские власти опасались освоения иностранцами морского пути к устью реки Оби, а также технологии поморского мореплавания. И тогда дающая значительный доход русской казне и контролируемая властью торговля с иностранцами через "Корабельное пристанище" в Архангельске могла перерасти в беспрошленную торговлю русских купцов и промышленников на Севере.

Поэтому одна часть письменных "поморских лоций" могла быть утрачена из-за ветхости, другая – уничтожена в первые десятилетия советской власти в период арестов и обысков архангелогородских лоцманов и поморов.

Особое место в культурном наследии Арктики занимают маяки. Как известно, первые деревянные маяки ставились Великой Северной экспедицией на побережье Северного Ледовитого океана. Уникальны сохранившиеся на Белом море и островах Российской Арктики маяки и маячные огни, створные знаки XIX–XX веков. Сегодня важно выявить и сохранить для будущих поколений систему навигационных знаков предшествующих эпох: приметные кресты, вехи, каменные гурии. Последние сооружались и использовались как указатели маршрутов кочевков оленеводов в тундре, а позже – как своеобразные "почтовые ящики" различных отечественных и зарубежных экспедиций или как знаки первооткрывателей. Совершенствовалась также и технология создания тоней и становищ. Все эти объекты, безусловно, являются уникальным культурным наследием, отражающим историю открытия и освоения Российской Арктики.

Еще в 1595 г. голландский мореплаватель Виллем Баренц во время своей второй экспедиции в поисках Северо-Восточного прохода отмечал присутствие поморов в районе острова Вайгач и архипелага Новая Земля. Здесь поморы добывали моржовые клыки; медвежьи, песцовые, олени, моржовые и тюленьи шкуры; белушье, моржовое, тюлень и медвежье "сало" (ворвань); омуля и гольцов; гусей и других птиц; гагачий пух; отлавливали соколиных птенцов для "царской соколиной охоты". Своеобразные артели от 8 до 20 человек отправлялись ранним летом из Белого моря, Мезени и с Печоры в арктические воды. Так как зачастую из-за ледовых условий приходилось зимовать и на Новой Земле, и на Вайгаче, часто брали с собой разборные срубы и запас дров: местного плавника не хватало для строительства жилья и его обогрева.

Створными знаками (приметные кресты, вехи, гурии) обозначались места безопасного морского прохода к зимовью кочей, лодей или карбасов. Один многометровый

поклонный (приметный) крест устанавливался на возвышении, чтобы с моря было хорошо видно место зимовья. Неподалеку сооружались станочная изба с печкой-каменкой, нарами и сенями, банька и "шалаш" из бревен для хранения запасов провианта и добычи. Здесь же ставили вешала и сушила для разнообразных сетей: на белуху и рыбу. Так как в зимний период основным промыслом для зимовщиков становилась ловля песцов, на большом протяжении вдоль побережья сооружались ловушки-кулемы. Для их осмотра на расстоянии до 10 километров от станочной избы и друг от друга промышленники ставили разволочные избы. В них могли отогреться, переночевать и переждать непогоду 2–3 человека.

Все эти объекты, являющиеся сегодня для нас памятниками истории и культуры, были тесно связаны с окружающей средой. Места стоянок, зимовий и промыслов определялись не только безопасностью судна и близким расположением мест осеннего, зимнего и летнего промыслов, но и близким расположением скопления плавника, наличием источника питьевой воды – озера, ручья, реки. В этой связи становится очевидной необходимость комплексного изучения, сохранения и использования культурного и природного наследия.

Особый интерес представляют объекты наследия, связанные с историей освоения пространств Крайнего Севера коренными малочисленными народами Севера. Их вклад в освоение не только Российской Арктики, но и арктических пространств других государств трудно переоценить. Не случайно многочисленные полярные экспедиции XIX–XX вв. использовали не только одежду северных народов, но и их транспортные средства – олени и собачьи упряжки, приемы строительства укрытий, ориентации на местности и т. д. Так, Ф.П. Врангель и лицейский друг А.С. Пушкина – Ф.Ф. Матюшкин во время знаменитой арктической экспедиции 1821–1823 гг. в Сибири использовали упряжных собак. Этим опытом затем воспользовались зарубежные исследователи Ф. Нансен, Р.Э. Пири и Р. Амундсен.

Места древних святилищ, стоянок, стойбищ, захоронений и маршрутов миграций народов севера, безусловно, являются уникальными объектами культурного и природного наследия.

В Архангельской области расположены основные святилища божеств ненецкого пантеона. Главные из них находились на острове Вайгач, который ненцы не случайно называли Хэбидя Я – Святая Земля. "Дети и внуки" этих божеств затем "разошлись" по широким просторам земли, обживаемой ненцами: от Белого моря на западе до реки Енисей на востоке, от архипелага Новая Земля и острова Белый на севере до бассейна рек Ижма, Ковжа, Аган на юге.

На южном и северном побережье Вайгача были сосредоточены главные племенные ненецкие святилища.

Соответственно – Вэсако (Старика) и Хадако (Старухи). Из четырех их богов–сыновей один "остался" на Вайгаче, а трое остальных "переместились" на полуостров Ямал, на Полярный Урал и в Канинскую тундру. В последней хорошо известен Козьмин перелесок – святилище на южном конце пути сезонной миграции оленьих стад.

Значимость объектов культурно–исторического наследия острова Вайгач обуславливает необходимость создания здесь национального парка "Хэбидя Я". Кроме того, известно, что на острове и побережье Югорского Шара находятся материальные свидетельства и памятные места, связанные с поморской культурой и с именами известных отечественных и зарубежных первопроходцев, мореплавателей, исследователей и полярников. Прежде всего – англичанина С. Барроу, голландца В. Баренца, участников Великой Северной экспедиции С.В. Муравьева и М.С. Павлова, Ф.П. Литке, И.Н. Иванова, П.К. Пахтусова, шведа Н.А.Э. Норденшельда, норвежцев Ф. Нансена и Р. Амундсена, россиян – художника А.А. Борисова и гидрографа Н.В. Морозова, А.И. Вилькицкого, А.И. Варнека и Г.Я. Седова, Г.Л. Брусилова, В.И. Альбанова, Е.А. Жданко, А.И. Шренка, А.И. Толмачёва и П.В. Виттенбурга. Все это, безусловно, свидетельствует о значимости острова как своеобразного арктического мемориала.

Многочисленные памятные места, связанные с первопроходцами, путешественниками, исследователями, полярниками, полярными капитанами и летчиками, расположены не только по материковому побережью, на всех больших островах и архипелагах Российской Арктики, но и на территории Крайнего Севера.

Об исторической значимости Архангельска – города, ставшего своеобразными "воротами" в Арктику, свидетельствуют имена таких путешественников и исследователей, как Ф. Розмыслов, Ф.П. Литке, М.Ф. Рейнеке, П.К. Пахтусов, А.К. Циволька, С.А. Моисеев, Ф.И. Воронин, А.А. Борисов, Б.А. Вилькицкий, Г.Я. Седов, В.И. Альбанов, В.А. Русанов, А.С. Кучин, Н.В. Пинегин, В.Ю. Визе, Р.Л. Самойлович, Г.А. Ушаков, Н.Н. Урванцев, С.П. Журавлев, В.В. Ходов, В.И. Воронин, О.Ю. Шмидт, И.Д. Папанин, И.К. Вылка (Тыко Вылко) и многих, многих других.

К числу интереснейших объектов историко–культурного наследия принадлежит заполярный город Пустозёрск. Этот самый первый русский заполярный город был основан осенью 1499 г. и в течение восьмидесяти лет являлся административным центром Печорского края. Отсюда не одно столетие уходили на промыслы и в исследовательские экспедиции в Северный Ледовитый океан известные кормщики, промышленники, путешественники и исследователи. Имена многих из них стали сегодня известны благодаря исследованиям историков и краеведов. Город этот был и местом ссылки известных людей. Напомним только о протопопе Аввакуме, который находился здесь в заключении и был сожжен вместе с тремя своими единомышленниками в 1682 г. 250 лет назад, в

1762 г., Пустозёрскую крепость разбирают. В 1924 г. Пустозёрск теряет статус города, а в 1962 г. его покидает последний житель.

В 1991 г. здесь был создан Пустозёрский комплексный историко–природный музей, позже преобразованный в государственное бюджетное учреждение культуры "Историко–культурный и ландшафтный музей–заповедник "Пустозёрск"". Кроме природного заказника "Вайгач" это один из самых значимых объектов культурного и природного наследия в Ненецком автономном округе Архангельской области.

На материковом побережье, островах и архипелагах Архангельской области выявлено несколько сотен уникальных объектов, которые могут быть отнесены к памятникам истории освоения Арктики и природному наследию. К ним относятся:

- ◆ стоянки и орудия каменного века в районе пролива Югорский Шар и на острове Вайгач;
- ◆ древние святилища сменявших друг друга народов Севера на острове Вайгач;
- ◆ старинные объекты поморской культуры (руины зимовий, приметные и обетные кресты, гурии, захоронения, остатки парусных судов) на Новой Земле, на островах Долгий, Матвеев, Вайгач и др.;
- ◆ руины зимовий, места стоянок, захоронения русских мореплавателей, исследователей и путешественников XIX–начала XX вв.;
- ◆ строения первых дореволюционных и советских полярных станций, факторий, становищ;
- ◆ сооружения времен Великой Отечественной войны и памятники истории создания ядерного оружия на территории Центрального полигона РФ на Новой Земле.

Особое место занимают объекты, связанные с зарубежными мореплавателями и исследователями на Новой Земле, острове Вайгач, Земле Франца–Иосифа. Это экспедиции В. Баренца, Н.А.Э. Норденшельда, К. Вайпрехта и Ю. Пайера, Ф. Нансена, Ф. Джексона, герцога Абрюццого, Р. Амундсена и многие другие. И сохранение этих объектов в современных условиях важно, поскольку сегодняшнее время актуализирует значение Арктики как особого типа цивилизации, способной стать пространством сотрудничества и партнёрства регионов, стран и народов [1; 2].

С 1986 г. выявлением и исследованиями культурного и природного наследия на арктических территориях Архангельской области ежегодно занимается Морская арктическая комплексная экспедиция (МАКЭ) Российского НИИ культурного и природного наследия имени Д.С. Лихачёва и Фонда полярных исследований. Многие годы эти работы проводятся при взаимодействии с органами управления культурой Архангельской области: обсуждаются планы, направление и методика исследований. Благодаря этой совместной работе сотрудниками МАКЭ была

подготовлена часть проекта–обоснования по культурно–природному наследию северной части архипелагов Новая Земля и большей части Земли Франца–Иосифа, на основе которого В.В. Путин 15 июня 2009 г. подписал Постановление о создании национального парка "Русская Арктика". В настоящее время этот первый в Российской Арктике национальный парк располагается на севере Новой Земли.

Особое место в Архангельской области занимает культурное и природное наследие Соловецкого архипелага. Наиболее значимый период его истории, связанный со становлением и деятельностью Соловецкого монастыря, содержит важные вехи освоения побережья, островов и архипелагов Российской Арктики. Здесь проходили уникальную школу поиска технологических решений освоения Крайнего Севера многочисленные трудники и паломники, как с побережья Белого моря, так многих других регионов России. Строились суда не только для плаваний по Белому морю, но и в Северном Ледовитом океане.

Здесь сохранилась единственная древняя поморская гавань на Большом Заяцком острове, старинные морские причалы на островах архипелага, которые выдерживали напор льда в зимнее время, салотопни, тони и другие хозяйственные постройки и приспособления, система приметных навигационных многометровых деревянных крестов, опыт создания и использования которых впоследствии широко применялся в Арктике.

Богатейшее историко–культурное и природное наследие русской Арктики наглядно свидетельствует о значимости вопроса развития Севера, которую он приобретает в процессе осуществляемых в России реформ [3]. В современных условиях приоритетными направлениями деятельности по развитию северных территорий должны стать:

- ◆ осмысление исторических предпосылок и путей развития;
- ◆ опережающее развитие системы экологической безопасности и образования, прежде всего, университетского;
- ◆ создание эффективной системы управления северными территориями, способной стимулировать современные формы предпринимательства с опорой не только на сырьевые, но и на гуманитарные ресурсы территории, её историческую специфику и особенности образа жизни населения, которые вырабатывались столетиями;
- ◆ использование культурно–исторического опыта, опыта адаптации к природно–климатическим условиям, опыта сотрудничества "поверх границ".

Ведь сегодня "выигрывает тот, кто полнее других использует новые возможности" [4, с. 29.]. Вместе с тем решение хозяйственных и социальных вопросов здесь, на Севере, не может определяться только логикой рынка.

Недопустимо положение, при котором северные регионы будут по–прежнему рассматриваться как сырьевые кладовые, необходимы разработка и реализация программ и проектов комплексного экономического, социального и культурного развития Севера [5, с. 23–25].

Опыт жизни на Севере предшествующих поколений свидетельствует, что Север – это плацдарм знаниеемкого переосвоения российской территории. Для того чтобы начинать новое, необходимо иметь свободный плацдарм [6]. Таким плацдармом для России является Север, где новые эффективные формы жизни могут быть только наукоёмкими. Образование в системе мирового арктического образования, ориентированное на освоение жизни на Севере, должно не "закреплять" человека на северных территориях, а открывать для него пространство новых возможностей. А потому важно превращение территорий Севера в зону социально–культурного прорыва.

Северные территории находятся в фокусе внимания многих стран, таким образом арктическая цивилизация возникает в точке пересечения множества интересов. И немаловажен вопрос: будет путь на Север и развитие Арктики строиться на основе сотрудничества или конкуренции? Конкуренция отдалит достижение целей развития и сохранения культуры, сотрудничество будет способствовать развитию всех стран на основе выстраивания и укрепления горизонтальных связей.

В этой связи перспективными проектными линиями, на наш взгляд, выступают:

- ◆ организация публичных дискуссий, инициирование и поддержка исследовательских и творческих проектов;
- ◆ содействие развитию человеческого капитала, образовательных технологий [7, с. 48; 8, с. 9.].

В системе горизонтальных связей циркулируют не материальные активы, а опыт. Отсюда следует, что устойчивая и насыщенная система горизонтальных связей выступает естественным институтом, обеспечивающим связности территорий. Поскольку горизонтальные связи носят не административный характер, основываются на коммуникации людей, то наилучшим связующим звеном в культурных проектах, объединяющих территории, выступают люди – знаковые имена, исторические фигуры.

К числу таких людей по праву можно отнести уроженца Онежского уезда Архангельской губернии, участника антарктической экспедиции Р. Амундсена полярного капитана А.С. Кучина, который стал центральной фигурой стартовавшего в 2008 г. на территории Архангельской области проекта "Холодные берега – близкие отношения: российско–норвежское мореплавание и полярные экспедиции", посвящённого 120–летию известного онежанина. Проект позволил возобновить в новом качестве отношения Онежского района и Северной Норвегии. А объединителем стал капитан А. Кучин, чье имя одинаково

значимо как для Онеги, так и для Норвегии. В настоящее время готовится второй этап проекта – "История северного мореплавания как ресурс развития территории".

В подобных проектах важна историческая личность, которая способна объединить людей, их дела и территории, инициировать новые проекты. Один из наиболее ярких примеров – проект "Художественное освоение Арктики", реализуемый в Архангельской области. Он сосредоточил в себе усилия по сохранению и презентации наследия старейших художников Севера. Среди них – имя А.А. Борисова, чья биография связывает десятки территорий: Красноборский район, родину художника, Архангельск, Ненецкий автономный округ, острова Арктики и др.

В рамках данного проекта возможность установления международных контактов проистекает из самого факта существования в Архангельске музея художественного освоения Арктики имени А.А. Борисова, который, в свою очередь, имеет активные культурные связи со странами Баренцева Евро-Арктического региона. В 2011 г. в музее открылась выставка "Дорогами двух капитанов", организованная совместно с МАКЭ при поддержке президента Фонда полярных исследований П.В. Боярского.

Поиски компенсации цивилизационной динамики ведут к расцвету музейной культуры, охране памятников истории и культуры. На ускорение прогресса общество реагирует консервативно: появляется тяга к прошлому, интерес к истории, к памятникам. В этой связи музей художественного освоения Арктики имени А.А. Борисова в Архангельске, объединяющий территории, являющиеся собой пример полноценного генезиса культур в северных условиях, может стать перспективным межрегиональным

и международным проектом.

Сегодня в Архангельске идёт строительство основной экспозиции Северного морского музея "Тысячелетие Северного мореплавания", полагаем, что это значимый проект, поскольку это один из самых мощных маркеров великой морской истории не только Архангельской области, но и всей России.

Большое значение также, на наш взгляд, имеют работы по созданию особо охраняемых территорий в арктическом секторе Архангельской области. Это связано не только с сохранением уникального культурного и природного наследия, но и с дальнейшим развитием новых форм туризма в Российской Арктике, краеведения, с реконструкцией исторических событий, выявлением новых фактов и имён, с воспитанием подрастающего поколения.

В этой связи неопределимым может оказаться опыт МАКЭ Российского научно-исследовательского института культурного и природного наследия имени Д.С. Лихачева, 25 лет проводящей по всей Арктике, и особенно в Архангельской области, историко-географические эксперименты по программе "По следам первопроходцев Арктики". Эти исследования, в свое время активно поддержанные администрацией Архангельской области, ныне могут стать основой для формирования и развития как сети новых туристических маршрутов, так и самих новых видов экстремального туризма.

Культурное и природное наследие Российской Арктики – одна из основ будущего социального и экономического развития арктических регионов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Орлов И.А. Компоненты инновационного развития региона // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия "Гуманитарные науки". 2012. № 7–8. С. 3–7.
2. Востряков Л.Е., Лаптева Г.Я. Культура Русского Севера: традиции сохранения и проблемы использования // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия "Гуманитарные науки". 2012. № 7–8. С. 8–12.
3. Зуев С.Э. "Северный сценарий" как парадигма развития России в XXI в. // Управленческое консультирование. 2006. №2. С. 96–112.
4. Путин В.В. О наших экономических задачах // Государственная служба. Вестник Координационного Совета по кадровым вопросам, государственным наградам и государственной службе при полномочном представителе Президента Российской Федерации в Северо-Западном федеральном округе. 2012. № 1. С. 29–44.
5. Орлов И.А. Арктика в политике и экономике Архангельской области // Арктика и Север. 2012. №6. С. 21–25.
6. Горшков А.С. Формировать новое качество власти // Управленческое консультирование. 2011. №1. С. 5–14.
7. Путин В.В. Демократия и качество государства // Государственная служба. Вестник Координационного Совета по кадровым вопросам, государственным наградам и государственной службе при полномочном представителе Президента Российской Федерации в Северо-Западном федеральном округе. 2012. № 1. С. 45–57.
8. Путин В.В. Россия сосредотачивается – вызовы, на которые мы должны ответить // Государственная служба. Вестник Координационного Совета по кадровым вопросам, государственным наградам и государственной службе при полномочном представителе Президента Российской Федерации в Северо-Западном федеральном округе. 2012. № 1. С. 6–16.

ПРОБЛЕМЫ ВЫЯВЛЕНИЯ, ИЗУЧЕНИЯ И СОХРАНЕНИЯ КУЛЬТУРНОГО И ПРИРОДНОГО НАСЛЕДИЯ РОССИЙСКОЙ АРКТИКИ НА ТЕРРИТОРИИ АРХАНГЕЛЬСКОЙ ОБЛАСТИ

CHALLENGES OF IDENTIFICATION, STUDY AND PRESERVATION OF CULTURAL AND NATURAL HERITAGE OF THE RUSSIAN ARCTIC ON THE TERRITORY OF THE ARKHANGELSK REGION

P. Boyarskiy

Annotation

The article is devoted to the challenges in a complex approach to identification, study and preservation of cultural and natural heritage of the Russian Arctic on the territory of the Arkhangelsk region. The author gives an idea about the peculiarities of the Arctic cultural heritage, offers its classification and justifies the need to continue works on the identification, study and preservation of the objects of Russian Arctic heritage. The author gives arguments of the importance of the historical and geographical experiments on the trail of the Arctic explorers, their role in the disclosure of unknown events and in the development of Arctic tourism.

Keywords: Arctic sea complex expedition, Institute of Heritage, objects of cultural and natural heritage, maritime heritage.

Боярский Петр Владимирович

*Доктор исторических наук, к.ф.-м.н.,
Зам. директора института по научной работе
Российский научно-исследовательский
институт культурного и природного наследия
им. Д.С. Лихачёва*

Аннотация

Статья посвящена проблемам комплексного подхода к выявлению, изучению и сохранению наследия русской Арктики на территории Архангельской области. Автор дает представление об особенностях культурного наследия Арктики, предлагает его классификацию и обосновывает необходимость продолжения работ по выявлению, изучению и сохранению объектов наследия русской Арктики. Приводит доказательства важности проведения историко-географических экспериментов по следам исследователей Арктики, их роли в раскрытии неизвестных событий и развитии арктического туризма.

Ключевые слова:

МАКЭ, Институт наследия, Арктика, объекты культурного и природного наследия, морское наследие

Теоретические основы изучения и сохранения наследия Арктики

Объекты культурного наследия Российской Арктики являются неопровержимым свидетельством того, что все арктические острова и архипелаги, принадлежащие России, были освоены только нашей страной, включая архипелаг Земля Франца-Иосифа, открытый несуществующей ныне Австро-Венгерской империей. Поэтому эти объекты являются важной доказательной базой в международных территориальных спорах, а их выявление, изучение и сохранение относится к проблематике безопасности России. Именно такой подход к данной проблематике является одним из основных в исследованиях Морской арктической комплексной экспедиции (далее – МАКЭ).

Начиная с 1986 г. ежегодные исследования МАКЭ, Фонда полярных исследований и Российского научно-исследовательского института культурного и природного наследия им. Д.С. Лихачева (далее – Института Наследия) в Архангельской области проводятся на основе специальных теоретических, методологических и прикладных работ, опубликованных нами в 1981–1990 гг. (см.: [1; 2;

3; 4; 5; 6; 7; 8]).

Проблематика комплексного изучения, сохранения и использования историко-культурного наследия Арктики впервые была выдвинута и последовательно разработана нами в указанные годы. Культурное наследие рассматривается в неразрывной связи с биосферой и её процессами, с решением экологических задач. Развивая теорию ноосферы В.И. Вернадского, мы ввели понятия ретриобиосфер и ноотехносферы.

Изучение взаимосвязи функционирования биосферы с изменением параметров, характеризующих состояние общества, становится одной из важнейших задач, решение которой поможет установить закономерности развития ноотехносферы. Трудности, возникающие при разработке этой проблемы, связаны с несоизмеримостью времени изменения параметров биосферы с временем изменения характеристик состояния общества. Большим шагом вперед стала постановка проблем изучения и сохранения не только отдельных объектов культурного наследия, но и окружающей их естественной и исторически сложившейся искусственной среды обитания. Именно поэтому сотрудники МАКЭ в своих трудах дают комплекс-

сное описание культурного и природного наследия. Таким образом, нами была впервые реализована идея необходимости описания природной среды при описании историко-культурных объектов.

Поэтому в томах трудов МАКЭ по Новой Земле, Земле Франца-Иосифа, острову Вайгач и Соловецкому архипелагу при описании объекта культурного наследия была установлена следующая последовательность размещения подразделов: местоположение, исторические сведения, описание памятника, географическая среда, литература. В настоящее время такой подход реализуется МАКЭ в изданиях серии "Острова и архипелаги Российской Арктики", выходящих в издательстве "Paulsen" под общей редакцией П.В. Боярского. Новый подход позволил нам в 1990 г. выдвинуть идею создания охраняемой территории на севере Новой Земли, что и привело в конечном итоге к реализации её в 2009 г. при создании национального парка "Русская Арктика" (см.: [8, с. 38; 10; 11, с. 14–36; 12, с. 10–12; 13, с. 239]).

Кроме идей В.И. Вернадского, в основу своих теоретических разработок мы впервые положили информационный подход: объекты культурного и природного наследия являются своеобразными носителями информации, отражающей различные аспекты исторического развития человеческого общества и его взаимодействия с окружающей средой. Поэтому мы приступили к исследованиям, связанным с разработкой проблем "капсул памяти" (информационного закона постоянного внедрения в природные и социально-исторические процессы информации о прошлых состояниях природной среды и общества для саморегулирования этих процессов в настоящем).

Один из главных наших подходов к сохранению наследия – требование максимальной непрерывности совокупности объектов, отражающих историческое развитие человеческого общества в системе биосферы. Поэтому мы исследуем всё наследие: с древнейших времен до конца XX в. (например, памятники истории создания ядерного оружия на Новой Земле). Кроме того, нами были рассмотрены также проблемы развития разнообразных технологий и особой роли целеполагания при исследовании и использовании культурного наследия. Главнейшей его составляющей является духовное наследие.

На основе данных разработок мы впервые предложили создание "Атласа культурного и природного наследия" нашей страны и "Атласа культурного и природного наследия Российской Арктики".

Уже на первоначальном этапе проведения исследований нами были начаты историко-географические эксперименты, ставшие основой широко известных программ МАКЭ "По следам первопроходцев Арктики" (см.: [7; 9]). Хорошо известны и другие наши программы: "Комплексные исследования культурного и природного

наследия Арктики"; "Вайгач – остров арктических богов"; "Арктическое кольцо", "Арктика – форпост России", "Земля Санникова", "Земля Андреева", "По следам Двух капитанов" и др.

Особенно важна для нас программа "Память Российской Арктики" по увековечиванию памяти известных полярников и представителей коренных малочисленных народов, отечественных и зарубежных первооткрывателей, мореплавателей, исследователей, полярников, летчиков. Мы устанавливаем по единой методике памятные знаки. Предлагаем создание при компетентных органах охраны природного и культурного наследия научно-методических центров "Память Арктики" по разработке и утверждению единой системы памятных знаков по всей Российской Арктике. Те знаки, которые устанавливают различные туристические группы в Арктике, больше напоминают надписи туристов по всему миру. Это память о самих себе. А нам нужна единая, продуманная система памяти по всей Арктике и Крайнему Северу.

Особенности культурного наследия Арктики на островах, архипелагах и побережье Архангельской области.

*Культурное наследие
Арктики Архангельской области можно условно
подразделить на следующие основные группы:*

1. Останки поморских судов;
2. Поморские кресты (приметные, обетные, могильные);
3. Поморские навигационные знаки (кресты и каменные гурии);
4. Поморские захоронения;
5. Святыни коренных народов Севера;
6. Места захоронений коренных народов Севера;
7. Останки судов коренных народов Севера;
8. Стоянки коренных народов Севера;
9. Православные часовни и церкви;
10. Стоянки и зимовья и различные сооружения поморов;
11. Останки судов, приметных знаков, стоянок, зимовий и захоронения отечественных и зарубежных первопроходцев и исследователей (включая подводные объекты советского периода);
12. Административные здания, фабрики, промышленные зимовья, школы, больницы, причалы, кладбища советского периода и другие сооружения советского периода;
13. Маяки и створные знаки;
14. Полярные станции и комплексы их сооружений;
15. Первые аэродромы и вертолётные оборудованные площадки;
16. Жилые дома, бараки, шахты, остатки техники и другие объекты ГУЛАГА (например, на острове Вайгач, материковом побережье пролива Югорский Шар);

17. Памятники Второй мировой войны (останки судов; подводные объекты; окопы и блиндажи, например, на юге острова Вайгач и на мысе Желания Новой Земли, выявленные нами в 1988 г.);

18. Руины и остатки различных надводных и подводных сооружений, места стоянок, своеобразного дока и строительства судов первого русского заполярного города Пустозёрска.

Мы не раскрываем здесь все группы объектов. Но этот перечень убедительно доказывает тесную взаимосвязь значительного числа объектов культурного наследия с морским наследием. В этом и заключена основная особенность культурного наследия на островах и архипелагах Архангельской области.

Поэтому в начале 2012 г. мы предложили начать работы по созданию Атласа морского наследия России с тома Атлас культурного и природного наследия Российской Арктики. К изданию такого тома МАКЭ уже сегодня собрано большое количество разнообразных материалов. Таким образом, при открытии финансирования работ Совместно с министерством культуры Архангельской области, Северным (Арктическим) федеральным университетом и Северным УГМС Атлас может быть подготовлен к печати к концу 2014 г.

Основные задачи

Впервые к комплексному выявлению, изучению и описанию всех видов объектов культурного наследия и окружающих их природной среды на острове Вайгач, Новой Земле и Земле Франца-Иосифа МАКЭ приступила во второй половине 1980-х гг. До этого только экспедицией Л.П. Хлобыстина проводились археологические исследования нескольких святыниц и объектов поморской культуры на острове Вайгач, а также определенные работы были проведены общественной экспедицией Д.Ф. Кравченко на Земле Франца-Иосифа 1985 г. (мыс Флора и остров Белл). Экспедицией последнего без открытого листа и с грубыми нарушениями было подвергнуто раскопкам зимовье Баренца на Новой Земле.

С 1988 г. на Новой Земле выявлено более 200 объектов культурного наследия, и в том МАКЭ по Новой Земле (см.: [14]) вошло описание 198 объектов (92 – на Северном острове и 106 – на Южном острове). На острове Вайгач выявлено более 200 объектов, а в том по Вайгачу (см.: [15]) было включено 180 объектов культурного наследия. На Земле Франца-Иосифа с 1990 г. МАКЭ выявлено и изучено более 140 объектов и из них 131 включены в том по этому архипелагу. Таким образом, специалистами МАКЭ был подготовлен список объектов, расположенных на Новой Земле, Земле Франца-Иосифа и острове Вайгач, для проведения государственной историко-культурной экспертизы объектов культурного на-

следия Российской Арктики, включая морское арктическое наследие. В настоящее время происходит странный процесс "переоткрытия" уже давно выявленных объектов, описания которых опубликованы нами, полупрофессионалами из некоторых госучреждений и общественных организаций, которые пытаются полностью проигнорировать наши публикации. Такого рода деятельность, осуществляемая безграмотными "специалистами" должна быть в ближайшее время остановлена, так как сотрудники МАКЭ обладают авторскими правами на публикации, описывающие вышеуказанные открытия.

Считаем необходимым создание при министерстве культуры Архангельской области специальной научно-методического совета по увековечению памяти первопроходцев Арктики. МАКЭ были разработаны проекты памятных знаков в рамках программы экспедиции "Память Арктики" и апробирована их установка на островах Колчака, Попова-Чухчина, Врангеля, Беннета.

Сейчас стала модной установка различными туристами и общественными экспедициями памятных крестов и других памятных знаков в Арктике. Один из примеров такого безграмотного отношения к объектам культурного наследия – мыс Флора на Земле Франца-Иосифа. МАКЭ в своё время выступила против установки православной часовни неподалёку от зимовья Ф. Нансена и Я. Иогансена на этом архипелаге. Мы доказали, что при этом не только происходят изменения ландшафта, но и искажается восприятие заброшенного места, где в одиночестве, без каких-либо материальных свидетельств о цивилизации, провели в полуземлянке-норе зимовку два отважных исследователя-первопроходца. Всё должно делаться на научной основе с использованием опыта не новоявленных "первооткрывателей-исследователей", а специалистов, многие годы проработавших в Арктике. Ибо подавляющее большинство объектов культурного наследия – более 300 – выявлено МАКЭ на нынешней территории национального парка "Русская Арктика" и на Земле Франца-Иосифа с 1988 по 2009 гг. Непрофессионализм ответственных за состояние памятников госслужб приводит к гибели уникальнейших объектов. Так, можно привести пример, ситуации со "строением Альбанова" (постройки экспедиции Джексона) на мысе Флора Земли Франца-Иосифа. Или участия в 2012 г. непрофессиональной экспедиции в поиске под водой останков судна голландской экспедиции 1596–1597 гг. в бухте Ледяная Гавань Новой Земли. Руководитель экспедиции Русского географического общества и национального парка "Русская Арктика" намеревался обнаружить пушки с судна, ссылаясь на якобы известные ему сведения об их местонахождении. Кроме четырёх небольших деревянных деталей (МАКЭ в 1990 и 1995 гг. обнаружила их здесь значительно больше) – никаких результатов.

Широко используя свою, годами выработанную, методологию выявления и изучения объектов наследия в

Арктике, МАКЭ продолжает совершенствовать научную основу этих работ. Нами были разработаны основы проведения историко-географических экспериментов по следам полярных первопроходцев и исследователей.

С 1986 г. начали проводиться ежегодные исследования в Арктике, а с 1987 г. – первые в Российской Арктике комплексные исследования культурного и природного наследия и первые историко-географические эксперименты под общим названием "По следам первопроходцев Арктики". Один из этих наших экспериментов на острове Вайгач уже тогда получил название "По следам Двух капитанов". Ведь именно с Вайгача началась исследовательская деятельность по воссозданию реальной биографии основного прообраза капитана Татаринова из романа В.А. Каверина "Два капитана" – Г.Я. Седова. Мой личный интерес в рамках этой программы был связан с тем, что с 1964 г., когда я учился на третьем курсе МИФИ, В.А. Каверин стал моим литературным наставником, и вплоть до 1989 г. мы общались с ним и в Переделкино, и в его квартире в Москве.

В 1988 г. мы провели исследования на Новой Земле не только в местах работ Г.Я. Седова в 1910, 1912–1913 гг., но и в районе, где проходила экспедиция второго капитана – литературного героя книги Каверина – А. Григорьева. С 1990 г. и вплоть до 2010 г. мы проводили на Земле Франца-Иосифа историко-географические эксперименты по маршрутам 1914 г. группы В.И. Альбанова, который стал прообразом штурмана Климова в романе, и экспедиции 1913–1914 гг. Г.Я. Седова. Предприняли попытку найти могилу Седова на острове Рудольфа. Немного позже мы исследовали места, в которых побывали экспедиции 1912–1914 гг. Г.Л. Брусилова (пролив Югорский Шар, полуостров Ямал, остров Белый) и В.А. Русанова (Новая Земля, острова Геркулес и Попова-Чухчина в Карском море, побережье Таймыра). Брусилов и Русанов тоже были прообразами капитана Татаринова. Обо всем этом и о моих встречах с В.А. Кавериним и с Е.М. Пинегиной – женой одного из участников последней экспедиции Г.Я. Седова – я рассказал в 2006 г. в предисловии к книге В.А. Каверина "Два капитана" (см.: [15, с. 5–24]).

Все историко-географические эксперименты МАКЭ проводятся на строго научной основе. Об этом свидетельствует и изданный нами еще в 1991 г. сборник научных статей "Исторический эксперимент. Теория, методология, практика" [16]. Активное участие в его подготовке и в написании статьи принял известный археолог и антрополог, академик АН СССР В.П. Алексеев. В состав редколлегии, кроме него, вошли академики АН СССР А.П. Деревянко, В.П. Мишин, В.Л. Янин, члены-корреспонденты А.Н. Боголюбов и Б.Г. Юдин и другие известные отечественные ученые.

В сборнике был поставлен вопрос "об особой необхо-

димости проведения экспериментальных историко-географических исследований, моделирующих условия мореплавания и обстановку деятельности полярных экспедиций в различные исторические эпохи освоения Арктики. Их составной частью должны быть и исследования по исторической психологии, входящие в комплекс исторических медико-биологических экспериментов. Не только тщательное изучение региона, в котором происходили события, но и моделирование самого маршрута передвижения, психологического состояния членов коллектива, особенностей функционирования их организмов в экстремальных условиях (выявленных экспериментально на основе сохранившихся дневниковых записей о рационе питания) – могут на действительно научной основе дать объективную картину проходивших событий" [17, с. 47].

Необходима тщательная работа в архивах и библиотеках. Иначе, без знания и изучения подлинных документов, появляются абсолютно антинаучные публикации, например, о том, что после смерти Г.Я. Седова, сопровождавшие его матросы "вернулись на судно. Позднее они признались, что были слишком слабы для охоты и смогли проделать обратный путь лишь потому, что питались мясом своего капитана" (см.: [18, с.32]). И такого рода факты были изложены в статье, которая была опубликована в юбилейный год экспедиции о мужественных матросах, у которых на обратный путь (авторы даже не сочли нужным посмотреть в архивах список продуктов, захваченных Седовым в этот последний его поход) было вполне достаточно съестного.

В указанном сборнике 1991 г. мы пишем и о том, как в рамках историко-географического эксперимента "визуально, с борта ледокола "Диксон" специально изучался характер природных условий на маршруте группы Альбанова от мыса Мэри Хармсворт до мыса Лудлова Земли Александры и от мыса Ниль до мыса Гранта Земли Принца Георга" [17, с. 48]. Также были проведены историко-географические эксперименты по маршрутам экспедиций В. Баренца [19] и многих других отечественных и зарубежных первопроходцев и исследователей. С 1988–1989 гг. совместно с клубом "Полярный Одиссей" мы участвовали в экспериментальных плаваниях на базе реплик коча и лодьи по Белому морю, а затем – до Шпицбергена. И в 2012 г. совместно с компанией "Russia Discoveri" под научным руководством МАКЭ проводился под эгидой губернатора и правительства Чукотского автономного округа, Русского географического общества историко-географический эксперимент плавания двух реплик кочей на север по Лене и далее по Северному Ледовитому океану до поселка Тикси по маршруту Семёна Дежнева.

Таким образом, сегодня можно говорить о том, что на основе историко-географических экспериментов МАКЭ возникает новый и весьма перспективный вид арктического туризма. Суть этого вида туризма заключается в

своеобразном "переносе" их участников в условия деятельности первопроходцев Арктики и именно в те географические пункты, где в свое время проходили их экспедиции. Такой подход позволяет участникам эксперимента не только испытать на себе в конкретных природных условиях фактор физического и морального преодоления возникавших в прошлом трудностей, но и реконструировать действительные события прошлого, ощутить себя их участником. События прошлого интерпретируются современным человеком в аналогичных условиях и в тех же местах, где они проходили. Это способствует раскрытию неизвестных событий, поиску новых материальных свидетельств прошлого, разгадке его трагических и ранее неизвестных страниц, таинственных исчезновений далёких предшественников.

Для реконструкции событий прошлого используются

дневники участников исторических событий в Арктике. Сравнение описаний, содержащихся в дневниках, с окружающим ландшафтом по пути следования экспедиций помогает выявить географические пункты, где они проходили, выявить ранее неизвестные материальные объекты, относящиеся к историческим событиям.

Земля Франца-Иосифа, Новая Земля и остров Вайгач представляют особый интерес для развития этого нового и перспективного вида туризма. *Здесь возможно проведение следующих видов туристической деятельности:*

- ◆ круизный туризм;
- ◆ научный туризм;
- ◆ экстремальный туризм;
- ◆ историко-географический экспериментальный

ЛИТЕРАТУРА

1. Боярский П.В. Классификация памятников науки и техники // Памятники науки и техники. 1981. М.: Наука, 1981.
2. Боярский П.В. Перспективы развития памятниковедения // Памятниковедение: Теория, методология, практика / отв. ред. П.В. Боярский. М., 1986.
3. Боярский П.В. Проблемы функционирования памятников науки и техники // Вопросы освоения историко-культурного наследия / отв. ред. В.И. Батов. М., 1987.
4. Боярский П.В. Теория памятниковедения науки и техники // Памятниковедение науки и техники: Теория, методика, практика / отв. ред. П.В. Боярский. М., 1988.
5. Боярский П.В. Программа комплексных исследований историко-культурной и природной среды Арктики Морской арктической комплексной экспедиции НИИ культуры 1986–2000 гг. М., 1989.
6. Боярский П.В. Введение в памятниковедение. М., 1990.
7. Боярский П.В. По следам первопроходцев Арктики // Известия культуры России. Информационный сборник № 4. М., 1990.
8. Боярский П.В. Морская арктическая комплексная экспедиция. Комплексные исследования историко-культурной и природной среды Арктики. М., 1990.
9. Боярский П.В. Памятники истории и культуры Крайнего Севера (по следам первопроходцев Арктики) // Панорама культурной жизни стран СНГ, Балтии и Закавказья. Вып. № 7. М.: НИО Информкультура, 1993.
10. Карта-схема "Особо охраняемые территории Баренцевогорья". Проект Морской арктической комплексной экспедиции (МАКЭ). Российский НИИ культурного и природного наследия. М., 1992.
11. Боярский П.В. Исследования Морской арктической комплексной экспедиции (МАКЭ) в 1992 г. // Новая Земля. Труды Морской арктической комплексной экспедиции / Под общ. ред. П.В. Боярского. Т. 1. Кн. 1. М., 1992.
12. Боярский П.В. Создание системы особо охраняемых природных и историко-культурных территорий Баренцевогорья (постановка проблемы) // Новая Земля. Труды Морской арктической комплексной экспедиции / Под общ. ред. П.В. Боярского. Т. 3. М., 1994.
13. Захаров Ю.С. Национальный парк "Русская Арктика" // Новая Земля. Серия Острова и архипелаги Российской Арктики. Новая Земля / Под общ. ред. П.В. Боярского. М.: Изд-во "Paulsen", 2009.
14. Новая Земля. Серия Острова и архипелаги Российской Арктики / Под общ. ред. начальника МАКЭ, проф. П.В. Боярского. М., Изд-во "Paulsen", 2009.
15. Каверин В. Два капитана. М.: Детская литература, 2006.
16. Исторический эксперимент. Теория, методология, практика / отв. ред. кандидат физ.-мат. наук П.В. Боярский. М., 1991.
17. Боярский П.В. Теория и практика исторического эксперимента // Исторический эксперимент. Теория, методология, практика / отв. ред. кандидат физ.-мат. наук П.В. Боярский. М., 1991.
18. Вокруг Света: журнал Русского географического общества. 2012. №8. Август.
19. Боярский П.В. Историко-географические эксперименты и исследования МАКЭ по маршрутам плавания Виллема Баренца // де Вейр Х. Арктические плавания Виллема Баренца 1594–1597 гг. Перевод со староголландского проф. И.М. Михайловой / Под общ. ред. П.В. Боярского. М., 2011.

ИЗУЧЕНИЕ ПРИРОДНО-КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ АРКТИКИ

THE STUDY OF THE ARCTIC
NATURAL AND CULTURAL HERITAGE

A. Kuliev

Annotation

The article is devoted to the study of the natural complexes and the coastal areas of the Arctic, the assessment of geographic environment of the objects of natural and cultural heritage. Considering Pustozersk as an example the author provides the description of the interaction of natural processes and human economical activity, and gives the assessment of its influence to the objects of cultural heritage. While suggesting a rationale of the Pustozersk town as a cultural phenomenon the author points to the monuments of archaeology as to the undisputed evidence and explains the attraction to the development of this place by the peculiarities of the natural environment.

Keywords: Arctic sea complex expedition, Arctic, Pustozersk, Gorodetskoye lake, Pechora, archeological monuments, natural heritage.

Аннотация

Статья посвящена изучению природных комплексов и прибрежных акваторий Арктики, оценке географической среды объектов природного и культурного наследия. На примере Пустозерска приводится описание взаимодействия природных процессов и хозяйственной деятельности человека, и дается оценка его влияния на объекты культурного наследия. Предлагая обоснование Пустозерского городка как культурного явления, автор в качестве бесспорного доказательства указывает на памятники археологии, объясняет тяготение к освоению данного места особенностями природной среды.

Ключевые слова:

МАКЭ, Арктика, Пустозерск, Городецкое озеро, Печора, археологические памятники, природное наследие

В задачу Морской арктической комплексной экспедиции (МАКЭ) входит изучение природных комплексов суши и прибрежных акваторий Арктики, выявление объектов природного наследия. При изучении природного наследия основными направлениями деятельности МАКЭ являются описание состояния географической среды объектов культурного наследия, выявление и исследование объектов природного наследия.

Еще религии и философии древних цивилизаций рассматривали природу и природные явления как неотъемлемую часть существования человека. Человек на протяжении веков приспосабливается к окружающей природе, к ее воздействию, а также приспосабливает окружающую среду к своим потребностям. Необходимо отметить, что объекты культурного наследия находятся в природной среде и являются ее составной частью. В результате они вовлекаются в динамику природных процессов, образуя единый комплекс. От того, насколько гармонично они вписались в природную среду, зависит дальнейшая их судьба.

Природные компоненты тесно связаны друг с другом и изменение в динамике одного из них ведет к изменениям в других. Здесь четко проявляется подчиненность природных компонентов – главенствующее положение принадлежит геологическому строению и тектонике территории.

Геологическое строение и рельефообразующие про-

цессы имеют большое значение для изучения как природного, так и культурного наследия. Для природного наследия тектоника и динамика рельефа важны, так как выделенные новейшие тектонические структуры являются каркасом ландшафтной структуры. Зачастую именно экстремальные по интенсивности для данного региона новейшие тектонические структуры образуют ландшафтные аномалии. Такие участки могут быть интересны и как объекты охраны окружающей среды, и как объекты туристические и рекреационные.

В последнее время многие исследователи пристальное внимание обращают на зоны тектонических нарушений, к которым приурочены культурные объекты наследия. Анализ причин концентрации в определенном пространстве культурных объектов разных временных эпох позволяет считать тектонику важным звеном в общей схеме исследования культурного и природного наследия, так как места расселения человека, определяемые природными факторами, становились одновременно и территорией с наибольшей концентрацией объектов культурного наследия. Выбор мест поселений в первую очередь основывался на критериях удобства: наличие основных источников получения пищи и воды, защищенность от врагов, удобство связей с другими поселениями и пр. Важную роль играли также интуитивные представления о красоте и эстетической значимости мест обитания и окружающей территории. Этой закономерности подчинен и выбор мест для сакральных объектов.

За геологическим строением и тектоникой следуют рельефообразующие процессы, которые изменяют лик земной поверхности. Они напрямую зависят от геологического строения территории. С ними связано проявление динамических процессов в природе (склоновые, эрозионные, абразионные, долинные и т.д.). При работе с культурным наследием в первую очередь определяются процессы, которые наиболее активно проявляются на данной территории. В связи с подъемом береговой линии на больших пространствах побережья, сложенных рыхлыми отложениями, активно развиваются абразионные процессы. Ежегодно морем размывается полоса побережья шириной от 1 м и более в год. Таким местам следует уделять особое внимание, так как, например, на южном побережье острова Вайгач на береговых обрывах обнаруживаются предметы из размываемых святилищ.

Мерзлота вызывает активно протекающие процессы перемешивания грунтов в вертикальной и горизонтальной плоскости. Степень рассредоточения предметов на месте объекта культурного наследия может быть самой разнообразной и зависит от уклона местности, состава подстилающих пород. Так, на выровненной поверхности с небольшой мощностью рыхлых отложений, на кристаллическом основании разнос составляет не более нескольких метров. Это связано с морозной сортировкой грунта. При замерзании грунта камешки и другие предметы перемещаются (выдавливаются льдом к поверхности). Мерзлотные процессы протекают весьма активно. Если объект находится на склоне, то под воздействием течения грунта по зеркалу мерзлоты предметы могут быть рассеяны на значительной площади. Мерзлота взаимодействует с другими природными компонентами, поэтому при полевых работах нужно проводить комплексную оценку местности.

Обычно при работе с объектами культурного наследия не учитывается связь биогенных компонентов с рельефом местности. Зачастую не учитывается его динамиче-

ский системообразующий фактор. В процессе развития рельеф оказывает воздействие на динамику и структуру почвенно-растительного покрова. В мерзлотных районах они тесно связаны с интенсивностью и характером склоновых процессов. Активность их зависит от структуры, на которую они наложены. Поэтому в описании природной среды необходимо давать сведения о характере той геологической структуры, на которой находится объект культурного наследия. Характер движений земной коры в этом месте указывает на характер изменения всех остальных природных компонентов. Индикатором этих процессов является почвенно-растительный покров, наиболее чутко реагирующий на все изменения природной среды.

Взаимообусловленность природных процессов, хозяйственной деятельности человека и их влияния на объекты культурного наследия можно проследить на примере Пустозерска. Прежде всего необходимо было найти ядро, вокруг которого формировались культурные объекты территории. Этим ядром является Городецкое озеро. Оно было центром притяжения для человека во все времена. Жизнь по его берегам не прекращалась с момента его образования до настоящего времени. Чем манило к себе озеро, объяснить сложно: то ли богатством самого озера и его окрестностей ценными природными ресурсами, то ли выгодным географическим положением и т. д.

Пустозерск находится на берегу Городецкого озера, в нижнем течении реки Печоры, на правом берегу, в 18 км к югу от города Нарьян-Мар. Озеро имеет трехлопастную форму – от тела (главной котловины) отходят три лопасти лахты в юго-восточном направлении, в которые впадают речки Городецкая, Светлая, Кубриха, Русская. С рекой Печорой озеро связано двумя протоками – Городецкий Шар и Гнилка.

Озеро лежит на стыке двух природных зон – тундровой и таежной. Здесь характерными элементами ландшафтов являются разреженные леса, чередующиеся с тундровыми растительными группировками и болотами. В течение голоцена природные условия региона неоднократно изменялись. Потепления, сопровождавшиеся продвижением природных зон к северу, сменялись похолоданиями, приводившими к смещению зон к югу. Неустойчивость климата способствовала образованию своеобразных природных ландшафтов.

Пустозерский городок, как явствует из названия, своим появлением ознаменовал эпоху, центральным событием которой стало пребывание в ссылке и сожжение протопопы Аввакума. Однако никакое культурное явление не рождается на пустом месте. Многочисленные и разновозрастные археологические памятники городка в окрестностях Городецкого озера – тому бесспорное доказательство. Встает вопрос: тяготение к этому месту – чистая случайность, или есть в нем какие-то признаки, пусть и не всегда осознано, на уровне интуиции, заставляющие

людей обращать особое внимание на этот район. Это, по-видимому, связано с особенностями природной среды, которые выделяют его на общем равнинном ландшафте Печорской низменности.

Когда видишь изображение данного района на космическом снимке, особенно наглядным становится тот факт, что природной доминантой территории является Городецкое озеро. В низовьях Печоры только оно и озеро Голодная губа воспринимаются как аномально большие озерные котловины. И если Голодная губа – типичное линейное озеро, то Городецкое имеет своеобразную крестообразную форму. Поэтому ничего удивительного, что крестообразная форма и размеры Городецкого озера, которые открывались с окаймляющих его холмов, были восприняты как знак своеобразной избранности места на фоне окружающего пейзажа.

Изучение особенностей рельефа низовьев реки Печоры показало, что крупные формы рельефа региона не являются случайным набором элементов. Они связаны с новейшими тектоническими движениями, с формированием системы разномасштабных новейших блоковых структур, очертанием которых и предопределяется весь узор мезо- и микрорельефа.

Эта тектоническая озерная котловина заложилась на месте относительно опущенного новейшего тектонического блока суши. В современном виде впадина Городецкого озера сформировалась в конце четвертичного периода. Появление озера связано с последующим поднятием суши и регрессией моря. Городецкое озеро в то время находилось под водами далеко вдававшегося в сушу морского залива. Сейчас котловина отличается большими размерами, но мелководна, центральная часть глубиной 4–6 м, максимальная глубина 16 м. Зона мелководья имеет ширину несколько сотен метров, дно песчаное. Плоское дно озерной котловины сложено мощным слоем серого ила.

Береговая линия озера в северной части прямолинейна, с небольшим количеством слабо вдающихся в сушу заливов. Берега крутые, часто обрывистые, возвышаются над урезом воды на 5–8 м. Южное побережье со множеством заливов отличается сильной изрезанностью, берега низменные, в лахтах заболоченные. Реки, впадающие в озеро, имеют широкие устья, переходящие в заливы. По-видимому, в результате опускания южного побережья озера оказались подтопленными устья рек.

Береговая линия озера неустойчива, постоянно меняется. На ее динамику оказывал влияние целый ряд факторов природной среды. По предварительным результатам исследования нами выделены три главные группы факторов: тектонический, гидрометеорологический, эолово-мерзлотный в сочетании с почвенно-растительным пирогенным. Таким образом, для решения этой проблемы

необходим комплексный подход с привлечением соответствующих дисциплин.

На берегах озера тектонические процессы происходят не везде одинаково. На обследованной территории подъем суши не превышает 0,2 мм в год, тогда как участок севернее поднимается на 0,3 мм, а на западном и восточном побережьях (в лахтах), напротив, опускается на 0,2 мм в год. В озеро впадает 4 реки. Озеро проточное, соединено с руслом реки Печоры протокой Гнилка и рукавом Городецкий Шар. Берег озера на участке городка Пустозерск за время, прошедшее с середины XV в., поднялся на 80 см и более. Большие колебания уровня подъема суши являются свидетельством различных временных циклов от сезонных до вековых.

В начале второго тысячелетия наблюдалось потепление климата. По-видимому, уровень озера был выше современного. Но, начиная с конца XIII в., тенденция изменилась на противоположную. Началось похолодание – "малый ледниковый период" с небольшими в 30–40 лет периодами потепления, продлившееся до конца XIX в. Сегодня береговая линия озера также сильно изменяется. Так, например, с начала 80-х гг. прошлого века наметилась тенденция повышения уровня озера, однако в конце века произошло его падение. Сезонные колебания уровня связаны с весенним снеготаянием. Высокие уровни обычны в середине июня, нижние – в зимний период, размах их колебаний – три, иногда и более метров. Характерны суточные колебания уровня, связанные со сгонно-нагонными явлениями.

С момента появления озера начинается процесс его преобразования под воздействием волн, наносов, притоков малыми реками, накопления озерных осадков. На темпы развития озера огромное влияние оказывает хозяйственная деятельность человека, которая приводит к его обмелению и заиливанию.

Современный урез Городецкого озера равен 1 м. По узкой протоке в озеро в паводок попадают воды реки Печоры. При отсутствии подпорных влияний уровень половодья в районе Нарьян-Мара не превышает 520 см. За

период с 1912 по 1975 гг. средняя величина пиковых значений уровня половодной волны изменялась от 290 до 740 см при средней величине 540 см. Эти цифры достаточно высоки, так что изменения уровня озера, безусловно, носят сезонный характер. Учитывая современный урез воды, можно предположить, что в те эпохи голоцена, когда уровень Мирового океана превышал эту величину, могли создаваться условия, в которых Городецкое озеро превращалось в лагуну, наподобие современной Корвинской губы. По-видимому, такой эпохой более высокого уровня озера было среднеголоценовое время атлантического климатического оптимума, когда уровень Печорского моря был выше современного на 3–5 м. Климат в это время был значительно теплее современного, и еловые леса подходили к берегу моря.

В самом конце атлантического века – начале суббореала отмечалось похолодание, когда уровень моря был близок к современному. Связь озера в это время с морским бассейном прервалась, и его гидрологический режим был аналогичен современному.

Во второй половине суббореала в регионе фиксируется еще одно потепление, но менее значительное, чем в атлантическое время. Уровень Печорского моря был выше современного на 2–3 м, так что некоторое подтопление морскими водами озерной котловины могло иметь место.

Более поздние колебания уровня Печорского моря были незначительны (менее 2 м) и не влияли на уровень озера. В последние две тысячи лет колебание уровня озера могло быть связано с крупными изменениями климата, например, со средневековым потеплением и последующим малым ледниковым периодом. Эти климатические эпохи длительностью в 300–400 лет могли повлиять на гидрологический режим реки Печоры и сказаться на объеме стока системы небольших рек, впадающих в Городецкое озеро. Конечно, количество выпадающих осадков в периоды исторических эпох изменения климата вряд ли было значительным (ориентировочно не более чем на 20%). Во всяком случае, на растительном покрове, который более консервативен, чем гидрологический режим, потепление климата после малого ледникового периода было отмечено для ряда районов Европейского Севера.

В настоящее время мерзлотная зона отступила к северу, и в окрестностях Городецкого озера встречаются островки мерзлоты на торфяных болотах, в местах с плотным и мощным моховым покровом. Еще в начале XX в. мерзлота принимала активное участие в формировании рельефа местности во взаимодействии с растительным покровом, почвами и пирогенным фактором. Большое влияние на возникновение пожаров оказал человек, осваивавший эту территорию с момента появления озера. Пожары уничтожали растительность по берегам озе-

ра, а ветры способствовали развитию эоловых процессов. Ветер выносил песок с бортов котловины озера и откладывал в виде гряд по краю I террасы, засыпая почвенно-растительный покров.

Мерзлота способствовала распространению термоабразионных процессов по берегам озера. Процесс размыва берегов шел весьма активно. Во время паводков заливалась пойма. Вода поднималась к склону террасы; так как ее температура оказывалась выше, происходило таяние мерзлоты, и берег обрушивался. В дальнейшем вскрывшийся край мерзлотного тела продолжал таять. Таким образом, берег в теплый период продолжал оттаивать и осыпаться. Паводковые воды уносили песок. В результате этих процессов сформировался профиль озера с крутыми вогнутыми бортами, широкими плоскими отмелями до сотни метров, переходящими в крутой склон, а затем глубоководную часть котловины.

Развитие этих процессов сказывалось на увеличении площади зеркала воды, но из-за этого шло заполнение глубоководной части котловины осадками, и уменьшалась его глубина. Река Печора определяла уровень береговой линии озера. С увеличением объема стока реки поднималась береговая линия, с уменьшением – наоборот снижалась. Расширение акватории озера увеличивало протяженность береговой линии и смещало ее от первоначального положения. Подтверждением этого факта являются археологические находки, относящиеся к мезолиту, практически обнаруженные на урезе воды. По-видимому, они раньше находились на первой террасе, но затем в результате размыва берега оказались у воды. Поскольку интенсивного переноса обломочного материала не было, то эти находки остались лежать на месте, если и перемещались, то не более чем на несколько метров. О быстроте разрушения берегов говорит тот факт, что от городища Кобылиха конца I – начала II тысячелетия осталась треть от принадлежавшей ему ранее территории. Находки на берегу показывают его размытые границы.

В настоящее время с деградацией мерзлоты, пожарной охраной лесов, снижением хозяйственной деятельности человека понижение уровня паводковых вод, размыв берегов прекратился. Так, на значительной части берега мы видим закрепление склонов луговой растительностью, кустарниками и кустарничково-моховыми группировками. Только местами, где велика активность местного населения, он еще продолжается.

Заселение берегов Городецкого озера, по-видимому, произошло сразу после отступления моря в суббореальное время. Регулярное изменение природной среды влияло на жизнь, быт, духовный мир селившихся на берегах озера людей. Человек вынужден был приспосабливаться, вырабатывать новые навыки, позволяющие ему выживать в постоянно меняющихся условиях природной сре-

ды. С самого начала заселения территории население активно стало влиять на природные процессы.

Большая часть прибрежной части и мелководья озера покрыты археологическими памятниками. Береговая линия постоянно менялась под влиянием нестабильности природных условий. Об этом говорят широкие отмели. Предметы разных периодов находили на берегу, у уреза воды, в воде.

Геоморфологические исследования позволили выявить узловые структуры, в пределах которых были сделаны находки археологических памятников разных эпох.

Однако еще более важно, что в результате анализа полученного материала удается выделить узлы, где такие находки пока не отмечались. Они могут рассматриваться как перспективные для планирования и проведения будущих экспедиционных исследований. В частности, в среднем и позднем голоцене вряд ли возможно было поселение на современных уровнях высокой поймы, так как они в то время сравнительно часто могли заливаться во время весенних паводков. Наиболее благоприятны были условия на современной первой надпойменной террасе и более высоких геоморфологических уровнях, но, естественно, вблизи русел рек или озера. Еще одним геоморфологическим критерием для поисков археологических памятников может служить развитие эоловых процессов, так как в песчаных отложениях проще было устраивать жилища. Все это позволяет считать геоморфологические данные важным элементом при изучении культурного и природного наследия.

Еще в начале XX в. мерзлота принимала активное участие в формировании рельефа местности во взаимодействии с растительным покровом, почвами и пирогенным фактором. Большое влияние на возникновение пожаров оказал человек, осваивавший эту территорию с момента появления озера. Пожары уничтожали растительность по берегам озера, а ветры способствовали развитию эоловых процессов. Многочисленные мезолитические стоянки древнего человека обнаружены в прибрежной полосе озера по котловинам выдувания и развеваемым пескам.

Археологические памятники мезолита можно разделить на два типа. Мезолитические стоянки, вскрытые в

реликтовых котловинах и на современных эоловых формах (дюнах, грядах и т. д.). Характерной особенностью этих памятников является размещение фрагментов керамики и кремневых орудий в погребенном слое почвы. По-видимому, во время появления стоянки берег озера был выровненным и покрыт редкостойным хвойным лесом. В последующее время с активным развитием эоловых процессов стоянка оказалась погребенной под слоем песка. С похолоданием климата широко распространилась многолетняя мерзлота. Формирование обоих типов береговой линии связано с пожарами. В первом случае на выгоревших местах с прохождением интенсивных пожаров, когда выгорает не только древостой, но и верхний почвенный горизонт, образуются просадки грунта. Они появлялись в периоды развития многолетнемерзлых грунтов. На выгоревших участках образовывались блюдцеобразные понижения, затем сильные ветра углубляли их и возникали котловины с крутыми бортами и плоским дном глубиной более 3 м. Второй тип развивается сейчас. Сплошная мерзлота, ранее широко распространенная в регионе, деградировала и отступила к северу. После пожаров сдувается верхний выгоревший слой почвы. Интенсивный ветровой режим продолжает раздувать подпочвенные аллювиальные пески, широко распространенные в окрестностях Городецкого озера. Образуются подвижные эоловые формы рельефа – дюны, гряды.

Мезолитические стоянки в естественных условиях обнаружить очень трудно, обычно находки попадают по вскрывшимся памятникам в устьях ручьев, у уреза воды, по обнажениям в долинах ручьев и рек, по эоловым формам рельефа. Орудия выносятся из культурного слоя и движутся вниз по склону. Они хорошо видны на поверхности песка. Образуются россыпи предметов вытянутой формы, от слоя погребенной почвы до подножия склона. Орудия при сильных ветрах могут присыпаться песком, но затем дождями вымываются снова. В зимний период сезонная мерзлота выталкивает их на поверхность. По-видимому, вскрыта только часть стоянок, возможно существование большого количества еще не найденных стоянок.

Результаты исследований позволят провести всесторонний анализ природных процессов на объектах культурного наследия и дадут возможность определить их состояние, выработать необходимые меры охраны, рационального использования и поддержания.

ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ НАЦИОНАЛЬНОГО ПАРКА "РУССКАЯ АРКТИКА" И ФЕДЕРАЛЬНОГО ЗАКАЗНИКА "ЗЕМЛЯ ФРАНЦА-ИОСИФА": ПРИРОДНЫЕ И АНТРОПОГЕННЫЕ ФАКТОРЫ, УГРОЖАЮЩИЕ ЕГО СОХРАНЕНИЮ

HISTORICAL AND CULTURAL HERITAGE
OF THE NATIONAL PARK "THE RUSSIAN
ARCTIC" AND THE FEDERAL NATURE RESERVE
"FRANZ-JOSEF LAND": NATURAL AND
ANTHROPOGENIC FACTORS THREATENING
THE CONSERVATION

*M. Gavrilov
E. Ermolov*

Annotation

The article gives an overview and brief description of the historical and cultural heritage of the Novaya Zemlya and Franz-Joseph Land archipelagoes including the main group of the objects of historical-cultural heritage. The authors consider the main natural and anthropogenic factors threatening the preservation of historical and cultural heritage. Special attention is given to the description of preserving the heritage in the Soviet period and its challenges.

Keywords: Arctic, Franz-Josef Land, Novaya Zemlya, historical and cultural heritage, history of exploration, challenges in the conservation of heritage.

Гаврило Мария Владиславовна

К.б.н., зам. директора по науке,

Национальный парк "Русская Арктика"

Ермолов Евгений Олегович

Научный сотрудник,

Национальный парк "Русская Арктика"

Аннотация

В статье дается общий обзор и краткая характеристика историко-культурного наследия (ИКН) архипелагов Новая Земля и Земля Франца-Иосифа, в том числе перечисляются основные группы объектов ИКН. Так же рассматриваются основные природные и антропогенные факторы, угрожающие сохранности историко-культурного наследия. Особое внимание уделяется описанию и проблемам сохранения наследия советского периода.

Ключевые слова:

Арктика, Земля Франца-Иосифа, Новая Земля, история освоения, историко-культурное наследие, проблемы сохранения наследия.

В Арктике, особенно на ее удаленных островах, благодаря изолированности, труднодоступности и особым природно-климатическим условиям сохранилось значительное число объектов историко-культурного наследия, многие из которых поистине уникальны. Неравномерная и, в целом, слабая изученность территории включает в себе значительный потенциал для выявления новых объектов историко-культурного значения. Актуализация проблем арктического региона в современных условиях, как на международном уровне, так и в России, имеющей наиболее протяженные полярные владения в мире, закономерно влечет повышение интереса к арктическому культурному и природному наследию. Связано это как общей интенсификацией промышленного освоения арктического региона, так и с очевидным ростом внимания к Арктике как региону со значительным туристическим потенциалом. Вместе с тем, как отмечалось на заседании Межведомственной комиссии по морскому наследию Морской коллегии при Правительстве Российской Федерации, состоявшемся в сентябре 2012 г. [5], богатое историко-культурное наследие морской высокоширотной Арктики не имеет в настоящий момент официального статуса и не входит в перечень

официально выявленных культурных и исторических объектов Российской Федерации, что влечет за собой отсутствие законодательной основы для постановки такого рода объектов арктического региона на государственную охрану.

В 1994 г. был создан государственный природный заказник федерального значения "Земля Франца-Иосифа". В него вошли все острова архипелага и акватория прилегающего шельфа. Заказник стал первой высокоширотной особо охраняемой природной территорией российской Арктики. Распоряжением Правительства РФ в 2009 г. на северной оконечности острова Северного архипелага Новая Земля был учрежден национальный парк "Русская Арктика", а спустя два года была сформирована его администрация. В настоящее время заказник "Земля Франца-Иосифа" находится под управлением администрации национального парка "Русская Арктика" (далее по тексту заказник и парк объединены термином "особо охраняемая природная территория" – ООПТ). Это создало предпосылки для изучения, сохранения и устойчивого использования объектов не только природного, но историко-культурного наследия обширной островной

территории западного сектора российской Арктики.

Культурное наследие, находящееся на ООПТ, уникально для российской Арктики по своим историческим корням. Здесь сконцентрированы памятные места и материальные объекты, наиболее полно и последовательно характеризующие историю открытия и освоения Западного сектора Арктики с XVI в. до наших дней.

К числу специфических особенностей историко-культурного наследия рассматриваемых ООПТ можно отнести:

- ◆ высокую насыщенность и многообразие объектов для незаселенного района;
- ◆ высокую долю объектов, связанных с международными экспедициями и зарубежными первооткрывателями;
- ◆ хорошую естественную сохранность в связи с суровостью природно-климатических условий (природная мерзлотная консервация, отсутствие организмов-разрушителей древесины);
- ◆ преобладание объектов наследия в виде памятных мест и ассоциативных ландшафтов, связанных с выдающимися историческими личностями и событиями, что особенно ценно благодаря тому, что местные ландшафты сохранили свой исторический облик в условиях незаселенных и малопосещаемых островов;
- ◆ территориальную концентрацию в узкой береговой зоне.

Всего по материалам "Эколого-экономического обоснования" (2006) и публикаций [1; 4] на территории ООПТ описано 238 объектов, обладающих признаками историко-культурной значимости, в том числе на территории национального парка – 137, на территории заказника – 101. В пределах парка следует выделить 47 памятников и 90 памятных мест в северной части архипелага Новая Земля, а также 65 памятников и 36 памятных мест, расположенных на территории 22 островов архипелага Земля Франца-Иосифа.

На территории национального парка, безусловно, главным объектом археологии является место зимовки голландской экспедиции В. Баренца (1596–1597 гг.) в Ледяной Гавани на северо-восточном побережье Новой Земли. Помимо этого на мысе Желания находятся строения полярной гидрометеорологической станции и военные объекты времен холодной войны, а вдоль побережья располагаются многочисленные объекты, связанные с освоением архипелага поморами.

Среди основных объектов археологии архипелага

Земля Франца-Иосифа следует выделить единственное сохранившееся практически в нетронутом состоянии строение "Убежище Эйра" на острове Белл шотландской экспедиции Бенджамина Ли Смита (1880–1881 гг.), руины лагеря американской экспедиции под руководством Уолтера Уэлмана (1898–1899 гг.) на острове Галля (мысе Тегетхоф), остатки продовольственных депо экспедиции Эвелина Болдуина (1901–1902 гг.) на острове Алджерера, руины лагеря Федерика Джексона и американской экспедиции Антони Фиала (1903–1905 гг.) на острове Нортбрук (мыс Флора), руины зимовья Фридьофа Нансена и Ялмара Йохансена (1895–1896 гг.) на острове Джексона (мыс Норвегия), остатки немецкой метеорологической станции (1943–1944 гг.) на острове Земля Александры и некоторые другие.

На островах архипелага располагаются четыре метеорологические станции, в том числе и старейшая на архипелаге полярная станция Бухта Тихая на острове Гукера, открытая в 1929 г. Особое место занимает военное наследие советской эпохи, представленное строениями и оборудованием различного назначения, авиационной, тракторной и автомобильной техникой времен холодной войны. К тому же на островах сохранилось немало памятников истории техники, в том числе образцов, давно уничтоженных на материке.

К сожалению, общий процесс разрушения памятников истории и культуры охватил и Арктику. Среди факторов, влияющих на сохранность объектов историко-культурного наследия, выделяются природные и антропогенные. Однако причины деградации культурного наследия здесь несколько иные, чем в староосвоенных районах. Современное потепление климата, особенно сильно проявляющееся в полярных областях, оказывает непосредственное влияние на сохранность историко-культурных объектов, так как оно влечет за собой интенсификацию многих природных процессов за счет повышения температуры, усиления термокарстовых и учащения катастрофических природных явлений.

К актуальным угрозам природного характера сохранности историко-культурных объектов, возрастающим в связи с потеплением климата, можно отнести:

- ◆ разрушение берегов, сложенных льдистыми породами;
- ◆ термокарстовые процессы, связанные с увеличением глубины протаивания почво-грунтов;
- ◆ нарушение естественной консервации объектов (таяние льда и снега);
- ◆ активация разрушения древесины организмами-деструкторами на фоне повышения температуры воздуха.

Среди основных антропогенных угроз следует, прежде всего, назвать:

- ◆ вандализм (разграбление, растаскивание и уничтожение объектов наследия);
- ◆ изменение и утрату исторического облика ландшафтов (несогласованная, необдуманная установка памятных табличек, "облагораживание" территории, деградация почвенно-растительного покрова вследствие растущей рекреационной нагрузки и др.);
- ◆ отсутствие целенаправленного научно-обоснованного комплекса мер по охране, консервации и использованию объектов историко-культурного наследия.

На наш взгляд, эффективной охране и устойчивому использованию историко-культурного наследия препятствуют следующие факторы:

1. Недостаточная изученность (неполное выявление объектов, отсутствие четкой атрибуции и научных описаний выявленных объектов, низкая актуальность многих сведений). Особенно остро эта проблема стоит в отношении объектов историко-культурного наследия советского периода; в целом господствует слабое понимание значимости данных объектов.

2. Отсутствие методологии выявления, изучения, мониторинга и использования объектов наследия, адаптированной к региональной специфике арктической зоны.

3. Отсутствие координирующей структуры, осуществляющей учет, мониторинг, исследования объектов историко-культурного наследия в Арктике. Целесообразность наличия такой региональной структуры, а также специальной методологии обуславливается наличием особенностей, специфичных для объектов историко-культурного наследия, расположенных в арктической зоне.

Необходимо отметить, что в настоящий момент все объекты наследия, расположенные на ООПТ, как и подавляющее большинство объектов на других арктических островах, обладают признаками историко-культурной ценности, но и не имеют официально подтвержденного статуса памятника истории или достопримечательного места.

Ранее авторы уже обращали внимание на значение объектов советской эпохи и проблемы, связанные с их сохранением [2]. Большинство этих объектов расположено в импактных районах – местах прежней интенсивной хозяйственной деятельности, сопровождавшейся мощным загрязнением. С 2011 г. начались работы по реализации широкомасштабной программы по ликвидации источников негативного воздействия на загрязненных территориях островов архипелагов Земля Франца-Иосифа и Новая Земля. Во всех импактных районах находятся памятные места и объекты, имеющие признаки историко-культурной значимости, преимущественно советского периода освоения архипелагов. Зачастую именно прежняя деятельность, связанная с обеспечением, в первую очередь, военной авиации, приводила к формированию свалок и загрязнению этих районов. Выпавшее к настоящему времени геоэкологическое обследование данных территорий не выделяет среди всего объема загрязнения объекты, имеющие признаки историко-культурной значимости. В перечень источников негативного воздействия среди прочего включены авиационная, автомобильная и тракторная техника как разновидность металлолома, все объекты инженерной инфраструктуры, здания и сооружения производственного назначения.

Для сохранения объектов советского периода освоения Арктики, представляющих историко-культурную ценность, требуется срочное обследование импактных районов в целях выделения среди "источников загрязнения" ценных объектов, их научное описание с последующим прохождением государственной историко-культурной экспертизы, опережающей производственные работы по очистке территории.

Однако следует подчеркнуть, что в вопросе сохранения историко-культурного наследия в Арктическом регионе наметилась положительная динамика, в том числе и на правительственном уровне. Подтверждением тому служит очередное заседание Межведомственной комис-

сии по морскому наследию Морской коллегии, прошедшее в рамках конференции "История исследования и освоения Арктики", организованной Росгидрометом и Северным (Арктическим) федеральным университетом [3]. Итогом заседания, на котором обсуждались проблемы изучения и сохранения объектов культурного наследия в Арктике, стало принятие резолюции, включившей в себя, в том числе, следующие положения:

- ◆ активизировать работы по выявлению и постановке на учет объектов историко-культурного наследия в Арктике;
- ◆ ввести аккредитацию поисковых исследовательских экспедиций в Арктике;
- ◆ рекомендовать Министерству иностранных дел Российской Федерации принять активное участие в сохранении объектов историко-культурного наследия в Арктике, имеющих международное значение;
- ◆ выделить средства на разработку атласа объектов историко-культурного наследия в Арктике;
- ◆ разработать методики по оценке, паспортизации и постановке на учет объектов историко-культурного наследия в Арктике;
- ◆ рекомендовать Министерству природных ресурсов и экологии Российской Федерации и Министерству культуры Российской Федерации организовать процесс выявления, постановки на учет и сохранения объектов историко-культурного наследия на ООПТ.

Плодотворным началом межведомственного взаимодействия в области сохранения морского наследия Арктики стало установление продуктивного сотрудничества между национальным парком "Русская Арктика" и Министерством культуры Архангельской области. Представители министерства приняли активное участие в семинарах по формированию Среднесрочного плана управления национальным парком "Русская Арктика" и федеральным

заказником "Земля Франца-Иосифа". Летом 2012 г. эксперт Министерства культуры принял участие в полевой экспедиции на территории парка и заказника, в ходе которой был сформирован первый пакет документов по объектам с признаками историко-культурной значимости, расположенных на территории ООПТ для дальнейшего прохождения историко-культурной экспертизы.

Сотрудники парка приняли участие в расширенном заседании коллегии Министерства культуры Архангельской области и научно-методического совета по сохранению, использованию, популяризации и государственной охране объектов культурного наследия народов Российской Федерации, расположенных на территории Архангельской области. По итогам заседания принято решение "содействовать ФГБУ "Национальный парк "Русская Арктика" в организации проведения мероприятий по включению объектов и территорий, представляющих историко-культурную ценность и расположенных в зоне его ответственности, в единый государственный реестр объектов культурного наследия народов Российской Федерации", а также ввести представителя Министерства культуры Архангельской области в состав научно-технического совета парка. В настоящее время обсуждаются дальнейшие совместные мероприятия.

Стоит особо отметить, что значительная часть арктических территорий Архангельской области входит в состав национального парка "Русская Арктика" и государственного заказника "Земля Франца-Иосифа". Если наш регион действительно позиционирует себя как арктический, то ему сегодня следует обратить пристальное внимание на ООПТ и, в том числе способствовать сохранению историко-культурного наследия данных территорий, так как Арктика для Архангельской области – это, в первую очередь, архипелаги Новая Земля и Земля Франца-Иосифа.

ЛИТЕРАТУРА

1. Боярский П.В., Кулиев А.Н. Архипелаг Земля Франца-Иосифа. Природное и культурное наследие. Указатель к карте. Летопись Земли Франца-Иосифа. М.: Paulsen, 2011
2. Гаврило М.В., Ермолов Е.О., Романенко Ф.А. Проблемы сохранения морского историко-культурного наследия при комплексном развитии национального парка "Русская Арктика" // История изучения и освоения Арктики – от прошлого к будущему: сборник материалов научной конференции с международным участием. Архангельск, 2012. С. 189–191.
3. Морская коллегия России. Официальные документы // Морское наследие. 2012. № 3–4. С. 110–111.
4. Новая Земля / под общ. ред. П.В. Боярского. М.: Paulsen, 2009
5. Филин П.А., Гаврило М.В. Проблемы сохранения объектов культурного наследия в Арктике // Морская политика России. 2012. № 3. С. 30–32.

КУЛЬТУРНАЯ ПОЛИТИКА: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ И ПРАКТИКА РЕАЛИЗАЦИИ

CULTURAL POLICY: THEORETICAL ASPECTS AND PRACTICE OF IMPLEMENTATION

O. Astafyeva

Annotation

In the article the cultural policy is considered as the special type of the management activity. The author concentrates on the mutual dependence between the culture's comprehension in the society and the governmental cultural policy.

Keywords: culture, cultural policy, cultural management.

Аннотация

В статье культурная политика рассматривается как особый вид управленческой деятельности. Автор особо акцентирует внимание на взаимозависимости между пониманием культуры в обществе и проводимой государством культурной политикой.

Ключевые слова:

Культура, культурная политика, управление в сфере культуры.

Астафьева Ольга Николаевна

Д. фил. н., профессор,

Российская академия народного хозяйства

и государственной службы

при Президенте РФ, г. Москва

1. Культура в контексте культурной политики

Проблемы культурной политики – это проблемы государственного и общественного статуса культуры, и даже те, кто говорит о слабости или вовсе отсутствии культурной политики в современной России, глубоко заблуждаются. Ошибочность подобных утверждений коренится в существующих в обществе широких расхождениях между представлениями о самоценности культуры как таковой, значении культуры для становления человека, роли и функциях культуры в обществе, наконец, возможностях культуры как фактора, ускоряющего социальные преобразования.

В течение длительного времени вокруг центрального понятия "культура" ведутся серьезные дискуссии. В зависимости от его трактовки и смыслового наполнения культура становится объектом разных областей социального и гуманитарного знания; категорией, вокруг которой выстраиваются концепции и формируются подходы к исследованию мира материальных объектов и символов, ценностей, искусственных порядков и человеческих отношений, именуемого культурой. Методы и подходы к культуре определяют специфику научных школ и направлений, в рамках которых изучается мир культуры. Среди них и получившие всеобщее признание – философско-антропологический, деятельностный, системный, аксиологический и другие подходы. Однако не менее очевидно и то, что становление многих школ, несмотря на значимость достигнутых в их рамках научных результатов, активно продолжается. К таким школам могут быть отнесены направления, развивающие методологию семиотиче-

ского, феноменологического, синергетического, социокультурного и других подходов к исследованию сущности культуры и процессов, в ней происходящих.

Так, в работах многих отечественных философов культура понимается как способ существования и форма собственно человеческого бытия, а не частная сфера жизни человечества [6]. Культура – это все то, что "создается человеком и при этом само создает человека, производит сам феномен человечности", – подчеркивает М.Н. Эпштейн [12, с. 238]. В.М. Межуев связывает сущность культуры с производством самого человека во всем богатстве и многогранности его общественных связей и отношений, во всей целостности его бытия, полагая, что только в процессе самотворчества человека бытие ему открывается и им создается, причем во все более универсальном масштабе. "Бытие всегда в потенции, в становлении, в преодолении наличного. Оно не то, что можно открыть в себе в качестве уже существующего, но только ускользающего от сознания, а что необходимо еще создать, что всегда впереди, а не позади. Движение к нему и есть культура. <...> Нигилизм в отношении культуры – путь назад, культура – всегда движение вперед" [7, с. 277.].

Таким образом, культура – "это не то, что можно непосредственно наблюдать в действительности, а то, что мы выделяем в ней в качестве чего-то для нас важного и ценного" [7, с. 25], в силу чего каждая эпоха постоянно воспроизводит и решает в истории мысли проблему культуры. Кроме того, ее изучение усложняется еще и не только в связи с сохранением у теоретиков и практиков разных представлений о культуре, но и с характером решаемых ими задач. Одно дело – пытаться человеку по-

нять весь мир во всем его культурном многообразии, постичь закономерности социокультурных изменений, и другое – быть субъектом, осуществляющим регулирование этих сложнейших процессов, будучи включенным в структурно-функциональные рамки системы социального управления.

При широком понимании культуры такие области человеческой практики как наука, образование, экономика, философия, искусство, литература, политика выступают уже не частными областями деятельности людей, включенными в систему отношений разного уровня, а "бесспорными компонентами культуры, поскольку они создаются человечеством для самосознания и преобразования человечества" [12, с. 238]. Отсюда признание безграничных возможностей культуры как самоорганизующейся системы и ее интегративного мощного потенциала для социума.

Культура предоставляет всему обществу, социальным группам, а также каждому человеку нормированные способы организации поведения, регуляции взаимодействия, формирования оценок и самоидентичности, т.е. осознания себя членами своего общесоциального, группового и индивидуального "Я", маркирования себя и окружения самобытными ценностно-символическими формами. Вместе с тем культура заключает в себе исторические механизмы самоадаптации общества к меняющейся среде, которые позволяют активизировать социальную практику, оставлять в прошлом отжившие традиции, утверждая вместо них новые поведенческие нормы и духовные ценности. Таким образом, культура выполняет в обществе множество социально значимых функций. Помимо адаптационной, коммуникативной, регулятивной, интегративной и других функций, не менее значимой выступает и познавательная функция "осмысления действительности". Культура – это не только система ценностей, регулирующая всю жизнедеятельность человека, но и уникальный социокультурный опыт хозяйствования, традиции воспитания и образования. В целом, образ жизни, а также целостная, многоуровневая система представлений о мире и его взаимосвязях, особый склад художественно-образного мировосприятия мира и пр., передаваемая от одного поколения к другому и сохраняющая одновременно устойчивость в больших исторических масштабах, но и допускающая изменчивость "картины мира".

Какова современная культура, удастся ли ей обеспечить людей системой гуманистических смыслов для ориентации в быстро изменяющемся мире? Возможно ли сегодня человеку, включенному в динамику и ритмы социокультурных изменений, найти устойчивые ценностно-смысловые основания для выбора модели самореализации в мире, определяемом концептами "полицелостность" и "сверхсложность"? В "многокультурном" мире, где "образцы разных национальных культур органично перемешиваются в повседневном быту и постепенно начинают восприниматься как наши", где "человек подсознательно проявляет равное уважение и доверие ко всем национальным культурам, опредмеченные тексты

которых он принимает в свой оборот" (см.: [9, с. 23, 25]).

Подобные вопросы закономерны. Столь сложного со- вмещения традиционного и новаторского, такой "плюрализации" бытия – сосуществования в едином пространстве/времени разнообразных норм и ценностей, артефактов, образцов отношений, стилей и образов жизни, человечество в своей истории еще не знало. Это позволяет нам предположить, что общие характеристики современной культуры отражают лишь "часть айсберга", не вмещающаяся в узкие рамки даже такого широкого понятия, как "постмодернистский эклектизм". В реальности и оно обнаруживает лишь внешнюю "оболочку" культуры, не раскрывая и малой части внутренних процессов саморазвития культуры.

Действительно, у каждой эпохи / цивилизации собственные основания для расширения пространства культуры. Динамика социальных и культурных изменений формирует новый мировой ландшафт, пронизанный коммуникациями, характеризующийся мобильностью населения, связанной, прежде всего, с активизацией рыночных механизмов, включенностью людей в культурные и социальные преобразования, поисками форм взаимодействия в условиях культурного многообразия, механизмов сдерживания экологического кризиса.

Основными направлениями развития современного глобализационного этапа выступают интенсификация межкультурных коммуникаций, информатизация, виртуализация и медиатизация среды, а основными характеристиками становятся не только "стандартизация" и "унификация", но одновременно "многообразие" и "множественность", вокруг которых и есть смысл разворачивать научно-теоретические и научно-практические дискуссии о настоящем (реально существующем) и будущем (потенциально возможном) культуры. Одним из центральных в понимании сущности современной культуры становится информационно-коммуникативный фактор и постоянно обновляющаяся, в результате интенсивного освоения людьми новых средств связи и коммуникационных технологий, социокультурная среда – адекватная процессам "уплотнения" и "сжатия" мира. Не менее значимой проблемой выступает отношение к культурному разнообразию в условиях глобализации культуры. Трактовка этой новой ситуации не может быть дана в концепции культурной политики вне учета актуализирующихся проблем.

Среди центральных вопросов, на которые требуются ответы, можно выделить следующие.

- ◆ Как сохранить этнокультурную самобытность, стабильности социальное единство?
- ◆ Каковы перспективы национальной культурной идентичности?
- ◆ На каких критериях выстраивать межкультурный диалог?
- ◆ Как научить современных людей к совместному сосуществованию на принципах толерантности, проявлению взаимного уважения для сохранения культурного разнообразия в мире?

◆ Какова, в целом, роль культуры в современном мире, во многом ориентированном на технологические преобразования в социуме, переживающем серьезные экономические потрясения?

В ходе демократических преобразований и административных реформ двух последних десятилетий в культуре произошли позитивные перемены, однако в целом сохранилось "узкое" понимание культуры как сферы и отрасли (что имеет соответствующее закрепление в законодательно-правовой базе государства). Какой смысл заключен в понятие "культура" в рамках этого теоретического подхода?

При ведомственном (отраслевом) подходе культура не исследуется как культура, создающая собственные эффекты реальности, формируемые в результате дискурсивных практик (в духе М. Фуко), и не рассматривается как система норм и ценностей, регулирующих взаимоотношения индивидов в социуме посредством системы социокультурных институтов (по П. Сорокину). Культура выступает системой исключительно специализированных видов деятельности, в целом – художественного творчества, поэтому проблема регулирования этих процессов становится центральной для Министерства культуры и его подведомственных структур, в то время как ценностно-смысловые основания культурной политики уходят на второй план. Концептуальные обоснования тенденций и динамики социокультурного развития уступают место ориентациям "на эффективность и полезность" культуры, часто подменяются погоней за "практическим результатом" – порой даже малозначимым для общества в перспективе, но весьма эффективным по решению проектам и программам "здесь и сейчас".

Таким образом, между теоретическими моделями и практическими возможностями их реализации на практике существует разрыв, что серьезным образом сказывается на динамике социокультурных процессов в российском обществе. На наш взгляд, преодоление так называемого ведомственного, отраслевого подхода к культуре предполагает разработку новой стратегии культурной политики. Однако такое решение не отражает всей сложности и глубины проблемы. Только на первый взгляд очевидны преимущества одного и слабость, уязвимость другого методологического подхода. Вообще с подобным противопоставлением – широким пониманием культуры и ее узкопрактической трактовкой – трудно согласиться. Скорее речь идет о двух разных по масштабу управленческих решениях, так как эти два уровня понимания культуры отражают ее целостность. Более того, в реальной жизни они поддерживают друг друга, способствуя воспроизводству культуры в обществе.

Таким образом, подчеркнем, что согласование высоких целей и конкретных практических задач соответствует сложности социокультурного пространства и направлено на поддержание его целостности.

Для нынешнего века, насыщенного глобальными вызовами и проблемами, характеризующимся изменением роли государств, взаимозависимостью народов и их

культур, значение философских оснований для соединения теории и практики, мышления и действия, познания реальности и проектирования будущего повышается (см.: [5, с. 545]). При этом повышается и ответственность государства за избираемую стратегию, за ценностно-смысловые основания, которые определяют ориентиры культурной политики как одного из видов стратегической управленческой деятельности. Думается, что креативность подходов, технологий и практик к реализации той или иной модели культурной политики во многом зависит от достижения синергии самоорганизационных творческих возможностей субъектов управления и навыками управленческой деятельности – концептуально-технологическим и инструментально-технологическим уровнями стратегического управления, в частности. Инновационность принципов культурной политики проявляется, в том числе в предлагаемых подходах к использованию ее инструментов (правовом, экономическом, организационно-управленческом, информационном, коммуникативном и др.), в умении достигать синергичного эффекта в условиях нестабильности среды и ограниченных ресурсов.

Изменяющийся мир инициирует поиски новых концептуальных линий, связанных с необходимостью перехода России к новой парадигме развития. Вполне закономерны ориентиры на согласованность успехов экономического развития страны и уровня культурных благ и услуг, потребляемых ее населением, их доступности. На наш взгляд, наступило время, когда необходимо ставить и обсуждать вопросы о социокультурном измерении происходящих реформ, о важности продвижения России по направлению к культуроцентризму, в котором центральными являются идеи гуманистической направленности на развитие, сбалансированное между политическими, экономическими и культурными целями.

Речь не идет о новых формах социального детерминизма или жесткой идеологической конструкции. Скорее, о ценностно-смысловых параметрах порядка в социуме, повышающих значимость в общественном развитии культуры, которое меняет отношение к ней в целом и создает основания для наращивания в стране "культурного капитала", для распространения позитивных социокультурных практик.

Концептуальное обновление современной культурной политики России базируется на стремлении общества к расширению смысла понятия "культура" на желании раскрыть истинные возможности культуры в социальном развитии. Это нашло отражение в обсуждаемом законопроекте Российской Федерации "О культуре", где предложено под понятием "культура" понимать "совокупность присущих обществу или социальной группе отличительных признаков, ценностей, традиций и верований, находящих выражение в образе жизни, искусстве и литературе". С одной стороны, в этом комплексном определении очевидно желание законодателей преодолеть рамки "узковедомственного" подхода, что концептуально соответствует трактовке понятия "культура" в международных документах ЮНЕСКО. С другой стороны, предлагаемая трактовка термина отражает их лишь частично, несмотря

на то, что и в таком объеме значительно расширяет предмет регулирования.

По нашему мнению, "культура" в таком понимании вводится в нашей стране в пространство "культурной политики" впервые, тем самым общество значительно расширяет традиционно понимаемую сферу культуры. Принципиально важный момент – самооценочность и саморазвитие культуры для человека и как ресурс "человечности" выступают целями культурной политики.

В свою очередь, культурная политика обретает определенные ценностно-смысловые основания, выражениями которых выступает множество субъектов культурной политики – государство, население, художники, научные и экспертные сообщества и др. В законопроекте они определяются как "культурные сообщества", объединенные общими ценностями, традициями и верованиями. Согласование их интересов и потребностей – одна из стратегических целей культурной политики, которая выстраивается с учетом глубокого понимания происходящих процессов, по результатам проведения социокультурной диагностики, прогнозирования.

Прошедшие за три последних десятилетия ценностно-смысловые трансформации в духовной культуре, а также перемены, связанные с динамикой социокультурных изменений, расширением условий взаимодействия культур, с возникновением новых культурных форм, свидетельствуют о качественных изменениях принципов создания, фиксации, распространения культуры и культурного опыта. Это не могло не сказаться на внедрении инновационных моделей в систему управления сферой культуры, что, в свою очередь, привело к отказу от "примитивной рациональности" многих операционально-управленческих решений и переходу к стратегическому управлению, широкому применению проектно-программного подхода, разработке сценариев развития сферы культуры на среднесрочную и многолетнюю перспективу. Фактически, наметился переход к инновационной модели культурной политики.

В условиях интенсивных цивилизационных изменений, развития информационной инфраструктуры и расширения институтов коммуникации, обеспечивающих динамику и плотность культурных потоков в глобализирующемся мире (при не менее очевидной стихийной самоорганизации информационно-коммуникативного пространства) отношение мирового сообщества к проблемам культурной политики существенным образом меняется. Она переносится в эпицентр внимания международных организаций: среди приоритетных направлений ЮНЕСКО – тематика, связанная с разработкой стратегий культурной политики в условиях глобализации, развитием межкультурного диалога, сближением культур при сохранении культурного разнообразия мира. По-иному оценивается роль государства как субъекта управления, осознается необходимость разработки инновационных концепций культурной и информационной политики, которую проводят правительства устоявшихся либерально-демократических национальных государств [10, с. 435].

Так, инновационный подход к формированию концепции культурной политики, соответствующей идеям демократии и культурного плюрализма, предполагает расширение поля научного поиска, т. е. развитие того пласта прикладной культурологии, который обеспечивает теоретическое обоснование управленческих решений. Тематика исследования этого уровня сконцентрирована на следующих направлениях:

- ◆ определение ценностно-смысловых оснований современных концепций и моделей культурной политики;
- ◆ исследование информационных ресурсов сферы культуры и информационного контента культурной политики;
- ◆ анализ динамики взаимоотношений субъектов культурной политики в условиях социально-экономических изменений ("реальность" многосубъектности);
- ◆ систематизация и обобщение опыта государственно-частного партнерства;
- ◆ инициативы местных сообществ по развитию территорий и др.);
- ◆ изучение организационно-экономических инноваций в сфере культуры (проекты по развитию локальных территорий и местного сообщества);
- ◆ разработка предложений по обеспечению качества и доступности культурных благ и услуг на локальном уровне;
- ◆ научное сопровождение предпринимательской деятельности в сфере развития культурного, образовательного, сельского туризма, экотуризма и др.;
- ◆ разработка проектов по включению культурного наследия в ресурсную базу в качестве источника социально-экономического развития территорий;
- ◆ организация и проведение экспертно-аналитической деятельности.

2. Государственная культурная политика как стратегическое управление в условиях многосубъектности и децентрализации

Современная культурная политика государства выступает концептуально оформленной совокупностью научно обоснованных взглядов и принципов, соответствующих определенным ценностно-смысловым основаниям, целям и приоритетам, соответствующим типу государства. Но культурная политика – это не только теоретический конструкт. Оперирование понятием "культурная политика" позволяет перевести ценностно-смысловые основания, определяемые Основным законом страны – Конституцией Российской Федерации, на уровень реальных и конкретных управленческих решений. На основе определенных информационных ценностно-смысловых "параметров порядка", разрабатываются инструменты и механизмы культурной политики, посредством которых реализуется комплекс разного рода программ и проектов, имеющих стратегическое значение для социокультурно-

го развития страны (региона, локальной территории и т.д.)

Одним из принципов культурной политики демократического государства является свобода выбора ценностей и собственной культурной идентичности, предоставляемая всем гражданам страны. На основе разделения определенных культурных ценностей, желании следовать конкретным социальным и культурным практикам в обществе на основе разделения философии гражданского общества и культурного плюрализма формируются разные социальные группы и субкультурные сообщества, оказывающие определенное влияние на культурную жизнь в стране. Культурная политика перемещается в центр внимания разных субъектов: помимо государства в их число входит бизнес (также весьма диверсифицированный по своим целям и интересам), общественные группы и политические объединения. Понятие "много-субъектности" культурной политики в России только начинает наполняться реальным смыслом, но говорить о том, что в системе управления в сфере культуры признание самого фактора "много-субъектности" привело к кардинальному пересмотру принципов взаимодействия государства с другими субъектами культурной политики пока преждевременно.

Заметим, провозглашаемая "много-субъектность" не всегда гарантирует следование развитым демократическим нормам, опору на принципы культурного плюрализма, возможности свободного обращения со всем многообразием культурных практик. На наш взгляд, это обусловлено фактическим отсутствием такой концепции культурной политики на уровне государства, сложности, связанные с необходимостью преодоления узко ведомственного подхода к культуре, где соотношение самоорганизации и управления в культуре работало бы на эффективность результата, а "много-субъектность" расширяла пространство для удовлетворения культурных потребностей и творческой самореализации каждого человека.

В современных обществах культурную политику определяет не только "власть" (система государственного управления) и политическая элита, но и художники, потребители, бизнес-сфера, общественные организации и различные объединения. Однако, обобщая отечественный опыт, мы считаем, что число субъектов культурной политики в принципе не может множиться до бесконечности. Поэтому типология, в которой субъекты культурной политики рассматриваются как акторы и агенты культурной политики [4], представляется нам вполне логичной, однако критерии, положенные в ее основания, требуют расширения и дополнительных уточнений.

Действительно, современная Россия характеризуется появлением новых субъектов культурной политики (например, бизнес-сообщество), выступающих уже не только от лица отдельных акторов или разрозненных разномасштабных структур, действующих в сфере культуры от случая к случаю, но и представляющих из себя сложившуюся систему коммуникаций со сложными структурными взаимосвязями, общей стратегией социального пове-

дения, особым типом корпоративной культуры. Концептуальная разработка ценностно-смысловых оснований для социокультурной деятельности последовательно ведется в общественных объединениях, политических партиях, являющихся носителями определенных групп интересов. Наличие разных "платформ" культурных политик в социокультурном пространстве одной страны предполагает особые подходы к регулированию социокультурных процессов, осуществляемому государством. Это связано с центральной интегративной функцией государства. Соответственно, культурная политика государства, направленная на поддержание культурного разнообразия в стране, одновременно должна способствовать сохранению социокультурной целостности. С этой целью используются механизмы, позволяющие корректировать вызревающие в обществе негативные социокультурные тренды, поддерживать условия для самореализации различных групп и распространения позитивных культурных практик.

Таким образом, государственная культурная политика – это особый инструмент стратегического управления страны, обеспечивающий ее целостность и раскрывающий перспективы ее социокультурного развития.

Исходя из выше предложенного нами базового определения, особое внимание обратим на то, что в культурной политике любого государства, в том числе России, имманентно присущи два уровня. Один выражается через стремление к идеальным (оформленным или не оформленным в систему идеологических представлений) ценностно-смысловым и символическим конструкциям, скрепляющим образ бытийности людей в пространстве их совместного проживания. Другой уровень – конкретный, существующий в проекции повседневной реальности сегодняшнего дня, отличающийся высокой степенью самоорганизации и личностного творчества, регулируемой системой институциональных отношений.

Между тем для власти как механизма рационального управления социокультурными процессами важность обоих уровней несомненна. В действующем Положении о Министерстве культуры Российской Федерации это зафиксировано следующим образом: "Министерство культуры Российской Федерации (Минкультуры России) является федеральным органом исполнительной власти, осуществляющим функции по выработке государственной политики в сфере культуры, искусства, историко-культурного наследия, кинематографии, архивного дела, авторского права и смежных прав, а также по нормативно-правовому регулированию в сфере культуры, искусства, историко-культурного наследия (за исключением сферы охраны культурного наследия), кинематографии, архивного дела, авторского права и смежных прав (за исключением нормативно-правового регулирования осуществления контроля и надзора в сфере авторского права и смежных прав) и функции по управлению государственным имуществом и оказанию государственных услуг в сфере культуры и кинематографии".*

* См.: Положение о Министерстве культуры Российской Федерации. Постановление Правительства Российской Федерации от 29 мая 2008 года № 406.

Как следует из данного документа, культурная политика распространяется на сферу культуры, в то время как объемы этой сферы изначально ограничены, ибо она рассматривается как вполне определенная часть социальной сферы.

Очевидные противоречия между этими уровнями еще больше усиливаются, когда система государственного управления, оперируя инструментами культурной политики, путем масштабных социокультурных преобразований пытается кардинальным образом изменить образ жизни людей. С одной стороны, культурные изменения, являясь, по сути, частью общего плана модернизации страны, в масштабе "мегапроекта" любого государства активно поддерживаются населением в тех случаях, когда речь идет о сохранении целостности государства, единства его культурного и языкового пространства. С другой стороны, каждый человек (индивидуально или через социальную группу) реализует свои проекты и собственную жизненную стратегию.

Существует еще один аспект, раскрытие которого позволяет выявить наиболее принципиальные характеристики культурной политики. Речь идет о различении понятий "культурная политика" и "управление в сфере культуры" (как институционализированной области культурной деятельности). Это связано с тем, что культурная политика государства полифункциональна и включает, в том числе функции разработки и реализации проективно-прогностической стратегии развития культуры в обществе, согласующуюся с духовно-смысловыми ценностями, т.е. с базисными ценностно-символическими представлениями, которые свойственны данному сообществу и составляют основу национально-культурной идентичности.

Управление в сфере культуры в большей степени концентрируется на решении проблемы материальной и финансовой оптимизации. И здесь центральными становятся вопросы социальной результативности. В то время как приоритеты культурной политики – это категории стратегического прогнозирования, планирования и прогнозирования, поэтому их сведение (даже на уровне муниципалитетов) к решению оперативных управленческих задач означает разрушение фундамента концепции социокультурных изменений, что ведет к "устранению" ценностно-смысловых параметров культурной политики, к непониманию целей происходящих преобразований.

Напомним о том, как в результате многолетних реформ 1990-х гг., когда социально-экономические приоритеты отодвинули вопросы культурной жизни и духовного развития на второй план, начало резко изменяться отношение к сфере культуры. Это сказалось, прежде всего, на правовой базе, регулирующей социально-экономические процессы. Специфика сферы культуры попросту игнорировалась, культура перестала фигурировать в официальных материалах как самостоятельная область преобразующей деятельности людей. Такое отношение к

культуре прослеживается вплоть до нашего времени. Акцент на актуальность введения в оборот понятий "услуги в сфере культуры", постепенно вытесняющиеся из оборота понятия "культурное благо", "культурный интерес", "культурные потребности личности" позволяют сделать вывод о "размытости" концептуальных оснований государственной культурной политики. Здесь очевидны противоречия, не позволяющие принимать без серьезных уточнений решения, разворачивающиеся в рамках социальной политики. Даже если речь идет об эффективной государственной социальной политике (включающей, как мы уже говорили и сферу культуру), то это только система целенаправленного регулирования социальной сферы со стороны управленческих структур центра, нацеленного на оптимизацию социальных связей в условиях разномастных преобразований. Значение культуры в данном случае вновь вторично. При таком понимании роли культуры в общественном развитии она не выполняет своих профильных функций интегратора всей целерациональной деятельности государства: при игнорировании культурных универсалий в управлении невозможно согласование социальных изменений с характеристиками развития отечественной и мировой культуры.

В показателях уровня социального развития факторы культуры представлены через такие параметры как уровень образования, жизненного благосостояния и социального обслуживания, образ жизни и др. Они являются составной частью индекса человеческого развития, качества жизни, здоровья нации. С точки зрения ценностно-смысловых оснований – это не только идеи о социальной справедливости, об отношении к труду и распределению общественных благ, служения государству, смысло-жизненные ориентации на создание семьи, но и признание культурного разнообразия, личностного творческого развития и др.

Отождествление двух разных понятий – "культурная политика" и "социальная политика" – путь к подмене целей социокультурного развития вопросами социальной защиты. Необходимо иметь в виду, что если под культурной политикой понимаются приемы управления сферой культуры, когда в качестве объекта воздействия этой деятельности выступают профессиональные институты и процессы развития искусства, науки, образования и т.д., то социальная политика средствами культуры есть мобилизация на уровне государства усилий и ресурсов сферы культуры на решение актуальных социальных проблем, таких, как освоение новых территорий, регулирование миграционных потоков.

Безусловно, как отмечалось, культурная политика может выступать в своем узком значении – как одно из направлений социальной политики. Но тогда нужно иметь в виду, что ее объектом будут не специализированные области культуры, как в первом случае, а воспроизводство и развитие членов общества, приобщение их к культурному потенциалу, к освоению, передаче и развитию этого по-

тенциала от поколения к поколению через организацию социального взаимодействия [8, с. 43–44].

В исследованиях отечественных авторов зачастую понятие "культурная политика" либо заменяет понятие "управление", либо понятие "управление" используется как тождественное понятию "культурная политика". Эти изменения свидетельствуют о расширении границ понимания "культурной политики" как управленческой деятельности, направленной на решение проблемы регулирования социальных и культурных трансформаций. Не случайно, социальную и культурную политику исследователи относят к разновидностям рационально-управленческого фактора динамических изменений в современном обществе, нацеливая ее в условиях модернизации на регулирование социокультурных трансформаций широкого диапазона [2, с. 44].

В последнее время, говоря о культурной политике в широком смысле, исследователи стали использовать термин "социокультурная политика". Позитивным в этом случае является сам факт целостного восприятия проблем, связанных с развитием науки, образования, здравоохранения, культуры (как отрасли), СМК. Анализ такого понимания социокультурной политики свидетельствует, что прежний подход к социокультурной сфере как к непродуктивной области отношений, требующей от государства лишь финансовых затрат, безнадежно утрачивает свое значение. Проведение социокультурной политики предполагает использование ее на тех направлениях социального взаимодействия и культурной практики, где процессы самоорганизации не могут развиваться с полным эффектом для достижения целей регионального развития. Так, безусловно, требуются ответная реакция и целенаправленные политические меры со стороны властей в случае острого столкновения интересов разных этнических или конфессиональных сообществ, систематического нарушения общественного порядка представителями молодежных неформальных групп и деструктивных субкультур, вовлечения подростков в тоталитарные организации, секты и т.п.

Кроме того, масштабные внедренческие проекты, связанные с крупными долгосрочными инвестициями и нацеленные на изменение отдельных сегментов социокультурной практики, например региональной поселенческой среды, или форм организации в малом бизнесе, или начального профессионального образования, или переобучения взрослых, невозможно осуществить без продуманного проектирования, программирования, принятия ряда организационных, административных, а порой и правовых мер.

Следует подчеркнуть, что характер и направленность культурной политики во всех указанных выше случаях должны быть ориентированы на сохранение социокультурных ресурсов территорий и иметь по отношению к ним не разрушительный или ограничивающий, но щадящий характер, направленный на развитие их инновативного

потенциала и на его приумножение.

В настоящее время на первый план реформаторской политики выходит трактовка культурной активности людей, их социального взаимодействия как основного источника общественного обновления, как важного фактора социально-экономического развития.

На практике, в условиях многоуровневого управления, возможна и иная, прямо противоположная, ситуация. Высокая степень самостоятельности и творческой инициативы со стороны субъектов культурной политики, предлагающих и реализующих креативные проекты и программы, затрудняют объективную оценку их соответствия национальной модели культурной политики. Здесь требуется экспертная оценка и предложения управленческих технологий, таких как коммуникативные практики партнерства и диалога, ибо речь идет о согласовании в рамках единого государства множества культурных политик. Достичь этого весьма проблематично, но вне этого решить задачу укрепления национально-культурной (коллективной) идентичности россиян не представляется возможным.

Дело в том, что тенденция к децентрализации способствует все большей дифференциации культурной политики и по уровням ее реализации и, следовательно, расширяет возможности сохранения субкультурного и этнонационального разнообразия. Зачастую системы управления не готовы к функционированию в подобной ситуации.

В целом, сегодня уже четко обозначены три уровня культурной политики: федеральный, региональный и муниципальный. Так, на федеральном уровне осуществляются широкомасштабные проекты и программы (федеральные целевые программы), которые отвечают общенациональным стратегическим целям. Можно также говорить о многообразии региональных культурных политик по отдельным направлениям развития социокультурной сферы. Наконец, по мере развития институтов гражданского общества и демократических принципов все отчетливее вырисовывается потенциал муниципального уровня культурной политики (так называемый, локальный, местный уровень). Все они различаются по масштабам и перспективам, целям и задачам, возможностями их реализации. Принципиальным является решения вопроса об участии государства, органов власти и общества в проведении культурных политик, соотношении самоорганизации и управления в культурной сфере, так как самостоятельность всех уровней власти расширяет возможности проведения собственной линии социокультурного развития. При этом многосубъектность культурной политики способствует снижению давления (разных форм проявления детерминизма) на культуру со стороны других социальных систем, ибо вопрос согласования приоритетов с участием всех субъектов культурной политики, укрепляет позиции самой культуры в общественном развитии.

Самостоятельность субъектов Российской Федерации позволяет региональным властям предлагать разно-

образные решения актуальных проблем и включать их в концепции культурных политик, успешно реализуя их посредством социокультурных проектов, направленных на социокультурное развитие территорий. Расширяется спектр культурных услуг, которые осваиваются благодаря новым принципам функционирования учреждений культуры на муниципальном уровне. Несмотря на то, что на этом уровне управления большая нагрузка падает на менеджеров культуры, сегодня уже мало кто сомневается в необходимости проведения локальной культурной политики. Проекты, реализуемые на местном уровне, приобретают особое значение, поскольку являются звеном, соединяющим цели культурных политик разных уровней с запросами и интересами конкретного человека.

В целом можно говорить об эффективности концепции многоуровневого управления в России как наиболее соответствующей принципам демократии и гражданского общества. Однако следует иметь в виду, что "мода" на копирование получивших распространение в западных странах концепций, направленных против унитарной формы правления, приводит к тому, что не учитывается неоднородность и вариативность используемых решений. А это, между прочим, как раз и связано с желанием сохранить культурную специфику своей территории, ценности и традиции, разделяемые людьми, ее населяющими. Во многих европейских странах децентрализацией пронизаны все управленческие уровни, и речь уже идет "о полицентричном или многоцентровом управлении, о многостороннем управлении, о фрагментации, дроблении и разделении власти", – считают Л. Хуг, Г. Маркс [11, с. 148].

В качестве основных требований в культурной поли-

тике в этой социокультурной ситуации выдвигаются: создание условий для самоорганизации и управления сетями; постепенность перехода к многоуровневому управлению; возрастающая роль учреждений в управлении. Такой подход соответствует гибкости – важной характеристике и очевидном преимуществе многоуровневого управления, обеспечивающему особый способ организации политической, социальной и культурной сферы. Он строится вокруг человека, и его территории, создавая условия для самореализации [11, с. 146–153].

Центральной проблемой при многоуровневом управлении становится осуществление координации разных сфер управления, выбор государством коммуникативной стратегии, обеспечивающей эффективность системы взаимодействия всех уровней власти. В настоящее время, как показывает практика, не исключены дублирование, либо "сбрасывание" функций на местный уровень. Самым сложным оказывается отсутствие понимания границ свободы и зон ответственности.

Таким образом, в отличие от управления в сфере культуры как операциональной деятельности разных субъектов, направленной на реализацию конкретных целей, культурная политика не столь жестко рационализирована, если смотреть на нее с культурологических позиций. Действиям разных субъектов задаются широкие горизонты проявления творчества и индивидуальных подходов в рамках ценностно-смысловых координат. Поэтому и разработка концепции культурной политики и тем более ее реализация – самый сложный процесс, разворачивающийся во времени и включающий разностороннюю деятельность по согласованию культурных интересов разных социальных групп.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аванесова Г.А., Астафьева О.Н. Социокультурное развитие российских регионов: региональная политика и механизмы самоорганизации. М., 2004.
2. Аванесова Г.А. Динамика культуры. М., 1997.
3. Астафьева О.Н. Теория самоорганизации как концептуальное основание культурной политики: проблемы теоретической культурологии // Вопросы культурологии. 2006. № 12. С. 18–27.
4. Востряков Л.Е. Государственная культурная политика: от патерналистской к партнерской модели? // Управленческое консультирование. 2011. № 4. С. 140–155.
5. Каган М.С. О месте практической философии в системе философского знания // Каган М.С. Избр. тр.: в 7 т. СПб., 2006. Т.2: Теоретические проблемы философии.
6. Каган М.С. О субстанции, строении и функциях культуры // Теория и практика культуры: альм. М., 2005. Вып. 3. С. 23–38.
7. Межуев В.М. Идея культуры: очерки по философии культуры. М., 2006.
8. Розин В.М., Жежко И.В. Культура и культурная политика // Теоретические основания культурной политики. М., 1993.
9. Флиер А.Я. Мультикультуральность // Обсерватория культуры. 2008. № 2. С. 22–26.
10. Хэлд Д., Гольдблат Д., Макгрю Э., Перратон Дж. Глобальные трансформации: политика, экономика, культура. М., 2004.
11. Хуг Л., Маркс Г. Многоуровневое управление в ЕС (Реф. обзор Л.В. Калинкиной) // Государственная служба за рубежом: национальное государство в условиях глобализации: реф. бюллетень. М., 2004. № 3.
12. Эпштейн М.Н. Философия возможного. СПб., 2001.

СОЦИАЛЬНЫЕ ПРИОРИТЕТЫ В СИСТЕМЕ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

SOCIAL PRIORITIES IN THE SYSTEM OF ADMINISTRATIVE MANAGEMENT IN THE CONTEMPORARY RUSSIA

M. Kashina

Annotation

The integrated analysis of the problems of formation and fulfillment of social priorities in the system of administrative management of Russia is presented in this article. There are examples from gender policy and regional policy of the employment.

Keywords: priority, system of administrative management, social policy.

Кашина Марина Александровна

К.ф.н., доцент, Северо-Западный институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, г. Санкт-Петербург

Аннотация

В статье представлен анализ проблем формирования и реализации социальных приоритетов в системе государственного управления России на примере гендерной политики и региональной политики занятости.

Ключевые слова:

Приоритет, система государственного управления, социальная политика.

Любая система управления (в том числе государственного) имеет приоритеты [9], выступающие ориентирами для формулировки целей и основаниями для упорядочивания множества подцелей и задач управления в порядке значимости. С учетом природы организации будут формироваться приоритеты системы управления, которые обосновываются и презентуются в уставных документах, определяют миссию организации, философию фирмы, концепции и стратегии ее развития.

Органы государственной власти являются специфическими организациями в силу особенности своего места и роли в обществе. В административном праве под органом исполнительной власти понимается "юридически, организационно оформленный коллектив людей, образующий самостоятельную часть государственного аппарата, наделенный компетенцией для решения задач (исполнения функций) государственного управления, структура и деятельность которого регламентируется нормами права" [12].

Другими словами, органы власти создаются для реализации функций государственного управления. Они финансируются целиком за счет средств бюджетов различных уровней. Перед ними не ставится задача извлечения прибыли, они должны повышать эффективность использования выделяемых им бюджетных средств, т. е. при тех же (или меньших) затратах получать более высокие результаты от своей управленческой деятельности. Хотя, как именно этот результат оценивать, вопрос сложный и дискуссионный [3].

Среди функций государства выделяют внешние и внутренние. К внутренним функциям относят: экономическую (сводится к формированию и исполнению бюджета, определению стратегии экономического развития общества, обеспечению равных условий для функционирования различных форм собственности, стимулированию предпринимательской деятельности и т. п.); социальную (выражается в комплексе мероприятий по оказанию социальных услуг членам общества, их социальном обеспечении и т. д.); правоохранительную (направлена на укрепление правопорядка и законности в государстве); культурно-просветительную (призвана обеспечить культурный и образовательный уровень граждан, свойственный цивилизованному обществу, создать условия их участия в культурной жизни общества, пользования учреждениями и достижениями культуры).

Внешние функции включают в себя экономическое сотрудничество с другими странами; оборону страны от нападения извне, охрану государственных границ; участие в межгосударственных мероприятиях по урегулированию международных и внутригосударственных конфликтов; борьбу за мир и мирное существование; научно-техническое и культурное сотрудничество с другими странами; взаимодействие с другими странами по защите окружающей среды и созданию необходимых условий для экологического выживания мирового сообщества [13].

Указанные функции государства являются более или менее постоянными, но их содержательное наполнение, а

также приоритетность могут иметь существенные отличия. Эти отличия определяются спецификой политической системы, типом государства и политического режима, особенностями общества и состоянием экономики. Немаловажную роль играет исторический опыт, сложившиеся обычаи, традиции, образцы деятельности, управленческий и политический менталитет лиц, принимающих государственные решения.

Миссия и основные характеристики государственного аппарата и системы государственного управления определяются нормативными правовыми актами. Главным из них следует признать Конституцию страны.

Изменение характеристик системы государственного управления возможно только нормативным путем, через изменение законодательства, поэтому происходит оно гораздо более трудно и медленно, чем подобные изменения в коммерческом секторе, иногда серьезно отставая от реалий жизни. Тем не менее, эти изменения абсолютно неизбежны, потому что общество и общественные отношения непрерывно развиваются, и система государственного управления должна это учитывать. То же можно сказать и в отношении приоритетов государственного управления, которые также трансформируются.

Задача данной статьи показать, какую роль в системе государственного управления могут и должны играть социальные приоритеты, и как сказывается на общественном развитии пренебрежение ими. Социальная функция выступает одной из основных функций государства наряду с экономической, правоохранительной и культурно-просветительской. Вопрос заключается в том, какая из этих внутренних функций является приоритетом системы государственного управления и почему? Наша гипотеза состоит в том, что для современного российского государства приоритетом выступает экономическая функция, и это оборачивается стагнацией (если не регрессом) социальных отношений.

Как уже отмечалось, миссия системы государственного управления определяется природой государства, которая, в свою очередь, зафиксирована в Конституции страны. В соответствии со ст. 7 Конституции РФ (1993) Россия является "социальным государством, политика которого направлена на создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека". Социальная природа государства раскрывается как охрана труда и здоровья людей, установление гарантированного минимального размера оплаты труда, обеспечение государственной поддержки семьи, материнства, отцовства и детства, инвалидов и пожилых граждан, развитие системы социальных служб, установление государственных пенсий, пособий и иных гарантий социальной защиты [14]. Перечень этих обязанностей государства является необходимым, но явно недостаточным для реализации задачи свободного развития каждого и обеспечения гражданам достойной жизни. Скорее это тот мини-

мум, без которого вообще нельзя говорить о реализации государством своей социальной функции.

Более того, учитывая существование расхождений между правом в жизни и правом в книгах (Е. Эрлих), наличие латентности в системе управления (в т. ч. государственного), проявляющегося через неожиданные последствия и стихийные процессы, можно констатировать, что социальная природа государства и, соответственно, социальные приоритеты в государственной политике не реализуются автоматически. То же можно сказать и о "невидимой руке рынка" (А. Смит), которая также оказалась неспособна автоматически обеспечивать развитие экономики, выравнивая спрос и предложение через конкуренцию.

Дело не ограничивается тем, что социальное развитие не происходит само по себе и его нужно направлять и поддерживать. Принципиально то место, которое оно займет среди других приоритетов системы государственного управления и, соответственно, сколько ресурсов получит для своей реализации. Эмпирическим проявлением приоритетности социального следует считать социальную политику, проводимую государством.

Ключевое противоречие социальной политики в странах с частной собственностью и рыночной экономикой определяется пониманием и реализацией в обществе принципов социальной справедливости.

Социологи считают, что социальная политика – "это "фокус", в котором сходятся и интересы нередко противоборствующих в состязании за ограниченные ресурсы социальных групп, и представления о справедливости, и общесоциетальные потребности" [10, с. 21]. Целью социальной политики выступает регулирование и согласование интересов всех социальных групп для устойчивого и сбалансированного развития общества, достижение социального мира или общественного согласия. При этом согласование интересов гораздо более важная цель, чем удовлетворение интересов любой, самой почетной или самой перспективной социально-возрастной группы [2, с. 31; 8].

Экономисты занимают сходные позиции, полагая, что "социальная политика – это деятельность органов государственной власти, местного самоуправления, предпринимательских структур общественных организаций, направленная на повышение уровня общественного благосостояния и всестороннего развития личности на основе эффективного и справедливого использования результатов экономического развития" [11].

Другими словами, конечная цель социальной политики – достижение общественного благосостояния путем согласования интересов всех социальных групп и всестороннего развития личности каждого.

Если считать характер социальной политики эквивалентом приоритетности социального в государственной политике, то, основываясь на классификациях социальной политики, можно выделять два ее полюса: "социальное государство (ориентирующееся на развитие общества в целом) и субсидиарное государство (ориентирующееся на помощь отдельным категориям граждан)", которые различаются механизмом реализации. Активная (или сильная) социальная политика предполагает предупреждение негативных для общества последствий и обеспечивает сочетание высокого уровня экономической эффективности и социальной справедливости. Напротив, пассивная (или слабая) социальная политика носит компенсационный характер и консервирует сложившиеся социальные различия.

Сильную социальную политику могут себе позволить только экономически успешные страны, да и то не всегда. Не случайно, в США, Великобритании и других странах периодически происходит смена приоритетов: улучшение экономической конъюнктуры позволяет расширить социальные программы, а кризис в экономике ведет к их свертыванию. Вопрос в том, как эти процессы свертывания сочетаются с применением демократических ценностей, обеспечением конституционных прав и свобод граждан, с необходимостью поддержания достойного уровня жизни населения. В случае с развитыми странами ответ известен. На смену консерваторам придут демократы, а монетаризму – кейнсианство. Циклический характер капиталистической экономики находит свое отражение в свертывании/развертывании социальных программ, причем это происходит в условиях выборности и смены политических режимов. И, несмотря на то что периодически происходят такого рода "откаты", в целом социальное развитие этих стран идет вперед, и они остаются лидерами в рейтинге ПРООН по человеческому развитию.

Применима ли эта схема чередования монетаризма и кейнсианства к России – вопрос сложный и требующий специального исследования, хотя двадцатилетний опыт экономических реформ уже дает некоторую пищу для размышлений. Циклический характер нашей экономики еще не проявился в полной мере, хотя фазы подъема и упадка уже были, но, несмотря на это социальная политика государства остается неизменно либеральной (компенсаторной).

Как справедливо отмечают исследователи, социальная политика Российской Федерации в 1990–е гг. была политикой не "развития", а "выживания" и, несмотря на стабилизацию в экономической сфере, сложившиеся принципы социальной политики экстраполируются на будущее, и она является субсидиарной [11]. Прошедшее время лишь подтвердило верность утверждений об экстраполяции принципов субсидиарности и пассивном характере государственной социальной политики. В 2008–2009 гг. в условиях мирового финансового кризиса и се-

квестра государственного бюджета произошло дальнейшее сокращение социальных программ, финансирование многих из которых было передано с федерального на региональный уровень. Существенная экономическая дифференциация российских регионов не могла не привести к ощутимой разнице в социальных стандартах проживания, в доступности, уровне и качестве оказываемых населению социальных услуг.

В целом, учитывая высокую зависимость государственного бюджета России от экономической конъюнктуры и цен на энергоносители, у государства всегда есть масса "объективных" причин, чтобы сократить свои финансовые обязательства в социальной сфере.

Социальная политика, ограничиваемая социальной помощью самым нуждающимся слоям населения, не ведет к расширению каналов вертикальной мобильности, что оборачивается недоиспользованием личностного потенциала тех, кто оказался внизу социальной лестницы, она не позволяет подняться на уровень принятия решений наиболее способным и одаренным. Подобная политика консервирует сложившееся в обществе положение, превращает получателей социальной помощи в людей зависимых от социальных пособий, формирует социальное иждивенчество.

Индивидуальная экономическая зависимость может быть преодолена только волей самого человека, зависящего от ресурсов других, он должен захотеть выйти из отношений зависимости и для этого мобилизовать свои интеллектуальные и психологические ресурсы. Понятно, что это требует от него усилий, которые должны в последующем окупиться повышением доходов и социального статуса. В условиях либеральной модели социальной политики подобное повышение статуса не гарантировано, поэтому бедность становится застойной, и формируется целая субкультура бедности, что весьма далеко от задач человеческого развития.

Таким образом, в условиях рыночной экономики провозглашение приоритетными целей экономического роста без учета внеэкономических параметров развития и без создания соответствующих механизмов перераспределения сверхдоходов неизбежно будет вести к усилению неравенства в обществе.

Вторичность целей социального развития не только приводит к сокращению финансирования социальных программ. Особенность нашей системы государственного управления заключается в том, что даже официально объявленные и закреплённые указами Президента или постановлениями Правительства, например, в форме планов и программ, задачи социального развития не обязательно будут выполняться и получают государственное (бюджетное) финансирование.

Можно услышать возражение: мол, эти задачи не яв-

ляются актуальными, потому их решение не финансируется. Тогда возникает вопрос, зачем эти планы и программы разрабатывались и утверждались? В качестве примера можно привести судьбу нормативных документов, определяющих государственную политику в области гендерного равенства.

Первым таким документом в истории современной России стал Указ Президента Российской Федерации "О первоочередных задачах государственной политики в отношении женщин" от 04 марта 1993 г. № 337. В нем подтверждались обязательства России по выполнению Конвенции о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин ООН, а целостная государственная политика по улучшению положения женщин признавалась одним из приоритетных направлений социально-экономической политики государства. В целях выполнения нашей страной обязательств, принятых на Четвертой Всемирной конференции ООН по положению женщин (Пекин, 1995), в 1996 г. в России был принят первый "Национальный план действий по улучшению положения женщин и повышению их роли в обществе до 2000 года". В 2001 г. Правительство РФ утвердило второй план на период 2001–2005 гг. [1, с. 264–266]. Не углубляясь в детальное обсуждение содержания данных документов, поскольку нами это было сделано (см. напр.: [4]), отметим, что срок действия второго плана давно истек. Следующий – третий – план так и не появился, хотя задачи, поставленные в первых двух, явно не были выполнены полностью. Документы об обсуждении причин этого на правительственном уровне, судя по всему, отсутствуют.

Ответ на вопрос, почему ни один из этих документов не был претворен в жизнь, следует искать как раз в расстановке приоритетов государственного управления. Вопросы гендерного равенства, разумеется, нельзя считать единственным содержанием социальной политики, это одно из ее направлений. В то же время, как отмечают политологи, "недооценка гендерной политики подрывает основы демократического устройства государства и общества, делает неэффективным институт гражданского общества, подрывает авторитет демократической системы ценностей, а также вызывает недоверие к процессу демократизации политической системы в России" [6, с. 3–4].

Объективно, ситуация с гендерным равенством и возможностями женщин в Советском Союзе и в современной России была даже лучше, чем во многих странах Запада, и однозначно лучше, чем в развивающемся мире. В первую очередь это касается образования, здравоохранения и оплачиваемой занятости. Более того, женский вопрос считался решенным Советской властью. Наша страна принимала активное участие в разработке ведущего документа гендерной политики на международном уровне – Конвенции ООН о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин (CEDAW).

Однако современная государственная политика России в этой сфере оценивается международным сообществом весьма не высоко. В Заключительных замечаниях Комитета по ликвидации дискриминации в отношении женщин в шестом и седьмом периодических докладах Российской Федерации о выполнении данной конвенции (озвучены на 46-й сессии Комитета 15 июля 2010 г.) в частности отмечается, что "в Конституции страны, в которой признаются права женщин на равенство перед законом, и в других соответствующих законодательных актах отсутствует определение дискриминации или явно выраженный запрет на дискриминацию по признаку пола". В стране отсутствует национальный механизм по улучшению положения женщин, в связи с чем "Комитет настоятельно призывает государство-участник в оперативном порядке создать национальный механизм по улучшению положения женщин, наделить такой механизм четким мандатом и обеспечить его необходимыми людскими, финансовыми и техническими ресурсами, с тем, чтобы он мог эффективно функционировать". Кроме того Комитет испытывает озабоченность по поводу того, что государство-участник неоднократно определяло приоритетную роль женщин как матерей и домохозяек. Комитет озабочен тем, что такие обычаи и практика увековечивают дискриминацию в отношении женщин и девочек, что они находят свое отражение в неблагоприятном и неравном статусе во многих областях, включая образование, общественную жизнь, процессы принятия решений, браки, семейные отношения, а также сохранение вредных традиционных обычаев, убийства в защиту чести, похищение невест и насилие в отношении женщин; и что до настоящего времени государство-участник не принимало эффективных и систематических мер для изменения или ликвидации стереотипов и негативных традиционных ценностей и практики. Комитет настоятельно призывает государство-участник незамедлительно разработать всеобъемлющую стратегию, включая обзор и разработку законодательства и установление целей и сроков, для изменения и ликвидации традиционной практики и стереотипов, которые носят дискриминационный по отношению к женщинам характер" [15].

Таким образом, даже наличие солидной международной правовой базы по тем или иным социальным проблемам совсем не означает, что российское государство будет стремиться эти проблемы решать, просто потому что они не входят в число приоритетов государственной политики.

Отношение к проблеме гендерного равенства, существованию гендерных дискриминационных практик следует считать иллюстрацией более глубоких процессов, которые можно, обобщая, назвать недооценкой государством сферы социального воспроизводства в государственном управлении. К этой сфере традиционно относят институты семьи, образования и воспитания, культуры, здравоохранения, социальной защиты и поддержки населения.

Гендерное неравенство – лишь один из примеров. В то же время это пример весьма характерный. Социальное воспроизводство основано на нормальном функционировании института семьи. Развитие этого института обусловлено, в свою очередь, сложившимся в обществе характером гендерных отношений и гендерным порядком. Гендерные отношения укоренены в культуре и могут, как содействовать развитию человеческого потенциала страны, так и затруднять его использование [5].

Уровень развития человеческого потенциала определяет качество рабочей силы и производительность труда и, соответственно, перспективы инновационного развития экономики. Тезис о том, что техника даже самая совершенная, без людей мертва, в доказательствах не нуждается. Тем не менее, сделав ставку на развитие экономики, государство отодвигает на второй план вопросы человеческого (социального) развития.

Покажем это на анализе одного из основных документов государственного стратегического планирования "Концепция долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года" [16].

Вопросы социальной политики отражены в разделе 2 этого документа "Вызовы предстоящего долгосрочного периода". Авторы выделяют четыре таких вызова:

- ◆ усиление глобальной конкуренции;
- ◆ новая волна технологических изменений;
- ◆ возрастание роли человеческого капитала как основного фактора экономического развития;
- ◆ исчерпание потенциала экспортно-сырьевой модели экономического развития.

Поскольку предметом нашего анализа выступают процессы социального воспроизводства, процитируем третий вызов полностью. "Уровень конкурентоспособности современной инновационной экономики в значительной степени определяется качеством профессиональных кадров, уровнем их социализации и кооперативности, – отмечается в Концепции. – Россия не сможет поддерживать конкурентные позиции в мировой экономике за счет дешевизны рабочей силы и экономии на развитии образования и здравоохранения. Для России ответ на этот вызов предполагает преодоление имеющихся негативных тенденций в развитии человеческого потенциала, которые характеризуются:

- ◆ сокращением численности населения и уровня занятости в экономике;
- ◆ растущей конкуренцией с европейскими и азиатскими рынками в отношении квалифицированных кадров;
- ◆ низким качеством и снижением уровня доступности социальных услуг в сфере здравоохранения и образования".

Налицо вновь инверсия приоритетов развития. Вмес-

то того чтобы развивать человеческий потенциал страны (повышать ИРЧП) и считать это целью экономического развития страны, человеческий капитал становится средством решения экономических задач, фактором экономического развития, хотя и важным, но не более того, поскольку главная задача авторами Концепции на долгосрочную перспективу ставится так: поддержать конкурентные позиции России в мировой экономике путем преодоления негативных тенденций в развитии человеческого потенциала (капитала) (курсив авт.). Логично задать вопрос: зачем поддерживать конкурентные позиции? Что является стратегическими целями развития?

Ответ распадается на три части:

- ◆ чтобы достичь передовых позиций в глобальной экономической конкуренции;
- ◆ чтобы обеспечить национальную безопасность;
- ◆ чтобы реализовать конституционные права граждан.

В 2015–2020 гг., согласно рассматриваемому документу, Россия должна войти в пятерку стран-лидеров по объему валового внутреннего продукта. Социальные цели на уровне стратегических приоритетов в Концепции не формулируются совсем, потому что в этой триединой цели ни о благосостоянии населения, ни о снижении бедности речь не идет. Не отрицая важности реализации конституционных прав граждан, нельзя забывать о том, что формальное равенство прав, в том числе в политической и экономической сферах, далеко не всегда ведет к реальному равенству возможностей и результатов. Об этом уже шла речь, когда анализировалось выполнение Россией обязательств по Конвенции о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин (CEDAW).

В условиях постиндустриального общества, когда человеческий капитал становится основным ресурсом инновационного развития (с чем, кстати, никто из официальных лиц и политиков России не спорит), недовложения в него обернутся экономическим отставанием, снижением качества трудовых ресурсов и падением производительности общественного труда.

Ключевой областью социальной политики выступает занятость населения и рынок труда. Специалисты считают, что "уменьшить бедность можно и на основе простого увеличения пособий и компенсаций ... но главное в ином – в расширении занятости и повышении доходов работающего населения, в усилении на этой основе стимулов роста производительности труда и производства в целом" [7, с. 4]. Другими словами, государство должно создать условия, позволяющие людям работать за достойную заработную плату, а не сводить свои обязательства только к выплате пособий по безработице.

В Концепции государственной миграционной политики, принятой в 2012 г., отмечается, что "в современных условиях миграция работников высокой квалификации

является важным источником накопления человеческого капитала, обеспечивающего экономический рост и благосостояние в принимающих странах. Одна из стратегических задач – создание условий и механизмов для привлечения востребованных экономикой высококвалифицированных и квалифицированных специалистов разного профиля, прежде всего на долгосрочной основе" [17].

Вместе с тем задача эффективного использования собственных (местных) трудовых ресурсов, повышения их квалификации перекладывается на плечи работодателя, государство придерживается принципа субсидиарности, оставляя за собой только группы работников, требующих особого подхода – инвалидов, многодетных родителей, матерей с маленькими детьми и др.

Приведем в качестве доказательства этого тезиса фрагмент действующей региональной программы развития рынка труда в Санкт–Петербурге на 2006–2015 гг. В Перечне мероприятий на 2012–2014 гг., который дополнительно включен с 1 января 2012 г. постановлением Правительства Санкт–Петербурга от 27 декабря 2011 г. № 17644, четыре раздела [18].

Первый раздел посвящен мероприятиям по созданию условий для обеспечения экономики города необходимой рабочей силой и повышению трудоспособности населения Санкт–Петербурга. Выделяется ряд социальных групп, становящихся объектом особого внимания городских властей. Это инвалиды, женщины в период отпуска по уходу за ребенком до достижения им возраста трех лет, многодетные родители и родители, воспитывающие детей–инвалидов, а также сотрудники, увольняемые из органов внутренних дел Санкт–Петербурга.

Второй раздел посвящен вопросам повышения производительности труда работников и эффективности использования в Санкт–Петербурге имеющихся трудовых ресурсов. Здесь деятельность органов исполнительной власти региона ограничивается содействием работодателям в подборе необходимых работников, прежде всего через ярмарки вакансий, а также проведению мероприятий по предотвращению массовых увольнений и снижению численности увольняемых работников. Как и в предыдущем разделе, выделяются группы, требующие особого внимания государства – женщины, инвалиды, молодежь, лица младшего пенсионного возраста и др.

В третьем разделе описываются мероприятия по оптимизации структуры профессиональной подготовки кадров для обеспечения экономики Санкт–Петербурга кадрами необходимой квалификации и снижению уровня структурного дисбаланса спроса и предложения на рынке труда. Речь идет о развитии системы профессиональной ориентации и адаптации молодежи в комплексе "Школа–лицей–колледж–вуз–предприятие", повышении престижа работы в промышленности, проведении ярмарок профессий для школьников и студентов, развитию

дополнительного профессионального образования. Здесь также выделена группа особого внимания – специалисты со средним профессиональным медицинским образованием, которых городу, видимо, сильно не хватает. Однако речь о подготовке по государственным программам высококвалифицированных специалистов в этом разделе не идет. Справедливости ради, отметим, что в 2009–2011 гг. была запланирована Программа подготовки кадров для работы в высокотехнологичных отраслях промышленности Санкт–Петербурга, а также мероприятия по целевой подготовке кадров для судостроительной промышленности города. В мероприятиях 2012–2014 гг. эта тема продолжения не получила, хотя вряд ли все необходимые кадры для всех высокотехнологичных отраслей экономики города были к 2011 г. подготовлены. Вместо этого региональные власти ограничились крайне расплывчатой формулировкой "Организация обеспечения трудовыми ресурсами организаций, реализующих инвестиционные и стратегические проекты в Санкт–Петербурге".

Заключительный четвертый раздел плана мероприятий на 2012–2014 гг. посвящен совершенствованию инфраструктуры и механизмов функционирования рынка труда. Он включает в себя очень разнородные мероприятия. Это и обеспечение работы консультационных пунктов по вопросам внешней трудовой миграции, и организация взаимодействия государства, профсоюзов и работодателей по вопросам занятости, и реконструкция жилого фонда для предоставления жилья работникам жилищно–коммунальной сферы, и прогноз баланса трудовых ресурсов Санкт–Петербурга, и проведение ежегодной конференции "Рынок труда Санкт–Петербурга".

При этом региональные власти придерживаются последовательно либеральных политических взглядов и занимают позицию "стороннего наблюдателя", создавая условия для протекания необходимых процессов на рынке труда, но активно ими не управляя. Тем самым окончательное решение о том, будут ли тратиться средства на повышение квалификации работников и производительности их труда, на создание нормальных условий труда, остаются за работодателем. И здесь при принятии решений доминантными становятся приоритеты бизнеса, главным из которых выступает извлечение прибыли. А прибыль и социальное развитие (социальная справедливость) образуют имманентное противоречие капитализма, которое в условиях России разрешается однозначно в пользу прибыли. Именно поэтому в Санкт–Петербурге, как и в других трудодефицитных регионах страны, есть избыток рабочих мест, не требующих квалификации, и нелегальной неквалифицированной рабочей силы наряду с нехваткой высокотехнологичных производств и работников высокой квалификации.

Понятно, что региональные программы развития рынка труда создаются и реализуются в рамках идеологии федерального центра и общего вектора субсидиарной

(либеральной) социальной политики. Однако, если даже Санкт–Петербург, город федерального значения, регион–донор финансирует проведение столь ограниченного круга мероприятий по развитию человеческого потенциала, что тогда говорить о положении дел в депрессивных регионах, которые могут рассчитывать только на деньги из федерального бюджета.

Особенностью социальных отношений является их системность, нельзя решить одну социальную проблему оторвав ее от других, помочь одним, не затронув интересы других. Однако если заниматься социальной политикой только адресно, помогая самым нуждающимся, не работая с причинами, эту нужду порождающими, то тогда социальная политика превращается в сизифов труд, когда "нос вытащишь, хвост увязнет".

Возможно, мнение В. Куликова и В. Роика о том, что в России "утвердился тип государства, для которого характерны, в частности, сведение социальной политики к вы-

даче наиболее уязвимым социальным слоям населения минимальных пособий, снятие с властных структур ответственности за производство общественных благ и освождение крупного бизнеса от социальной ответственности" [7, с. 17] звучит излишне резко, но оно не лишено оснований.

Циклический характер капиталистической экономики предполагает, что при ее нормальном функционировании за этапом спада наступит подъем, размеры отчислений в государственный бюджет вырастут, и у государства появятся дополнительные ресурсы для решения своих задач. Вопрос в том, куда они будут направлены, станет ли социальное развитие одним из приоритетов государственной политики, или даже в условиях экономического подъема на социальной сфере будут продолжать экономить. Если это так, тогда не следует удивляться, что следующий экономический спад станет еще более глубоким и разрушительным.

ЛИТЕРАТУРА

1. Воронина О.А. Феминизм и гендерное равенство. М.: Едиториал УРСС, 2004.
2. Григорьева И.А. Социальная политика: основные понятия // Журнал исследования социальной политики. 2003. Т. 1 № 1. С. 29–44.
3. Древалъ И.В., Кашина М.А. Измерение социальной эффективности государственной социально–экономической политики как научная и политическая проблема // Политические институты в современном мире. Материалы Всероссийской научной конференции с международным участием. 10–11 декабря 2010 г. СПбГУ. СПб.: ООО "Алегро", 2010. С. 155–157.
4. Кашина М.А. Гендерно ориентированная социальная политика // Управленческое консультирование. 2010. № 1. С. 145–163.
5. Кашина М.А., Юкина И.И. Российская демографическая политика: опыт гендерного анализа // Журнал социологии и социальной антропологии. 2009. Т. 12. № 1(46). С. 109–123.
6. Климашевская О.В. Государственная политика в сфере преодоления гендерного неравенства в современной России: автореф. дис...к. полит.н. М., 2011.
7. Куликов В.В., Роик В.Д. Социальная политика как приоритет и приоритеты социальной политики // Российский экономический журнал. 2005. № 1. С. 3–17.
8. Лапина Н.Ю., Чирикова А.Е. Региональная власть и реформа российского федерализма: сценарии политического будущего // Социологические исследования. 2001. №4. С. 16–26.
9. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. 4–е изд. М.: Азбуковник, 2002.
10. Тихонова Н.Е., Шкаратан О.И. Российская социальная политика: выбор без альтернативы? // Социологические исследования. 2001. № 3. С. 21–32
11. Шевченко О.П. Приоритеты социальной политики на этапе рыночных преобразований: дис. ... к. эк. н.: 2005.
12. Административное право – конспект лекций [Электронный ресурс] // Административное право. URL: <http://admin-laws.ru/administrativnoe-pravo-konspekt-lekcij/71-organy-ispolnitelnoj-vlasti-priroda.html> (дата обращения: 19.12.2012).
13. Теория государства и права: учебник для вузов [Электронный ресурс] // Библиотекарь.py. URL: <http://www.bibliotekar.ru/teoria-gosudarstva-i-prava-3/2.htm>. (дата обращения: 19.12.2012).
14. Конституция Российской Федерации (в ред. от 30 декабря 2008 г.) // Российская газета. 2009. 21 января.
15. Заключительные замечания Комитета по ликвидации дискриминации в отношении женщин ООН на 6 и 7 периодических докладах РФ. [Электронный ресурс] // Official Documents System of the United Nations. URL: <http://daccess-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N10/485/56/PDF/N1048556.pdf?OpenElement> (дата обращения: 19.12.2012).
16. Концепция долгосрочного социально–экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года. Утверждена Распоряжением Правительства РФ от 17 ноября 2008 г. № 1662–р // СЗ РФ. 2008. № 47. Ст. 5489
17. Концепция государственной миграционной политики Российской Федерации на период до 2025 года. Утв. 13.06.2012. . [Электронный ресурс] // <http://www.kremlin.ru/news/15635> (дата обращения: 19.01.2013).
18. О программе развития рынка труда в Санкт–Петербурге на 2006–2015 годы (с изменениями на 12 мая 2012 г.). Утверждено Постановлением Правительства Санкт–Петербурга от 3 октября 2006 г. № 1192 [Электронный ресурс] // Электронный фонд правовой и нормативно–технической документации. URL: <http://docs.cntd.ru/document/8439003#> (дата обращения: 19.12.2012).

КУЛЬТУРА КАК СИСТЕМНЫЙ ФАКТОР ЭКОНОМИКИ И ТЕРРИТОРИАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ

CULTURE AS A SYSTEM FACTOR OF ECONOMY AND TERRITORIAL DEVELOPMENT

*E. Zelentsova
E. Melvil*

Annotation

The article examines the approaches to the use of various instruments of influence on economic relations in the field of culture and determines their proposed methods of evaluating the economic effectiveness of cultural activities. The authors state that in order to create a new economy of culture it is necessary to form a new system of statistical reporting, as well as to regard culture as a system factor of economic and urban development.

Keywords: Economic effectiveness, cultural activities, cultural policy, creative economy.

Зеленцова Елена Валентиновна

Кандидат культурологи,

Директор центра региональных исследований

факультета государственного управления,

Российская академия народного хозяйства

и государственной службы

при Президенте РФ, г. Москва

Мельвиль Елена Хасымовна

Преподаватель, Московская высшая

школа социальных и экономических наук,

г. Москва

Аннотация

В статье рассматриваются подходы к применению различных инструментов воздействия на экономические отношения в области культуры, а также определяются предлагаемые ими способы оценки экономической эффективности культурной деятельности. Авторы утверждают, что для создания новой экономики культуры необходимо формировать новую систему статистического учета, а также рассматривать культуру в качестве системного фактора экономики и городского развития.

Ключевые слова:

Экономическая эффективность, культурная деятельность, культурная политика, креативная экономика.

Вопрос об оценке эффективности деятельности в сфере культуры является одним из наиболее сложных и дискуссионных. Численные и финансовые индикаторы, которые обычно используют для характеристики деятельности в данной сфере (количество потребителей государственных учреждений, расходы консолидированного бюджета и др.), в действительности само состояние этой деятельности отражают далеко не полно. Данные государственной статистики по основным показателям социально-экономического развития не содержат даже отдельной строки по культурной отрасли – показатели последней сливаются со "здравоохранением и другими социальными услугами".

В течение всей второй половины XX в. и вплоть до настоящего времени одновременно с изменением подходов к культурной политике росло и понимание вклада культуры в экономику города, территории, страны [4]. С расширением спектра подходов и критериев обогащался и инструментарий экономики культуры: от подсчета расходов бюджета к сложным схемам оценки вклада в экономику на разных уровнях, от увеличения ВВП и количества новых рабочих мест до эффекта мультипликации. Так, в докладах "Экономика культуры в Европе" (ЕС, 2006) и

"Креативная экономика" (ООН, 2008), где используется именно этот подход, приводятся данные о том, что сектор культуры, включая сектор творческих индустрий, обеспечивает 5,3% ВВП стран ЕС и 3,4% полной занятости в Европе (см.: [12]).

Изменения подходов к оценке эффективности во многом связаны с распространением расширительной трактовки самого сектора культуры. Реклама, дизайн, видеоигры, мультимедийные искусства – сегодня все это территория культуры и творчества, которая продолжает расти. Другой причиной изменения подходов является стремление увидеть и учесть взаимосвязь культурного сектора с другими сферами экономики, в том числе традиционными. Продукты авторской деятельности становятся основой для развития тех отраслей, которые эти продукты тиражируют и доводят до потребителя – посредством книгораспространения, телевизионного вещания, кинопроката, бытовых сетей по реализации видеопродукции и компьютерных игр и т.п. С точки зрения экономической отдачи следует учесть и влияние сектора на развитие инфраструктуры: строительство театров и кинотеатров, концертных залов и т.п., и на рынок производства сопутствующих товаров: бытовой, видео- и ау-

диотехники, кино-, фото- и звукозаписывающей аппаратуры и многого другого. По данным, приведенным в Докладе ООН, 7,3% населения России, вовлеченного в цикл производства товаров и услуг в сфере культуры и творческих индустрий, производят 6,06% ВВП – а это почти треть всех собираемых в стране налогов на производство и импорт, а уровень занятости сопоставим с данными в строительстве (см.: [3; 9]).

Представление о культуре как об общественном благе, сформированное еще в эпоху Просвещения и наиболее полно нашедшее свое отражение в культурной политике стран послевоенной Европы [5], сегодня сохраняется, но в то же время круг явлений культуры, по отношению к которым критерий "социального блага" остается единственным, сужается. Можно сказать, что к пониманию культуры исключительно как общественного блага постепенно, подобно годичным кольцам дерева, прирастают иные, не менее значимые измерения. Эти новые измерения не отменяют предыдущее понимание, но делают "дерево культуры" более мощным. От характерного для довоенного и послевоенного времени понимания культуры как блага позднее к нему "приросло" понимание экономической значимости культурной деятельности для формирования позитивного имиджа территории, регенерации неблагополучных районов, развития туризма [12]. Позднее появилось целостное представление о секторе творческих индустрий как самостоятельном и значимом секторе экономики, что добавило следующий уровень понимания и оценки культурной деятельности [2].

Каждое из этих "колец" требует не только осмысления, но и поиска нового экономического инструментария, который либо ранее не применялся по отношению к культуре, либо являлся принципиально новым.

Инструменты воздействия на экономические отношения в культуре могут быть как прямыми, так и косвенными:

- ◆ прямое (непосредственное) воздействие – прямое финансирование преимущественно некоммерческих, дефицитных видов деятельности за счет различных источников;
- ◆ косвенное воздействие – реализация соответствующей налоговой политики и политики иных льгот, которые направлены на стимулирование инвестиционной деятельности, благотворительности, меценатства, развития добровольческой деятельности, развитие предпринимательства в культуре. Это может быть и налоговый иммунитет по отдельным видам налогов, льготные ставки по налогам и сборам, подлежащим зачислению в государственный бюджет, льготы по тарифам на работы и услуги естественных монополий и т.п.

Рассмотрим подходы к применению подобных инструментов, определим способы оценки экономической

эффективности каждого из них.

Культура как благо

Экономические модели рыночной экономики, способные эффективно работать в сфере материального производства, в чистом виде непригодны в сфере культуры; целесообразно использовать как рыночные, так и внерыночные механизмы экономического регулирования. В большинстве развитых европейских стран одной из главных форм поддержки сферы культуры и искусства остается бюджетное финансирование. Затраты на эти нужды в общих расходах бюджетов стран составляют сравнительно небольшую долю – от 0,2% до 2,5% [8, с. 170]. Для обеспечения воспроизводства "культуры как блага", доступности культурных благ государственное финансирование сектора является определяющим, но не единственным.

Практически все государственные организации культуры даже при наличии стабильного государственного финансирования стремятся зарабатывать: оказывая традиционные услуги на платной основе, или создавая новые виды деятельности, привлекая спонсоров, открывая музейные магазины, кафе и т.д. Это связано не только с дефицитом средств, но и со стремлением увеличить социальную полезность – освоить новые аудитории, привлечь внимание профессионалов из смежных областей и т.п.

Сама культура как инструмент просвещения финансируется, как правило, за счет государственных и муниципальных бюджетов. С ростом культурного потребления (которое с 1,6% от общих расходов населения в 2004 г. увеличилось до 3% в 2009 г.) расширяются возможности культуры как социального блага. А это является стимулом для привлечения средств из других источников – благотворителей и меценатов, из бюджетов образования, социальной защиты и разного рода программ, направленных на достижение социальной стабильности (адаптация мигрантов, предотвращение преступлений, создание рабочих мест) и др.

Иначе говоря, само понимание культуры как блага, несущего исключительно просвещение и "окультуривающее" массы, трансформируется. На первый план выходит понимание "социально ответственной культуры", которая включает в свою орбиту ответственность не только за "грамотность" граждан, но и за их толерантность.

Благотворительные взносы корпораций и фондов являются альтернативным источником поддержания финансовой стабильности в культуре. По данным американского Комитета по поддержке корпоративной филантропии, суммарный вклад благотворителей в США в 2009 г. составил 9,9 млрд. долл., из которого на культуру выделено 6% (594 млн. долл.). В России, где благотворительный

рынок недостаточно развит, подобный показатель тогда же составил 8,8 млрд. руб. (не случайно по уровню развития благотворительности наша страна находится на 138 месте в мире) [6].

Одним из важных финансовых инструментов является целевой капитал – эндаумент. Целевой капитал некоммерческих организаций формируется за счет пожертвований юридических и физических лиц и дает возможность некоммерческим организациям в сфере культуры, науки и образования получать дополнительный доход, который не облагается налогами и идет на развитие организации. Различные схемы формирования целевого капитала предполагают возможность и для государственных учреждений в получении от него доходов.*

* В России уже создано больше 50 эндаументов с совокупным объемом 3,2 млрд. рублей, в первую очередь для развития вузов. В их числе - МГИМО (526 млн. рублей), Финансовая академия при Правительстве РФ (206 млн. рублей), Московский физико-технический институт, Московская школа управления "Сколково", Европейский университет в Санкт-Петербурге (240 млн. рублей), Высшая школа менеджмента СПбГУ, Российская экономическая школа (176,1 млн. рублей), Сибирский федеральный университет, Южный федеральный университет и др.

В сфере культуры первые эндаументы были сформированы для Государственного музея изобразительных искусств им А.С. Пушкина, Московского дома актеров и Большого театра.

Развитие фондов целевого капитала в сфере культуры тормозится не столько отсутствием доноров, желающих вложить средства в создание такого фонда, сколько отсутствием четко сформулированных стратегий и программ деятельности, которые бы убедительно доказывали социальную и культурную полезность и престижность такого рода вложений. Ограничивающим фактором служит и дефицит менеджеров, обладающих профессиональными навыками в поиске средств. Можно сказать, что создание такого фонда является видимым критерием эффективности деятельности институции.

Таким образом, "многоканальное" финансирование культуры – это отражение того, насколько культура научилась говорить с обществом, с различными социальными группами на их языке, действовать в интересах региональных сообществ, доказывать свою нужность на локальном и глобальном уровне. И в этом смысле структура и объем средств, привлеченных из других источников, вполне может сформировать адекватную картину социальной эффективности культурной деятельности.

Конечно, для развития многоканального финансирования усилия государства и местных властей также необходимы. Привлечение финансовых потоков в сферу культуры возможно при привлечении ресурсов социально-ответственных компаний и корпораций, частных доноров,

что требует благоприятных налоговых и административных условий.*

* В России в 2010 г. действовали более 53 частных и корпоративных фонда.

На создание таких условий направлена Концепция содействия развитию благотворительной деятельности и добровольчества в Российской Федерации, которая одобрена распоряжением Правительства Российской Федерации от 30 июля 2009 г. № 1054-р. Государство рекомендует органам исполнительной власти субъектов Российской Федерации при подготовке региональных программ социально-экономического развития учитывать положения Концепции, а также воспользоваться правом регионов устанавливать льготы по налогам и сборам, подлежащим зачислению в региональные бюджеты, в частности льготы (до 4,5%) по налогу на прибыль. Льготы по налогу на прибыль в отношении организаций-благотворителей установлены в Санкт-Петербурге, Московской и Самарской областях.

Культура как инструмент развития территорий

Понимание "имиджевых" возможностей культуры для развития туризма и регенерации неблагополучных территорий получило широкое распространение в 1980-е гг. в связи с бурным развитием глобального туризма и переводом традиционных индустрий в страны с более дешевой рабочей силой. Для восстановления экономики и обеспечения занятости населения, регенерации территорий Европа нашла выход в развитии творческих индустрий, туризма, науки и образования.

Создание культурных кварталов, инвестиции в развитие публичных пространств влекут за собой развитие и основной инфраструктуры.

Сегодня "имиджевые" и туристические эффекты становятся более значимыми, поскольку культурно развитый регион привлекает инвесторов и квалифицированные кадры, а борьба за тех и других обостряется. Так, например, строительство в Бильбао музея Гуггенхайма позволяет привлечь около 1 млн только иностранных туристов ежегодно. Большинство городов, участвовавших в программе "Европейская культурная столица", рассматривали туризм и привлечение посетителей к своим культурным объектам как важнейший фактор воздействия на экономику территории.

Критерии эффективности в этом случае просчитываются более сложным образом и требуют привлечения целого спектра экономических инструментов.*

* Так, с 1970-х гг. в развитых странах наступил кризис индустриальной экономики, связанный с выводом производственных мощностей в страны Юго-Восточной Азии. Перестало существовать текстильное производство в Манчестере (Великобритания), Лионе (Франция), постепенно закрылись сталелитейные заводы в Рурской области и др.

Для оценки эффективности вложений в культуру можно использовать такой инструмент, как расчет коэффициента мультипликации. Мультипликативный эффект рассчитывается для конкретной территории и построен на данных об уровне потребления и сбережений. Рост потребления повышает спрос и ведет к росту объема ВРП. Инвестиции в определенный сектор экономики способствуют увеличению объема производства на величину большую, чем сами инвестиции. Здесь срабатывает так называемый мультипликационный эффект (эффект множителя) – способность расходов вызывать прирост доходов больший, чем вызвавшие этот прирост расходы.

Под действием мультипликации доход и занятость непрерывно возрастают на протяжении периода времени, когда происходит вызванный дополнительными инвестициями прирост потребления. С момента прекращения этих затрат прирост дохода прекращается, а с уменьшением потребления доход уменьшается пропорционально мультипликатору. Процесс прекращения мультипликации – парадокс бережливости (попытка общества больше сберечь) – может привести к незначительному приросту сбережений, а эффект мультипликатора приведет к тому, что этот незначительный прирост сбережений выразится в многократном снижении дохода. Классическая экономическая теория утверждает, что если дополнительный доход в виде инвестиций меньше уровня сбережений, то депрессия или спад становятся неизбежными. Поэтому чрезвычайно важно поддерживать уровень инвестиций, а инвестиции в культуру – это инвестиции в будущее. Таким образом, зная объем финансирования (в том числе инвестирования) культуры, через мультипликатор можно оценить экономический эффект культурной деятельности.

Важным инструментом для развития инвестиционного потенциала культуры является государственно-частное партнерство – взаимодействие государственных структур и частного сектора с целью реализации крупных проектов в области инфраструктуры. Перспективными направлениями развития государственно-частного партнерства в культуре являются реконструкция, реставрация, строительство и эксплуатация объектов недвижимости (музеи-усадьбы, памятники архитектуры, культурно-досуговые учреждения), инфраструктурная застройка территорий, прилегающих к памятникам, с реставрацией самих памятников за счет средств застройщика; создание частной, сопутствующей инфраструктуры для объектов культурного наследия (например, сервисное и гостиничное обслуживание), доверительное управление. Может предусматриваться и безвозмездная передача объектов, находящихся в аварийном или разрушенном состоянии, для их реставрации или капитального ремонта за счет средств бизнеса.*

* Специфика концессионных соглашений по объектам культуры не позволяет окупать проект за счет обычного механизма - взимания платы. В мировой практике чаще всего идут по пути предоставления частному инвестору иных возможностей: создания элементов туристической инфраструктуры, проведения досуга, строительства элитного жилья и т.п.

Так, знаменитый памятник истории, культуры и архитектуры Индии усыпальница Тадж-Махал находится в управлении частных инвесторов – "Индиан Хотелз Компани". В Твери группа компаний "Конкор" приобрела и реставрировала одну из полуразрушенных городских усадеб, создав в ней базу отдыха. Эта же компания провела реставрацию в одном из флигелей усадьбы "Знаменское-Раек" и в 2007 г. открыла там бутик-отель.

Использование механизмов государственно-частного партнерства имеет четко выраженную экономическую выгоду. По данным Европейской экономической комиссии ООН из 48 проектов, реализуемых по схемам государственно-частного партнерства в Европе в 2003–2004 гг., 80% были реализованы ниже предполагаемого бюджета. Известно, что в Великобритании экономия бюджета проектных инициатив составляет до 17% [1], при этом 60% проектов завершаются раньше намеченного срока (в то время как 64% проектов, осуществляемых государственными органами, напротив, превышают установленные сроки).

Критерием эффективности культурной деятельности в этом случае является наличие программ, формирующих положительный имидж территории и привлекающих потенциальных инвесторов и программ в области развития культурного туризма. В этой своей ипостаси культура выходит на прямой контакт с бизнесом – как в виде сотрудничества с туристическими компаниями, так и в виде развития государственно-частного партнерства.

Роль властей в стимулировании культуры как инструмента регионального развития заключается, прежде всего, в поощрении инвестиционной деятельности.

Культура как производство - развитие творческих индустрий

Креативные или творческие индустрии (creative industries)* – ключевой сектор современной экономики. Творческие индустрии соединяют бизнес-навыки и культурные практики, основанные на творческой, интеллектуальной составляющей.

* Творческий - буквальный перевод слова creative. В российской практике сложилась традиция говорить о "креативных индустриях" применительно к мировому контексту и о "творческих индустриях" применительно к отечественному контексту.

О поддержке этого сектора на государственном уровне впервые заявила Великобритания, где в 1998 г. правительственным департаментом культуры, медиа и спорта было сформулировано каноническое определение творческих индустрий, на которое опирается сегодня большинство исследователей и специалистов: "Творческие индустрии – это деятельность, в основе которой ле-

жит индивидуальное творческое начало, навык или талант и которое несет в себе потенциал создания добавленной стоимости и рабочих мест путем производства и эксплуатации интеллектуальной собственности" (подробнее см.: [7; 2]).

По оценкам ООН, доля творческих индустрий уже в 2005 г. составляла 3,4% мировой торговли (425 млрд. долл.). Об экономическом росте сектора можно судить на основании следующих данных: если в 2001 г. в США вклад творческих индустрий в ВВП, составлял 5,2% с числом занятых 5,9% [11], то уже в 2006 г. – 11,12% и 8,49% соответственно. Иначе говоря, за пятилетие вклад в ВВП вырос более чем в 2 раза, а количество занятых – на 43,9%.

Известно, что с 2003 по 2008 гг. инвестиции в творческие индустрии США составили 3,3% от всего объема инвестиций в американскую экономику (31 млрд долл.) [10]. Креативный сектор экономики США стал сегодня самым весомым по объему экспорта, при этом размер инвестиций в этот сектор в 2008 г. составил 4,5 млрд. долл., что позволило создать около 20 тыс. рабочих мест. В условиях кризиса США сделали ставку не на традиционные производства, а именно на творческую экономику и творческие индустрии.

В тех странах, где творческие индустрии входят в приоритеты государственной политики, для оценки эффективности этой деятельности используются стандартные методики – вклад в ВВП, количество рабочих мест, количество предприятий творческих индустрий, динамика роста сектора и др.

Государство и местные власти воздействуют на развитие этого направления через систему государственно-го заказа (государственное потребление), проведение определенной маркетинговой и социальной политики (в части государственной закупки части товаров для социально-незащищенных слоев населения). Кроме того, для стимулирования развития бизнеса в творческих секторах экономики используются косвенные инструменты экономического воздействия, описанные выше. Поскольку творческие индустрии это прежде всего малый бизнес, необходимо включение сектора в приоритетные направления программ поддержки малого и среднего предпринимательства на региональном и муниципальном уровнях, что позволит привлекать кредитные и инвестиционные средства, а также получать безвозмездные субсидии при открытии бизнеса.

Культура как лаборатория творческих подходов

Культура становится системообразующим фактором инновационной экономики. Современный подход делает

акцент на экономических (и шире – практических) аспектах творчества, то есть процессах инновационного создания и продвижения креативных товаров и услуг. Этот подход лежит в основе нового и широко используемого сегодня понятия "креативной экономики". Речь идет уже не только и не столько о конкретных сегментах экономики и социума, которые вовлекаются в культурную деятельность, скорее – о тотальном проникновении творческого подхода во все области человеческой деятельности.

Оценку вклада культуры в экономику можно отразить через четыре уровня эффективности. Аналогичным образом оценивали вклад творческих кластеров в экономику Сингапура авторы аналитического документа о развитии творческих индустрий в Сингапуре.

Первый уровень – прямой экономический эффект – определяется прямым вкладом в ВВП страны, количеством рабочих мест в секторе, количеством предприятий и т.п.

Второй уровень определяется не прямым, но измеримым эффектом в экономику, например, ростом расходов в области культуры, творческих индустрий и смежных предприятий, в том числе в сфере туризма (кафе, рестораны, различные досуговые сервисы). Здесь уместно вспомнить уже упомянутый выше мультипликатор как один из инструментов такого рода подсчетов.

Третий уровень определяется прямым, но не столь очевидно измеримым вкладом в экономику и включает участие искусства и культуры в развитии экономики в целом, внедрении инноваций и экономической дифференциации. Оценка эффективности на этом уровне наиболее сложна и наименее разработана. Основные сложности связаны с устаревшей системой статистического учета, нацеленной на стандартные количественные показатели в традиционных отраслях. Как правило, такого рода исследования делаются по специальному заказу правительств, администраций, торгово-промышленных палат и т.д. и являются достаточно затратными.

Четвертый уровень – так называемый "неизмеримый" эффект. Это изменение качества жизни, формирование культурной идентичности, развитие плюрализма и толерантной атмосферы в обществе. Если первые три уровня базируются на измеримых экономических показателях, то четвертый показатель – это поле деятельности культурологов и экспертов в области культуры. К сожалению, очень часто исследователи и практики культуры основывают свои доводы на данном, "неизмеримом" эффекте, тогда как региональные власти и Министерство финансов Российской Федерации ждут от них показателей первых трех уровней.

Важно отметить, что для оценки эффективности культурной деятельности необходимо понимание культуры

как системного фактора экономики и городского развития. Никакие методики экономической оценки эффективности не будут работать, если понимание культуры так и останется на уровне исключительно социального блага и способа просвещения масс.

Другим важным выводом является необходимость

формирования новой системы статистического учета, организации регулярных исследований, сбора статистических данных по новым методикам, поскольку только изменение подходов к статистике даст возможность оценить объемы рынка, грамотно построить финансовую политику и "бухгалтерию" культуры, а также создать основу для новой экономики культуры.

ЛИТЕРАТУРА

1. Айрапетян М.С. Зарубежный опыт использования государственно-частного партнерства // Государственная власть и местное самоуправление. 2009. № 2. С. 35–42.
2. Васецкий А.А., Зуев С.Э. Культурные индустрии как значимый фактор политики // Власть. 2010. № 4. С. 65–69.
3. ВВП по источникам доходов [Электронный ресурс] // Росстат: официальный сайт. Официальная статистическая информация. Валовой внутренний продукт. URL: http://www.gks.ru/wps/portal/OSI_NS#
4. Востряков Л.Е. Государственная культурная политика: когнитивные модели и страновые различия // Научные труды Северо-Западной академии государственной службы. 2011. Т. 2. Вып. 2. С. 166–178.
5. Востряков Л.Е. Культурная политика: подходы и концепции западных исследователей // Научные труды Северо-Западной академии государственной службы. 2011. Т. 2. Вып. 1. С. 42–52.
6. Зеленцова Е.В., Мельвиль Е.Х. К вопросу об оценке экономической эффективности культурной деятельности // Научные труды Северо-Западной академии государственной службы. 2011. Т. 2. Вып. 2. С. 206–216.
7. Зеленцова Е.В. От творческих индустрий – к творческой экономике // Управленческое консультирование. 2009. №3. С. 190–199.
8. Мельвиль Е.Х. Экономика культуры: государственный патернализм или свободный рынок? // Управленческое консультирование. 2011. № 2. С. 166–176.
9. Creative Economy. Report 2008. The challenge of assessing the Creative economy: towards informed policy-making [Электронный ресурс] // UNCTAD. United Nations Conference on Trade and Development. Documents and Publications. URL: http://www.unctad.org/en/docs/ditc20082cer_en.pdf.
10. Loewendahl H. Creative industries set for record year [Электронный ресурс] // FDI Intelligence: A service from The Financial Times Ltd. 2008. 7 October. URL: <http://www.fdiintelligence.com/Archive/Creative-industries-set-for-record-year>
11. Siwek S.E. Copyright-based industries in the US Economy. The 2002 Report. Prepared for the International Intellectual Property Alliance. Washington, 2002.
12. The economy of culture in Europe [Электронный ресурс] // European Commission. Culture. Key Documents. Economy of culture in Europe URL: http://ec.europa.eu/culture/key-documents/doc873_en.htm

© Е.В. Зеленцова, Е.Х. Мельвиль, (iz@creativeindustries.ru), Журнал «Современная наука: Актуальные проблемы теории и практики»,

ПУБЛИЧНЫЕ БИБЛИОТЕКИ РОССИИ И ФИНЛЯНДИИ: ФАКТОРЫ РАЗВИТИЯ И УСПЕХА

CULT PUBLIC LIBRARY IN RUSSIA AND FINLAND: FACTORS OF THE DEVELOPMENT AND SUCCESS

*O. Stepina
E. Markova*

Annotation

The article contains a comparative description of the public library management systems in Finland and Russia, and suggests ways for the improvement of the Russian library system in order to increase its efficiency and to maximize the resource potential of this social institution, such as public libraries, in the modern development of the Russian society.

Keywords: public libraries, library legislation, library strategies, library management.

Аннотация

В статье исследуются системы управления публичными библиотеками в Финляндии и России. Предлагаются меры по совершенствованию российской библиотечной системы с целью повышения ее эффективности и максимального использования ресурсного потенциала такого социального института, как публичные библиотеки, в современном развитии российского общества.

Ключевые слова:

Публичные библиотеки, библиотечное законодательство, библиотечные стратегии, управление библиотеками.

Нужны ли публичные библиотеки в современном обществе? Во всем мире этот вопрос ставится по-другому. Какие библиотеки нужны в современном обществе? Ответ: конечно, хорошие – те, что способны обеспечивать доступ к неограниченному количеству источников достоверной информации и квалифицированную помощь в информационном поиске, те, что могут активно содействовать социальной адаптации и самореализации человека, его личностному и творческому развитию, создавать условия для общения людей, обучения на протяжении жизни и гражданского диалога.

Авторы имели возможность познакомиться с библиотечными системами разных стран, но в данной статье будет анализироваться опыт нашего близкого северного соседа – Финляндии. Мы попробуем показать, что лежит в основе успеха публичных библиотек в финском обществе и их большой популярности у населения.

В России публичные библиотеки переживают сейчас не лучшие времена, и все чаще звучит вопрос: будут ли они вообще существовать в электронную эру? Мы решили сравнить ситуацию в библиотечной сфере России с той, что существует в Финляндии, считая естественным свое желание как профессионалов попытаться понять, в чем причина такой значительной разницы и что следовало бы сделать для наших публичных библиотек, чтобы они не утратили своей роли в обществе.

Начнем с главного – с библиотечного законодательства, уровень развития которого отражает отношение государства к библиотекам и непосредственно влияет на их состояние. В Финляндии библиотечное законодательство существует с 1928 г., когда был принят первый Закон о библиотеках (Kirjastolaki) [1].

Это главный закон, регулирующий библиотечное дело, который посвящен публичным библиотекам (кроме него, есть еще ряд законов, регулирующих вопросы функционирования разных типов библиотек, в том числе национальной). Действующий закон о библиотеках 1998 г. – третий по счету. Он поставил перед публичными библиотеками задачу содействия развитию виртуальных услуг образовательного и культурного содержания и определил цель библиотечного обслуживания – обеспечение равных возможностей для персонального развития граждан, поддержание интереса к культуре и литературе, непрерывное развитие знаний и гражданских навыков, интернационализация и обучение на протяжении всей жизни.

Объем этого закона невелик – всего четыре страницы, а основные позиции просты и понятны. Закон определяет ответственность местных органов власти за организацию библиотечно-информационных услуг и оценку их качества. Закон гласит, что пользователи библиотек должны иметь доступ к постоянно обновляющимся библиотечным материалам и оборудованию и получать помощь персонала.

Закон определяет, что публичная библиотека должна работать в сотрудничестве с другими библиотеками в рамках национальной и международной библиотечно-информационной сети. Закон отмечает, что областные библиотеки и центральная библиотека для публичных библиотек должны дополнять услуги публичных библиотек. Эти принципиальные положения обеспечивают стабильное качество библиотечного обслуживания на всей территории страны, не дают муниципальным чиновникам отпускать "маленькие библиотечные лодочки" в автономное плавание, позволяют максимально использовать потенциал крупных библиотек, особенно в условиях нехватки кадров в сельской местности.

Библиотечный закон дополнен Указом о библиотеках (Kirjastoasetus) [2] 1998 г. – это своего рода подзаконный акт, и в нем раскрываются наиболее важные положения закона. Указ регламентирует сферу ответственности центральной библиотеки для публичных библиотек, определяет функции областных библиотек и обязанности региональных властей – то есть закрепляет разграничение полномочий и ответственности (это крайне важно сегодня и для России в связи с проводимой административной реформой, но пока в этом направлении никаких шагов не предпринято, что влечет за собой разрушение системы библиотечного обслуживания и снижение качества библиотечных услуг). В 2010 г. в финский указ были внесены существенные дополнения, касающиеся квалификационных требований к персоналу и руководителям публичных библиотек. Так, 70% персонала библиотек должны иметь профессиональное библиотечное образование, в том числе 45% работников – высшее библиотечное образование.

В Финляндии также действует закон о финансировании образования и культуры, где закреплена система государственных субсидий на эти цели, и закон об участии государства в предоставлении основных муниципальных услуг, который свидетельствует о том, что передавая какие-то полномочия на местный уровень, финское государство ни в коей мере не снимает с себя ответственности за их исполнение.

Обратимся к отечественному библиотечному законодательству. Оно выглядит значительно беднее. Хотя российский закон о библиотечном деле многословнее финского, он не содержит очень важных положений. Он слабо согласуется с другими (смежными) законами – например, с законодательством о местном самоуправлении или с недавно вступившим в действие Федеральным законом "О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию" от 29 декабря 2010 года № 436-ФЗ. Федеральный закон "О библиотечном деле" от 29 декабря 1994 г. № 78-ФЗ не слишком понятен даже профессионалам, не говоря уже об основном потребителе библиотечных услуг – населении. Создается впечатление, что наш библиотечный закон написан "на века", в нем нет

целей, соответствующих сегодняшнему этапу развития российского общества, что, по существу, делает его не локомотивом, а тормозом в движении библиотек. Он имеет очень общий характер, и при этом у нас отсутствуют специальные законодательные и нормативные акты для библиотек разных типов. Поэтому сегодня крайне важным представляется разработка и принятие отдельного закона о публичных библиотеках, в котором были бы закреплены государственные гарантии на библиотечное обслуживание населения и равные права на библиотечные услуги для всех граждан нашей большой страны. Таким образом были бы обеспечены дополнительные гарантии и для самих публичных библиотек, судьба которых сегодня в России весьма неопределенна.

Национальные стратегии развития библиотек также призваны дополнять библиотечные законы, помогать библиотекам успешно реагировать на возникающие внешние вызовы и способствовать их объединению для решения актуальных задач, стоящих перед страной и обществом.

Анализ состояния библиотечного дела Финляндии позволяет сделать вывод о том, что одна государственная стратегия в данной области сменяет другую, и в каждой из них ставятся новые, диктуемые временем, задачи для публичных библиотек. Программа "Библиотечная политика 2001–2004" содержала выводы о важной роли библиотек в гражданском и информационном обществе, дифференцировала библиотечные услуги по принципу ответственности власти и источникам финансового обеспечения (какие из них являются местными или региональными, а какие производятся централизованно и финансируются правительством для использования всеми муниципалитетами). В ней был сформулирован тезис о том, что направления деятельности, связанные с традиционными книгами и электронными библиотеками, должны осуществляться параллельно и не исключать друг друга.

Программа развития на период 2006–2010 гг. "Библиотека как интегрированный центр услуг в городской и сельской местности" определила значимость публичных библиотек, которые предоставляют услуги, влияющие на жизнеспособность и привлекательность провинциальных районов и препятствующие маргинализации и расслоению населения. Библиотечная стратегия 2010 г. "Политика доступа к знаниям и культуре" выдвинула на первый план роль библиотек в ликвидации цифрового и информационного неравенства.

Стратегии основываются на положениях правительственных программ. Действующий премьер-министр Финляндии Йюрки Катайнен утвердил "Программу правительства (2011–2015)", в которой говорится, что "библиотечная система играет центральную роль в развитии грамотности и продвигает чтение как хобби; биб-

блиотеки будут развиваться так, чтобы соответствовать задачам информационного общества". В соответствии с этим библиотечная повестка дня в Финляндии сегодня включает вопросы медиаграмотности, доступа к электронным книгам и развития публичной электронной библиотеки. Новый документ в данной сфере – "Национальная информационно-социальная стратегия на период 2007–2015 гг.". "Главные направления национальной стратегии" [3] – привлечение профессионального персонала, обучение пользователей библиотек поиску, отбору и оценке информации. Концепция Национальной цифровой библиотеки [4] определяет направление движения по созданию инфраструктуры, объединяющей электронные информационные ресурсы и услуги архивов, библиотек и музеев с целью повышения их доступности и долгосрочного сохранения цифрового культурного наследия. В настоящий момент ведется разработка еще одной очень важной стратегии "Электронный контент – в публичные библиотеки", целью которой является создание национальной системы, позволяющей через публичные библиотеки обеспечить всем жителям доступ к электронным материалам (книгам, газетам, журналам).

Есть ли у нас стратегии развития библиотек? Да, мы можем назвать два документа, имеющих стратегический потенциал – "Основные направления развития деятельности по сохранению библиотечных фондов в Российской Федерации на 2011–2020 гг." и "Основные направления развития Общероссийской информационно-библиотечной компьютерной сети ЛИБНЕТ на 2011–2020 гг.". Но они, в основном, касаются крупных библиотек, а стратегий развития публичных библиотек у нас нет. Как же без них обозначить для десятков тысяч библиотек и их учреждений стоящие перед ними актуальные задачи, как помочь им выбрать правильные направления развития в эпоху перемен; наконец, как понять, что нужно делать самим библиотекам, чтобы просто выжить? И как без таких стратегий показать обществу, в чем ценность и смысл существования публичных библиотек и какие социальные проблемы они способны решать?

Теперь коснемся вертикали управления, наличие которой в нашей сфере представляется необходимым. В идеале она должна включать две ветви: государственную систему управления и внутриотраслевую организационно-методическую структуру. Для чего? Для того чтобы иметь единые подходы и инструменты управления и обеспечить реальное участие государства в организации библиотечного обслуживания на всех уровнях: федеральном, региональном, муниципальном.

В Финляндии такая вертикаль существует и содержит три уровня:

- ◆ национальный – министерство образования и культуры, имеющее в своей структуре подразделение, курирующее библиотеки;

- ◆ региональный – специальные подразделения в Центрах экономического развития, транспорта и окружающей среды, созданных в 2010 г. в шести объединенных регионах Финляндии, в которых работают профессиональные библиотекари-управленцы;

- ◆ муниципальный – органы муниципальной власти, учредившие библиотеки.

Наряду с этим активно действуют библиотеки – методические центры: центральная библиотека для публичных библиотек (ее функции исполняет городская библиотека Хельсинки) и областные библиотеки. Эта иерархия ответственности каждого из субъектов закреплена в нормативных актах. Но для успешной работы любой системы нужно, чтобы каждый ее участник хорошо знал свои обязанности и владел соответствующей информацией. Ассоциация местных и региональных властей Финляндии поддерживает в Интернете сайт Kunnat.net, на котором собраны материалы, необходимые местным властям для управления муниципалитетами и оказания муниципальных услуг. Особое место там отведено библиотекам. Один из разделов сайта представляет руководство по организации библиотечного обслуживания, в котором рассматриваются вопросы финансирования библиотек, библиотечного законодательства, сотрудничества библиотек и муниципалитетов, оценки качества библиотечного обслуживания, изучения мнения пользователей библиотек, развития мультикультурных библиотек, деятельности библиотек в области охраны окружающей среды. По каждой теме дана обзорная информация и ссылки на документы, рекомендации, разработки, инструкции. Данный ресурс предназначен, прежде всего, для начинающих управленцев и, таким образом, создается основа для преемственности власти – каждый новый руководитель муниципального образования сможет легко понять, в чем будет заключаться его ответственность в предоставлении библиотечно-информационных услуг.

В России управленческая вертикаль тоже существовала, и сейчас ее отсутствие отрицательно сказывается на состоянии библиотечного обслуживания. Очевидным представляется необходимость усиления структуры управления публичными библиотеками на федеральном и региональном уровнях. Следует нормативными актами закрепить ответственность региональных администраций за качество библиотечного обслуживания населения на своей территории. Главам муниципалитетов нужно дать обстоятельные рекомендации, так как большинство из них плохо представляют, в чем состоят их обязанности по организации библиотечного обслуживания, впрочем, как и по многим другим вопросам местного значения.

Можно выделить следующие основные шаги по совершенствованию структуры управления публичными библиотеками:

- ◆ определить ответственность национальных и федеральных библиотек за развитие публичных библиотек страны по определенным направлениям или создать такое звено, как центральная библиотека для публичных библиотек;

- ◆ обозначить степень ответственности и конкретные функции центральных библиотек субъектов Федерации (сейчас попытки сделать это предпринимаются только в региональном законодательстве);

- ◆ воссоздать институт центральных библиотек на уровне муниципальных районов и городских округов с учетом реалий закона о местном самоуправлении.

Наиболее существенными из инструментов управления мы считаем финансирование и систему оценки деятельности библиотек.

Важную часть финской системы финансирования библиотек составляет программа государственных грантов. Это субсидии муниципалитетам на покрытие расходов по библиотечному обслуживанию, размер которых определяется из расчета на одного жителя и зависит от "щедрости" самих муниципалитетов – чем больше они тратят на библиотеки, тем больше размер получаемых ими субсидий.

Это гранты библиотекам на реализацию проектов, направленных на инновационное развитие и производство онлайн-услуг, имеющих мультиплицирующий эффект. Это субсидии государства на приобретение библиомобилей и строительство библиотечных зданий. Благодаря им ежегодно в 4–5 муниципалитетах начинается строительство или реконструкция библиотек, которая носит название "реновация". Это не текущий или капитальный ремонт, а практически почти такое же строительство (только без возведения нового здания), в результате чего библиотека полностью меняет свой облик – и внутренний, и даже внешний.

Гранты выделяются центральной библиотеке для публичных библиотек и областным библиотекам на выполнение ими функций, закрепленных государством.

Также существует программа поддержки комплектования фондов публичных библиотек, когда государство не выдает субсидии, но каждый год закупает качественную литературу, выходящую небольшими тиражами, и передает ее в публичные библиотеки.

Действующая в России практика финансирования пока не является реальным и эффективным инструментом реализации государственной библиотечной политики. Да, с 2008 г. появились федеральные субсидии на комплектование фондов муниципальных библиотек, а с 2012 г. государством начали выделяться средства на их

подключение к сети Интернет. В рамках проекта "Организация мобильной системы обслуживания населенных пунктов, не имеющих библиотек" регионы России стали получать мобильные комплексы библиотечного обслуживания (библиомобили). В рамках федеральной целевой программы "Культура России" в течение ряда лет реализуются проекты по созданию модельных сельских библиотек, формированию Национальной электронной библиотеки и Сводного каталога библиотек России, сохранению библиотечных фондов. Но все это не закреплено на законодательном уровне и потому не может рассматриваться как система, тем более система надежная и прозрачная. А размер этой помощи в масштабах нашей страны настолько мал, что она не способна существенно повлиять на изменение ситуации к лучшему. К тому же отсутствие закона становится почвой для злоупотреблений, когда местные власти сокращают финансирование библиотек из муниципальных бюджетов, уповая на государственные субсидии. В результате маленькая публичная библиотека пока является не элементом государственной системы, гарантирующей определенный стандарт библиотечного обслуживания населения, а заложником ситуации в своем муниципальном образовании – если муниципалитет богат, то и библиотека имеет большие возможности, если же местный бюджет едва сводит концы с концами, то и библиотека влачит жалкое существование.

Очевиден тот факт, что систему финансирования библиотечных учреждений следует совершенствовать в направлении усиления помощи публичным библиотекам со стороны государства. Необходимым условием развития библиотечного дела представляются также федеральные субсидии для центральных региональных библиотек, которые фактически являются проводниками государственной библиотечной политики и обеспечивают ее реализацию на всей территории нашей огромной страны. Это повысило бы их ответственность за развитие муниципальных библиотек и позволило оказывать им помощь на более качественном уровне и в большем объеме.

Оценка библиотечной деятельности и обязанность ее проведения для всех уровней управления и самих библиотек в Финляндии закреплена законом. В помощь этому разработаны "Рекомендации по оценке качества для публичных библиотек" [5]. В них использован интересный подход – сначала приведены нормативы, затем дана картинка идеальной библиотеки и "правильного" муниципалитета, в которых эти нормативы соблюдены, а в заключение раскрыты 10 характеристик хорошо работающей библиотеки, по которым каждая библиотека может оценить свою деятельность. В Финляндии любой желающий может познакомиться с актуальной и достоверной библиотечной статистикой на сайте libraries.fi [6], где приводятся не только данные по каждой финской библиотеке, но и ключевые показатели, которые могут служить основой для сравнения и оценки библиотеки, качества и ре-

зультативности ее работы.

В России, в первую очередь, нужны адекватные времени показатели деятельности библиотек. Необходима единая база данных статистики (прежде всего, по публичным библиотекам), в которой бы содержались средние и эталонные значения показателей, и которая была бы доступна и библиотекам, и потребителям библиотечных услуг. Общее качество рождается из общих стандартов, поэтому Модельный стандарт деятельности публичной библиотеки [7], принятый Российской библиотечной ассоциацией, должен иметь силу закона или нормативного акта Министерства культуры Российской Федерации. Важно, чтобы обязанности по проведению оценки библиотечной деятельности и качества библиотечного обслуживания были закреплены за всеми уровнями власти и управления библиотеками, так как без этого их развитие просто невозможно.

Следует перенимать опыт Финляндии и по позиционированию публичных библиотек. В этой стране публичные библиотеки – центральное звено библиотечной сети де-юре и де-факто, так как ими пользуется 80 процентов населения страны. Публичные библиотеки вызывают всеобщее уважение, потому что они реализуют принцип равенства, провозглашенный в Конституции Финляндии. Люди ощущают это сразу, переступая порог библиотеки, где их встречает надпись "Зона, свободная от дискриминации". Когда в Финляндии говорят о библиотеке, имеют в виду, прежде всего, публичные библиотеки.

У нас тоже публичные библиотеки фактически являются центральным звеном библиотечной сети – и по количеству, и вследствие того, что ими пользуется большинство населения страны. Однако юридически это никак не закреплено. Мы в России привыкли говорить о библиотеке вообще, а библиотеки "вообще" быть не может – каждая из них относится к определенному типу и решает определенные задачи. Но главной в национальной библиотечной системе является все-таки публичная библиотека, а значимость других крупных библиотек должна зависеть и от того, как они влияют на качество услуг, оказываемых публичными библиотеками.

Мы же стали называть публичные библиотеки общедоступными и причислять к ним совершенно разные библиотеки: и национальные / федеральные, и библиотеки субъектов Федерации, и муниципальные.

Мы мечемся, называя публичные библиотеки то интеллектуальными, то культурными, то информационными, то образовательными центрами, легкомысленно избавляясь при этом от самого слова "библиотека" и демонстрируя неустойчивость и даже некоторую конъюнктурность своего профессионального сознания. При этом мы способны назвать библиотеками любые случайные подборки книг, которые сегодня появляются в парках, скве-

рах, других местах в рамках различных инициатив.

Все это ведет к размыванию самого понятия "библиотека", а вместе с этим исчезает и должное уважение к ней. Более того, именно публичные библиотеки сильнее всего страдают в сегодняшней непростой ситуации. Ими недовольны все: и государство, видящее в них обременительный и никому не нужный источник расходов; и читатели, которые мало ценят бесплатность библиотечных услуг, потому что низко оценивают их качество; и общество в целом, поскольку имеет смутное представление о том, что же сегодня стоит за понятием "библиотека", почему приходится тратить на ее содержание деньги, которых не хватает на многие более насущные нужды.

Все вышесказанное приводит к мысли, что на данном этапе необходимо серьезно заняться продвижением самой идеи публичной библиотеки и лоббированием на всех уровнях интересов публичных библиотек. В Финляндии таких защитников много, прежде всего, в общественном секторе. Это Совет публичных библиотек (Yleisten Kirjastojen Neuvosto), задачей которого является представление интересов публичных библиотек в вопросах развития национальной библиотечной сети. Это Финская библиотечная ассоциация (Kirjastoseura), объединяющая именно публичные библиотеки, так как научные библиотеки объединены в свою ассоциацию. Это пять профсоюзов, которые вместе с тремя библиотечными ассоциациями вошли в группу библиотечного сотрудничества под названием "Minerva". Группу, которая не только отстаивает право библиотекарей на справедливое вознаграждение труда и борется за повышение их заработной платы на 20% (именно на столько она отличается от средней зарплаты по стране), но и реализует следующие принципы развития финских библиотек: библиотеки должны быть базовой услугой для каждого, библиотечные услуги должны быть одинаково доступными для всех, в основе высокого качества библиотечных услуг должны быть опыт и профессиональная подготовка персонала.

Совет публичных библиотек Финляндии разработал Стратегию 2011–2016 [8], в которой учтено мнение сотрудников библиотек и поставлены цели, которые они считают важными. Прежде всего, это формирование образа финской публичной библиотеки как места, где встречаются люди и идеи. Для того чтобы достичь этой цели, потребуется изменить все области библиотечной деятельности и, в первую очередь, использование библиотечного пространства. Библиотеки должны превратиться в "наше общее пространство" – библиотекарей и пользователей – вместо того, чтобы быть "ничейной землей" или территорией только для библиотечных работников.

В такой огромной стране, как Россия, по нашему глубокому убеждению, сегодня нужна ассоциация публичных библиотек, которая должна и могла бы более активно и

последовательно представлять и защищать интересы публичных библиотек, лоббировать их, вырабатывать позиции и идеи. Но и Совет публичных библиотек – это очень хорошая идея, и его опыт, непременно, стоит учесть.

Национальная библиотечная система – очень сложный механизм, и его стабильная и слаженная работа зависит от многих составляющих. Кирсти Кекки, советник Министерства образования и культуры Финляндии, говорит: "Мы поняли, что без закона о библиотеках и значительного государственного финансирования очень немногие муниципалитеты способны создавать и развивать библиотеки" (курсив авт.).

А еще не обойтись без значительных усилий правительства, местных властей, объединений и персонала библиотек. Примером этого может служить проект "Новая библиотечная система". Впервые в Финляндии представители разных библиотечных секторов собираются вместе на одной wiki-площадке, чтобы сформулировать главные цели развития библиотечной сети страны. Совместно они должны разработать такую систему, в которой все библиотеки будут функционировать как единое

целое, а их ресурсы и услуги – представлены в едином публичном интерфейсе Национальной цифровой библиотеки.

Итак, мы считаем, что успешное развитие публичных библиотек возможно и в России при выполнении следующих условий:

- ◆ четкого позиционирования публичных библиотек как центрального звена библиотечной системы страны;
- ◆ изменения действующего законодательства, регулирующего вопросы библиотечного обслуживания населения;
- ◆ принятия полноценных национальных библиотечных стратегий и программ для публичных библиотек;
- ◆ восстановления и модернизации вертикали управления в библиотечной сфере и совершенствования инструментов управления публичными библиотеками;
- ◆ активного лоббирования интересов публичных библиотек.

ЛИТЕРАТУРА

1. Library Act 904/1998 [Электронный ресурс] // Ministry of Education and Culture: официальный сайт. URL: http://www.okm.fi/export/sites/default/OPM/Kirjastot/lait_ja_ohjeet/liitteet/Library_Act_up_to_2010_eng.pdf (дата обращения: 14.12.2012).
2. LIBRARY DECREE 1078/1998 [Электронный ресурс] // Ministry of Education and Culture: официальный сайт. URL: http://www.okm.fi/export/sites/default/OPM/Kirjastot/lait_ja_ohjeet/liitteet/Library_Decree_up_to_2010.pdf (дата обращения: 14.12.2012).
3. Finnish Public Library Policy 2015. National strategic areas of focus // Ministry of Education and Culture: официальный сайт. URL: <http://www.okm.fi/export/sites/default/OPM/Julkaisut/2009/liitteet/opm31.pdf?lang=en> (дата обращения: 14.12.2012).
4. The National Digital Library – collaborating and interoperating // Ministry of Education and Culture: официальный сайт. URL: <http://www.minedu.fi/export/sites/default/OPM/Julkaisut/2011/liitteet/OKM26.pdf?lang=en> (дата обращения: 14.12.2012).
5. Quality recommendation for public libraries // Ministry of Education and Culture: официальный сайт. URL: <http://www.minedu.fi/export/sites/default/OPM/Julkaisut/2011/liitteet/OKM35.pdf?lang=en> (дата обращения: 14.12.2012).
6. Statistics : [Электронный ресурс] // Ministry of Education and Culture: официальный сайт. URL: <http://www.libraries.fi/en-GB/library-branch/basic-information-about-finnish-libraries/statistics/> (дата обращения: 14.12.2012 г.)
7. Модельный стандарт деятельности публичной библиотеки : [Электронный ресурс] // Российская библиотечная ассоциация: официальный сайт. URL: http://www.rba.ru/content/about/doc/mod_publ.php (дата обращения: 20.12.2012 г.)
8. Council for Public Libraries Strategy 2011–2016. The values of public libraries : [Электронный ресурс] // Kirjastot.fi. URL: <http://www.kirjastot.fi/File/36093d68-aacf-4845-b7d9-c33a6055f5d5/Ykn-strategia-kirjastoversio-eng.pdf> (дата обращения: 14.12.2012).

© О.Г. Степина, Е.М. Маркова, (olga.stepina@aonb.ru), Журнал «Современная наука: Актуальные проблемы теории и практики»,

ФОРМИРОВАНИЕ РЕГИОНАЛЬНОЙ МОДЕЛИ УПРАВЛЕНИЯ СФЕРОЙ КУЛЬТУРЫ

THE FORMATION OF A REGIONAL MODEL OF CULTURAL ADMINISTRATION

A. Kamirova

Annotation

The author considers wide scope of the problems concerning the cultural administration of a region. The author describes in details how the system of staff education should be organized considering as an example the education of administration staff by the Ministry of Culture of the Republic of Karelia.

Keywords: Republic of Karelia, Ministry of Culture, public administration, cultural policy, cultural-educational projects.

Камирова Антонина Николаевна

К.э.н., Проректор по социально-экономическому развитию, заведующая каф. гуманитарных и социально-экономических дисциплин, Петрозаводская государственная консерватория им. А.К. Глазунова

Аннотация

В статье рассматриваются вопросы управления сферой культуры региона. Особое внимание автор уделяет описанию системы подготовки управленческих кадров культуры на примере образовательного проекта Министерства культуры Республики Карелия.

Ключевые слова:

Республика Карелия, Министерство культуры, государственное управление, культурная политика, образовательные проекты культуры.

Понятие "управление" является универсальной характеристикой для определения конкретного вида деятельности, т.е. совокупности действий, направленных на эффективное функционирование организации. В самом широком смысле управление, как рациональная деятельность, осуществляемая в динамичной социальной среде разными субъектами, принимающими на себя обязанности и ответственность за типы, формы и способы коммуникационной активности, за развитие и риски, за результаты взаимодействия, означает непрерывный процесс воздействия на управляемый объект для достижения общественно значимых целей при наименьших затратах времени и ресурсов [2].

Особое место среди видов управления общественной жизнью занимает государственное управление. Это обусловлено наличием мощной государственной власти, распространяющейся на все общество, устанавливающей правовые нормы и использующей механизмы принуждения для обеспечения соблюдения всеми управляемыми объектами установленных правил поведения.

Представляя собой исполнительную деятельность по непосредственной практической организации общественных процессов в обществе, государственное управление направлено на исполнение, претворение в жизнь законов и других нормативных актов. В процессе осуществления государственного управления его субъекты используют распорядительные полномочия, права по принятию обязательных к исполнению властных актов и охраняются мерами государственного принуждения.

В широком понимании государственное управление характеризует организующее воздействие государства на общественные отношения посредством специальных субъектов [3; 7]. С таких позиций государственное управление (трагуемое как управление государственными делами) осуществляют все органы государства.

На практике государственное управление осуществляется в рамках системы государственной власти, базирующейся на принципах разделения властей, и реализуется в следующих формах деятельности, направленных на реализацию единых целей и задач государства:

- ◆ законодательная деятельность, которую осуществляют представительные органы государственной власти;
- ◆ исполнительная деятельность, осуществляемая органами исполнительной власти;
- ◆ правосудие, осуществляемое системой судебной власти.

В узком понимании государственное управление трактуется как административно-государственная деятельность, т.е. работа исполнительных органов государственной власти на уровне Российской Федерации и субъектов РФ. В этой ситуации исполнительная власть как проявление единой государственной власти приобретает реальный характер в деятельности особых звеньев государственного аппарата, именуемых исполнительными органами, а по существу являющимися органами государственного управления.

Функции современного государства предполагают необходимость государственной политики в области культуры (культурной политики). Средствами выработки и реализации такой политики выступают разработка и принятие государственных программ, создание специализированных исполнительных органов (министерств, комитетов и т.п.), государственных организаций, учреждений, предприятий культуры.

На федеральном уровне такие функции исполняет Министерство культуры Российской Федерации. В соответствии с положением Министерство культуры Российской Федерации (далее – Минкультуры России) – это федеральный орган исполнительной власти, реализующий государственную политику в области культуры, искусства, сохранения, использования, популяризации и государственной охраны и историко-культурного наследия. Минкультуры России также осуществляет государственное регулирование и координацию деятельности иных федеральных органов исполнительной власти в сфере культуры в случаях, установленных федеральными законами, указами Президента Российской Федерации и постановлениями Правительства России.

Существование полноценного и самостоятельного Министерства культуры представляется целесообразным в контексте национальных традиций государственного управления. Это обеспечивает сфере культуры лучшее финансирование, а также – определенное равенство с другими отраслями в государственном механизме и дает свободу инициативы [6, с. 166–167]. Существование министерства необходимо, поскольку государственный сектор в культуре сохраняет свое значение, в государственном ведении находится значительное число учреждений культуры.

На основании Федерального закона "Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации" от 6 октября 1999 г. № 184-ФЗ в субъектах Российской Федерации устанавливается система органов исполнительной власти во главе с высшим исполнительным органом государственной власти субъекта Федерации, который обеспечивает исполнение Конституции Российской Федерации, федеральных законов и иных нормативных правовых актов Российской Федерации, конституции (устава), законов и иных правовых актов субъекта Российской Федерации, а также формирует органы исполнительной власти субъекта Российской Федерации.

Так, в структуре исполнительных органов государственной власти Республики Карелия действует министерство культуры. В соответствии с положением министерство является исполнительным органом государственной власти, реализующим на территории Республики Карелия государственную политику в сфере культуры,

искусства, культурного наследия, архивного, музейного и библиотечного дела, средств массовой информации.

Основными задачами министерства культуры являются:

- ◆ реализация федеральной культурной политики на территории Республики Карелия;
- ◆ реализация региональной культурной политики;
- ◆ создание условий для развития учреждений культуры на территории Республики Карелия.

К полномочиям региональных органов государственной власти в области культуры относятся:

- ◆ сохранение, использование и популяризация объектов культурного наследия (памятников истории и культуры), находящихся в собственности субъекта Российской Федерации, государственная охрана объектов культурного наследия регионального значения;*

* Региональные органы государственной власти вправе участвовать в финансировании работ по сохранению, популяризации и государственной охране объектов культурного наследия федерального значения, находящихся в федеральной собственности.

- ◆ организация библиотечного обслуживания населения субъектов Российской Федерации;

- ◆ создание и поддержка государственных музеев (за исключением федеральных государственных музеев, перечень которых утверждается Правительством Российской Федерации);

- ◆ организация и поддержка учреждений культуры и искусства (за исключением федеральных учреждений культуры и искусства, перечень которых утверждается Правительством Российской Федерации);

- ◆ поддержка народных художественных промыслов (за исключением организаций народных художественных промыслов, перечень которых утверждается Правительством РФ);

- ◆ поддержка региональных и местных национально-культурных автономий, поддержка изучения в образовательных учреждениях национальных языков и иных предметов этнокультурной направленности.

Региональные органы государственной власти могут выступать учредителями организаций культуры в соответствии с федеральным законодательством в пределах своей компетенции. В собственности субъектов Российской Федерации могут находиться объекты культурного наследия (памятники истории и культуры) независимо от категории их историко-культурного значения.

В частности, в ведении министерства культуры Республики Карелия находятся 4 театра и 2 концертные организации, 2 республиканских музея, 3 библиотеки, 2 средних учебных заведения. Министерство является учредителем инновационных учреждений культуры, таких как Центр национальных культур и Центр культурных инициатив, в ведении министерства находятся также редакция журнала "Север" и национальный архив Республики Карелия. На территории Республики Карелия кроме того действуют 2 государственные организации культуры федерального ведения и муниципальные учреждения культуры.

При проведении платных мероприятий организации культуры могут устанавливать льготы для детей дошкольного возраста, учащихся, инвалидов, военнослужащих, проходящих военную службу по призыву. Порядок установления льгот для организаций культуры, находящихся в ведении регионов, устанавливается органами государственной власти субъектов Российской Федерации. Так, республиканские музеи и государственный музей-заповедник "Кижский" имеют систему льгот и скидок для различных социальных групп населения, такие меры предусмотрены также в отношении детей, для которых разработаны программы посещения музеев, включая семейные абонементы.

Федеральный закон "О библиотечном деле" от 29 декабря 1994 г. № 78-ФЗ определил, что библиотеки, учрежденные региональными органами государственной власти, относятся к государственным библиотекам. Органы государственной власти субъектов Российской Федерации обеспечивают:

- ◆ финансирование комплектования и обеспечения сохранности фондов государственных библиотек;
- ◆ реализацию прав граждан на библиотечное обслуживание.

Региональные органы государственной власти не вправе принимать решения и осуществлять действия, которые влекут ухудшение материально-технического обеспечения действующих библиотек, находящихся на бюджетном финансировании, их перевод в помещения, не соответствующие требованиям охраны труда, хранения библиотечных фондов и библиотечного обслуживания. Органы государственной власти субъектов Российской Федерации могут присваивать ведущей универсальной библиотеке статус центральной библиотеки. Они могут учреждать специальные центральные библиотеки по отраслевому принципу и по обслуживанию особых групп пользователей библиотек (детского и юношеского возраста, слепых, слабовидящих и др.).

Особое внимание уделяется деятельности, связанной

с государственным контролем в отношении музейных предметов и музейных коллекций, включенных в состав Музейного фонда Российской Федерации. Музейный фонд состоит из государственной и негосударственной частей. В состав государственной части входят музейные предметы и музейные коллекции, находящиеся в собственности субъектов Российской Федерации, независимо от того, в чьем владении они находятся. Решения об управлении этими музейными предметами и музейными коллекциями принимаются региональными органами исполнительной власти, на которые возложено государственное регулирование в области культуры.

Эти органы обязаны обеспечивать финансовые и иные условия, необходимые для хранения и использования музейных предметов и музейных коллекций, входящих в состав государственной части Музейного фонда и переданных в оперативное управление государственным музеям, иным государственным учреждениям, а также предоставлять необходимые гарантии возмещения ущерба, причиненного музейным предметам и музейным коллекциям.

Органы исполнительной власти субъектов Российской Федерации могут устанавливать особые формы поддержки государственных музеев в связи с необходимостью принятия дополнительных мер по сохранению уникальных историко-художественных комплексов, а также создания наиболее благоприятных условий для деятельности крупнейших государственных музеев, хранящих музейные предметы и музейные коллекции, имеющие мировое значение. В пределах своих полномочий органы государственной власти регионов могут оказывать поддержку негосударственной части Музейного фонда и негосударственным музеям в различных формах.

Согласно Федеральному закону "О народных художественных промыслах" от 6 января 1999 г. № 7-ФЗ органы государственной власти регионов оказывают поддержку народным художественным промыслам (за исключением организаций народных художественных промыслов, перечень которых утверждается Правительством Российской Федерации) в соответствии с региональным законодательством. Субъекты Российской Федерации устанавливают порядок отнесения изделий, изготавливаемых на их территориях, к изделиям народных художественных промыслов. Для осуществления деятельности по отнесению такой продукции к изделиям народных художественных промыслов региональными органами исполнительной власти создаются художественно-экспертные советы по народным художественным промыслам.

Самыми распространенными и массовыми видами народного художественного промысла в Карелии являются ткачество и плетение из бересты. В городской среде особенно активно развиваются художественная обра-

ботка камня и металла, ювелирное искусство, изготовление художественных изделий из кожи и меха. Особо значимыми (имеющими высокую художественную ценность и представляющими уникальное культурное наследие республики) являются изделия карельской и заонежской вышивки.

Стратегия развития народных промыслов и ремесел Карелии до 2020 г. сохранение народных художественных промыслов и ремесел предлагает обеспечить через развитие творческих индустрий, малого бизнеса, направленного на развитие культурного туризма и социально-экономическое развитие республики в целом. Развитие сектора культуры, наличие уникальных памятников культуры, сохранение исторических ландшафтов и территорий позволяют привлекать инвестиции в регион на реализацию проектов в сфере культуры.

В этой ситуации одним из приоритетных направлений деятельности органов государственного управления становится социальное регулирование. Оно необходимо, прежде всего, потому, что именно государство по Конституции призвано обеспечить реализацию принципа доступности для своих граждан источников удовлетворения культурных потребностей.

В научной литературе активно обсуждаются различные модели культурной политики, реализуемые в разных странах мира (см.: [1; 4]). Полагая необходимым не только использовать положительно зарекомендовавший себя зарубежный опыт, но прежде всего опираться на историко-культурные традиции территории, министерство культуры Карелии с привлечением управленцев разных уровней приступило к формированию региональной модели культурной политики. Так республиканским министерством культуры была разработана, а правительством республики утверждена концепция развития сферы культуры, в соответствии с которой культура признается одним из приоритетных направлений развития региона.

На основе концепции разработана и утверждена региональная отраслевая программа "Развитие сферы культуры в Республике Карелия на период до 2012 г.", удостоенная Диплома лауреата Национального конкурса "Инновации в региональном и местном управлении", проводившегося Советом Федерации Федерального Собрания Российской Федерации. В целях эффективной поддержки программы развития культурной деятельности министерство культуры Республики Карелия привлекает к реализации культурной политики ведущих представителей общественности республики. При министерстве действует система консультативных и совещательных органов, призванных выработать рекомендации по вопросам текущего и перспективного развития сферы культуры и искусства, в которую входят коллегия министерства культуры, а также общественные и экспертные советы.

Практика реализации программы развития культуры

со всей остротой поставила перед министерством культуры Республики Карелия целый комплекс стратегических и тактических задач, решать которые региональному органу управления культуры прежде не приходилось. Для повышения эффективности управления программой было необходимо сформировать команду единомышленников – не просто профессионалов, но перспективно мыслящих людей, владеющих современными технологиями управления, способных искать и находить новые возможности, привлекать ресурсы, максимально адаптивных, способных быстро и динамично вписываться в процесс реформирования [5, с. 166–167].

На федеральном уровне подготовка современных кадров в сфере управления культурой по специальным программам практически не осуществляется. Поэтому министерство культуры Республики Карелия использовало все возможности для наращивания "интеллектуального ядра" управления [3, с. 70]. При поддержке ряда международных фондов и организаций группа специалистов была направлена на стажировку в страны Финноскандии и США. Совместно с Московской высшей школой социальных и экономических наук была разработана и осуществлена двухлетняя учебная программа подготовки современных управленцев культуры, включавшая очное, заочное и дистанционное обучение. Сотрудники министерства и молодые управленцы проходили обучение и повышение квалификации на базе ведущих учреждений системы РАНХиГС, других государственных вузов. Совместно с зарубежными партнерами, прежде всего – Баренцева Евро-Арктического региона, были проведены совместные семинары и тренинги по темам, связанным с развитием культурного туризма и креативной экономики.

Выстроенная министерством культуры стратегия на развитие кадрового потенциала позволила осознано перейти к новой концепции развития культуры республики на основе всестороннего освоения "человеческого капитала" отрасли. В условиях, когда на региональном уровне особое внимание уделяется формированию резерва управленческих кадров [8], министерство культуры Республики Карелия приступило к реализации данного государственного проекта.

Важнейшими критериями для отбора кандидатов в состав резерва министерства культуры Карелии были определены:

- ◆ мотивация труда и гражданская позиция (интересы, стремления, амбиции);
- ◆ профессионализм и компетентность (образование, стаж, возраст, знание деловой этики, готовность к обоснованному риску, самостоятельность в принятии решений, уровень корпоративной культуры);
- ◆ личные и потенциальные возможности (гибкость, стрессоустойчивость, коммуникабельность, авторитет-

ность).

Сегодня министерство культуры Республики Карелия видит свою задачу в создании такой среды для формирования управленческой элиты сферы культуры, где определяющими будут непрерывное самообразование, раз-

витие компетентности, организация различных форм партнерства. Особое внимание уделяется формированию корпоративной культуры. Эта новая, творческая модель управления, которая приходит на смену авторитарной и демократической, широко применяется в развитых странах мира и уже приносит положительные результаты.

ЛИТЕРАТУРА

1. Астафьева О.Н. Культурная политика государства: вопросы о реально существующем и потенциально возможном // Знание. Понимание. Умение. 2008. №3. С. 50–58.
2. Астафьева О.Н. Культурная политика: теоретическое понятие и управленческая деятельность (Лекции 1–3) // Культурологический журнал [Электронный ресурс]. 2010. №2. URL: http://www.cr-journal.ru/rus/journals/20.html&j_id=3
3. Атаманчук Г.В. Управление и персонал государственного аппарата // Государственная служба. Вестник Координационного Совета по кадровым вопросам, государственным наградам и государственной службе при полномочном представителе Президента Российской Федерации в Северо-Западном федеральном округе. 2008. № 2. С. 66–77.
4. Востряков Л.Е. Культурная политика: подходы и концепции западных исследователей // Научные труды Северо-Западной академии государственной службы. 2011. Т. 2. Вып. 1. С. 42–52.
5. Востряков Л.Е. наброски к социально-политическому портрету региональных управленцев культурой // Политическая экспертиза: Политэкс. 2006. Т. 2. № 4. С. 166–177.
6. Культурная политика России. История и современность. Два взгляда на одну проблему. М., 1998.
7. Лапина Н.Ю., Чирикова А.Е. Региональная власть и реформа российского федерализма: Сценарии политического будущего // Социологические исследования. 2001. № 4. С. 16–27.
8. Понеделков А.В. Формирование резерва кадров в системе государственной гражданской службы: социологический анализ // Государственная служба. Вестник Координационного Совета по кадровым вопросам, государственным наградам и государственной службе при полномочном представителе Президента Российской Федерации в Северо-Западном федеральном округе. 2011. № 1. С. 36–44.

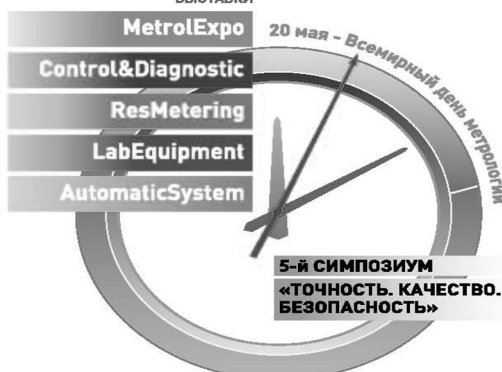
© А.Н. Камирова, [kamirova1@yandex.ru], Журнал «Современная наука: Актуальные проблемы теории и практики»,

9-й МОСКОВСКИЙ МЕЖДУНАРОДНЫЙ ФОРУМ ТОЧНЫЕ ИЗМЕРЕНИЯ - ОСНОВА КАЧЕСТВА И БЕЗОПАСНОСТИ

21–23 мая '2013

Москва Павильон
ВВЦ №57

СПЕЦИАЛИЗИРОВАННЫЕ
ВЫСТАВКИ

ДИРЕКЦИЯ ФОРУМА

129223, Москва, а/я 35, ул. Сельскохозяйственная д. 35, стр. 182
Тел./Факс: +7 (495) 937-40-23 (многоканальный)

www.metrol.expoprom.ru E-mail: metrol@expoprom.ru

ОРГАНИЗАТОР

Федеральное агентство по техническому регулированию и метрологии

СОДЕЙСТВИЕ

Аппарат Правительства Российской Федерации

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ПАРТНЕРЫ

The International Bureau of Weight and Measures (BIPM)

International Organization of Legal Metrology (OIML)

The International Committee for Non-Destructive Testing (ICNDT)

С УЧАСТИЕМ

Минпромторг России, Минэнерго России, Минздравсоцразвития России, Минобрнауки России, Минобороны России, МВД России, Ростехнадзор, Роскосмос, Фонд «Сколково», ГК «Росатом», ОАО «РОСАНО», ОАО «РЖД»

ЭКСПЕРТНАЯ КОМИССИЯ

ФБУ «Ростест-Москва»

УСТРОИТЕЛЬ И ВЫСТАВОЧНЫЙ ОПЕРАТОР

Компания «Вэстстрой Экспо»

ПРОГРАММА ФОРУМА

9-ая Международная выставка средств измерений, испытательного оборудования и метрологического обеспечения «**METROLEXPO-2013**»

2-ая Специализированная выставка средств неразрушающего контроля, технической диагностики, КИП и А «**Control&DIAGNOSTIC-2013**»

2-ая специализированная выставка коммерческого и технологического учета энергоресурсов «**RESMETERING-2013**»

Специализированная выставка лабораторного оборудования «**LabEquipment-2013**»

Специализированная выставка автоматизированных систем управления технологическими процессами «**AUTOMATICSYSTEM-2013**»

5-й Московский Международный симпозиум «**ТОЧНОСТЬ. КАЧЕСТВО. БЕЗОПАСНОСТЬ**»

Всероссийская выставочно-конкурсная программа «**ЗА ЕДИНСТВО ИЗМЕРЕНИЙ**»

"МЕНЕДЖЕРЫ В СФЕРЕ КУЛЬТУРЫ ФОНДА ИМЕНИ РОБЕРТА БОША В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ" И СОТРУДНИЧЕСТВО С МИНИСТЕРСТВОМ КУЛЬТУРЫ АРХАНГЕЛЬСКОЙ ОБЛАСТИ

THE PROGRAM "ROBERT BOSCH CULTURAL MANAGERS IN THE RUSSIAN FEDERATION" AND ITS COOPERATION WITH THE MINISTRY OF CULTURE OF ARKHANGELSK COUNTY

K. Stiefenhofer

Annotation

Based on the example of Arkhangelsk region the article reviews the region-wide activities of cultural managers in the program "Robert Bosch Cultural Managers in the Russian Federation" by the German Robert Bosch Foundation. The author describes Germany's approach to foreign cultural politics, the Robert Bosch Foundation, and the Cultural Managers program. On one hand, this program allows the scholarship holder to gather practical experience and to increase his professional qualification. On the other hand, the program supports the Russian-German cooperation in the cultural field and encourages the forming of an international image of the Arkhangelsk region in Europe.

Keywords: Cultural policy, Arkhangelsk region, cultural manager, Robert Bosch Foundation, Goethe-Institut, cultural project.

Штифенхофер Корнелиус

*Менеджер в сфере культуры,
стипендиат Фонда им. Роберта Боша*

Аннотация

В статье на материалах Архангельской области рассматривается деятельность менеджера в сфере культуры – стипендиата Фонда им. Роберта Боша (Германия) при региональном органе культуры. Представляя собой практическую реализацию внешней культурной политики ФРГ, по мнению автора, подобная деятельность, с одной стороны, позволяет менеджеру приобрести практический опыт и повысить свою профессиональную квалификацию, с другой – способствует устойчивости германо-российского сотрудничества в сфере культуры, а также благоприятствует формированию международного имиджа Архангельской области в Европе.

Ключевые слова:

Культурная политика, Архангельская область, менеджер в сфере культуры, фонд им. Роберта Боша, Институт им. Гёте, культурный проект.

Культурную политику можно понимать "как форму сознательного политического воздействия государства на область культуры в целях разрешения противоречий в интересах наиболее влиятельных групп относительно концептуальных представлений о месте и роли культуры в жизни общества, приоритетных целях ее развития" (см. подробнее: [1]). Традиционно в качестве главного субъекта культурной политики рассматривалось государство. Не случайно чрезвычайно популярной является концепция канадского исследователя Гарри Х. Шартрана, который, описывая разнообразные модели практической реализации культурной политики, особо выделял следующие четыре: "государство-вдохновитель", "государство-патрон", "государство-архитектор", "государство-инженер" [1].

Несмотря на особенности исходных положений традиционных культурных моделей в странах Европейского Союза (децентрализация и финансирование на уровне земель в Германии; принцип "вытянутой руки" – "the arms-length principle" – в Великобритании и ряде других государств; романская модель во Франции и в Италии; сильная администрация в сфере культуры на централь-

ном уровне в Восточной Европе и др. [3]), сегодня во всех странах ЕС формируются гибридные модели, предусматривающие новые подходы к понятию "культурная политика" и новые принципы финансовой поддержки культурной деятельности. Важнейшим из таких принципов в современных условиях является признание множественности субъектов культурной политики, среди которых особое внимание уделяется субъектам негосударственным.

Во многом этому способствовало то, что в последние два десятилетия существенно расширились интеграционные программы Европейского Союза, в рамках которых осуществлялись в числе прочего также и межнациональные и межкультурные проекты, благодаря которым появились организации, которые стали мощным ресурсом в развитии негосударственных структур в сфере культуры. Эти программы способствуют расширению границ международного сотрудничества, созданию условий, когда политику определяют не национальные государства, а стабильные и свободные негосударственные структуры сферы культуры. Отметим, что в США, напротив, поддержку культурной сферы осуществляют в первую очередь рынок, спонсоры и меценаты.

Правительство Федеративной Республики Германии еще в 1977 г. приняло пять основополагающих принципов осуществления внешней культурной политики:

1. Культурная политика стоит на одном уровне с дипломатией и внешней экономической политикой.

2. ФРГ и ГДР считаются одной общей (немецкой) культурой.

3. Внешняя культурная политика ориентируется на цели внешней политики, но не зависит от неё.

4. Внешняя культурная политика не может быть только односторонней (экспорт культуры), а направлена на налаживание культурных связей и партнёрское сотрудничество.

5. Культурная политика должна способствовать формированию международного имиджа Германии как сбалансированного, реалистичного и самокритичного государства [7; 8].

Кроме того, с 2004 г. культурная политика ФРГ направлена на решение таких задач, как обеспечение мира, решение конфликтов и предупреждение гражданских кризисов, особое внимание в настоящее время уделяется диалогу о ценностях ислама, а также развитию культурных структур в развивающихся и трансформирующихся странах [9]. При этом реализация внешней культурной политики осуществляется не только посредством инициатив Министерства иностранных дел, но, прежде всего, через свободные организации, являющиеся посредниками, в том числе Институт им. Гёте (Goethe-Institut), фонд Александра фон Гумбольдта (Alexander-von-Humboldt-Stiftung), Институт международных отношений при Министерстве иностранных дел ФРГ (Institut für Auslandsbeziehungen – IFA), Германскую службу академических обменов (DAAD) и др.

В число крупных корпоративных фондов Германии входит и благотворительный фонд им. Роберта Боша (Robert Bosch Stiftung GmbH), основанный в 1964 г. В настоящий момент ему принадлежат 92% акционерного капитала компании Robert Bosch GmbH, правда, без права голоса в управлении компанией. Из дивидендов этой компании фонд и получает финансирование.

Учредителем компании Robert Bosch GmbH был механик, изобретатель, инженер и предприниматель Роберт Бош (1861–1942 гг.), в завещании которого сформули-

рованы основные направления работы фонда. Это – здравоохранение, наука, образование, общество и культура, а также развитие взаимопонимания между народами [10]. Так, в своей директиве по управлению имуществом Robert Bosch GmbH от 19 июля 1935 г. Роберт Бош отмечал: "Моя цель состоит в том, чтобы, наряду с помощью нуждающимся поднять здоровье, моральные и духовные силы народа... Содействовать надлежит здравоохранению, воспитанию, образованию, поддержке одаренных, примирению между народами и тому подобному".

В настоящий момент фонд им. Роберта Боша насчитывает 120 сотрудников, курирующих в среднем 800 проектов – как своих собственных, так и инициатив заявителей. 60% проектов имеют международный характер. В 2009 г. на реализацию проектов было выделено около 64 млн евро. За время существования фонд им. Роберта Боша направил на собственные и заявочные проекты в общей сложности 1,1 млрд евро.

В соответствии с вышеназванными областями фонд осуществляет свою деятельность по четырем программным направлениям: здравоохранение и наука, образование, общество и культура, взаимопонимание между народами Западной, Центральной, Юго-Восточной Европы, Америки, Турции, Японии, Индии, Китая, стран СНГ.

С начала 1990-х гг. программный отдел "Взаимопонимание между народами Центральной, Юго-Восточной Европы, СНГ и Китая" фонда им. Роберта Боша оказывает содействие развитию германо-российских связей в рамках как собственных, так и заявочных проектов в сфере культуры, СМИ и гражданского общества. С 1974 г. по сегодняшний день общий объем финансирования фондом программ и проектов, связанных с Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европой, а также Китаем, составил около 100 млн евро. В 2011 г. на эти цели фондом было израсходовано 11,4 млн евро.

Новый проект, инициированный фондом им. Роберта Боша и Немецким культурным центром им. Гёте и стартовавший в сентябре 2009 г., предусматривает направление немецких стипендиатов фонда им. Роберта Боша в качестве менеджеров в сфере культуры в различные учреждения культуры в России на двухлетний срок. При этом они сознательно отправляются в российские регионы, которые, хотя и находятся далеко от Москвы и Санкт-Петербурга, систематически работают над установлени-

 Фонд
Германо-российский
молодёжный обмен

ем международных контактов в области культуры. На декабрь 2012 г. менеджеры фонда им. Роберта Боша работают в Архангельской, Волгоградской, Ульяновской, Астраханской и Челябинской областях. Эти регионы отличаются не только динамичным развитием и большим потенциалом в области культуры, но и представляют собой многогранный срез европейской части России.

Стипендия фонда им. Роберта Боша и Немецкого культурного центра им. Гёте призвана дать возможность стипендиату в рамках деятельности при органе культуры региона приобрести практический опыт и повысить свою профессиональную квалификацию. Стипендиат получает возможность инициировать и реализовать инновационные проекты с тем, чтобы представить культурное разнообразие Германии в Российской Федерации, прежде всего искусство молодых авторов и молодежную творческую среду Германии. Помимо средств, выделяемых фондом им. Роберта Боша и Немецким культурным центром им. Гёте на реализацию проекта, стипендиат вправе привлекать в целях финансирования своих проектов средства третьих сторон. Реализуя задачи развития взаимопонимания между народами, стипендиат устанавливает сетевые связи, способствующие устойчивому сотрудничеству между Россией и Германией, а также регионами обеих стран. Стипендиат совершенствуется в русском языке, изучает культуру и общество. В рамках программы семинаров стипендиату предоставлена возможность углубить свои знания в таких областях, как менеджмент в сфере культуры, культурная политика, стратегическое и организационное развитие. Стипендиат организует мероприятия по повышению квалификации для представителей сферы культуры из принимающего региона (ежегодно реализуя два обучающих модуля, разработанных Немецким культурным центром им. Гёте). Стипендия предоставляется с 1 сентября сроком на два года (до 31 августа соответствующего календарного года).

Миссия менеджеров культуры фонда им. Роберта Боша заключается в проведении семинаров для руководителей учреждений культуры, осуществлении межкультурных проектов в поддержку современного искусства, в сотрудничестве с Немецким культурным центром им. Гёте (штаб-квартира которого находится в Мюнхене и отделения которого действуют в Москве, Санкт-Петербурге, городах Северо-Запада России), и в обмене опытом на международном уровне.

Требованием к стипендиатам программы является законченное высшее образование, опыт работы в организации проектов в сфере культуры, срок пребывания за границей после окончания школы – 12 месяцев, а в России – 3 месяца, хорошее знание русского языка, отличное знание немецкого языка [11].

Традиционно партнёрами в программе "Менеджеры в сфере культуры в Центрально-Восточной Европе" явля-

лись негосударственные организации. В России партнёрами программы являются наиболее значимые субъекты в сфере культуры, в числе которых органы управления культуры.

В качестве менеджера культуры мне посчастливилось работать в Архангельской области. Министерство культуры Архангельской области предоставляет мне рабочее место, решает визовые вопросы, организует командировки по области с целью проведения культурных мероприятий, обеспечивает возможности и поддержку в реализации собственных проектов в сфере культуры, связанных с целью стипендиальной программы, участвует в софинансировании тех культурных проектов, которые я инициирую.

Одной из особенностей культурной среды Архангельской области является богатое историко-культурное наследие региона [2]. Губернатор области И.А. Орлов считает, что культура играет решающую роль в региональном развитии, а потому активно поддерживает культурные инициативы [3]. В марте 2012 г. в структуре Правительства области было образовано министерство культуры (в течение нескольких последних лет вопросы культуры находились в ведении областного министерства образования, науки и культуры), в непосредственном ведении которого находятся 18 учреждений культуры: 5 музеев, 3 библиотеки, 3 концертных организации, 3 театра, 3 образовательных учреждения в области культуры и искусства, а также научно-производственный центр по охране памятников истории и культуры. Всего же в области более 1000 организаций культуры, среди которых 4 учреждения федерального подчинения. 87% учреждений культуры находятся в сельской местности.

Архангельская область одной из первых среди субъектов РФ утвердила государственную программу развития культуры региона "Культура Русского Севера (2013–2015 годы)"; в регионе разработана "дорожная карта" – стратегия деятельности областного министерства культуры на ближайшие годы. Значительно увеличены финансовые ассигнования на развитие культурного сектора региона: в 2013 г. из областного бюджета планируется выделить средств на 20% больше, чем в 2011 г.

За последние годы инфраструктура сферы культуры в области несколько укрепилась. Так, два года назад в Архангельске завершена реконструкция театра драмы им. М.В. Ломоносова, новое здание соответствует лучшим современным образцам. Весной 2012 г. после реставрации открылся замечательный памятник XVII в. Гостиный двор, в котором будет создана постоянная экспозиция Архангельского краеведческого музея, а летом для посетителей был открыт комплекс Новодвинской крепости XVIII в.

Многие организации культуры не только пользуются

любовью местных жителей, но и имеют широкое признание в стране и за рубежом. Так, коллектив Архангельского театра кукол дважды становился победителем национальной премии "Золотая маска". Широко известны коллективы Государственного академического Северного русского народного хора и Архангельского молодежного театра. Губернатор области поддерживает идею создания в Архангельске симфонического оркестра.

Особое внимание новое Правительство области уделяет поддержке муниципальных учреждений культуры. В частности, особой популярностью пользуется реализуемый под патронатом Губернатора области проект "Созвездие Северных фестивалей", который представляет собой эстафету фестивалей: творческие делегации районов области передают символ "Созвездия" от одного муниципального образования к другому, участвуют в обменных гастрольных концертах.

Проект продемонстрировал разнообразие северной культуры, дал возможность любительским коллективам и народным мастерам заявить о себе широкой аудитории: в 2012 г. в нем приняли участие 12 муниципальных образований области, а в 2013 г. будут участвовать уже 16.

В то же время главной проблемой развития сферы культуры Архангельской области, если не принимать во внимание недостаточное финансирование, является крайне тяжелое состояние материально-технической базы культурных учреждений. Так, более 20 лет назад в областном центре был закрыт цирк, к его ремонту за эти годы так и не приступили. Зданию Архангельского театра кукол – двукратного лауреата национальной премии "Золотая маска" – уже более 15 лет требуется реконструкция, но только в 2012 г. Губернатор области заручился поддержкой Президента РФ о том, что эти работы будут профинансированы также и за счет средств федерального бюджета.

В связи с угрозой обрушения здания закрыт музей северного художника и сказочника С. Писахова, который стал лауреатом специального приза Европейского музейного форума в Бременхавене "За работу с посетителями, горячую приверженность, социальную сплоченность и привлечение молодежи Архангельска". По данным государственного статистического наблюдения, 58% учреждений культурно-досугового типа в настоящее время находятся в неудовлетворительном состоянии: в лучшем случае не соответствуют требованиям, в худшем – представляют угрозу безопасности их посетителям. И уж совсем далеко "от решения задачи создания комфортной среды проживания" в малых городах и небольших населенных пунктах, которые отличает практически полное отсутствие инфраструктуры культуры. Именно поэтому "сейчас там наибольший дефицит культурного досуга" [5, с. 59, 71].

На мой взгляд, в области пока недостаточно распространены проектный метод реализации культурных инициатив. Конечно, есть интересные проекты, такие, например, как "Самая северная мельница в мире" в Мезенском районе, или "КенАрт – европейский культурный мост" в национальном парке "Кенозерский". Со стороны министерства наблюдаются обнадёживающие подходы к модернизации не только инфраструктуры культурного пространства региона, но, прежде всего, профессиональных компетенций сотрудников и специалистов в данной сфере. Один из примеров – фестиваль-проект "Вместе лучше", который направлен на поддержку престижа посёлков и деревень области, а также дает реальную возможность выиграть гранты.

Учреждения культуры Архангельской области накопили богатый опыт международного сотрудничества. Прежде всего, позитивный пример является сотрудничество в Баренцевом Евро-Арктическом регионе (см., напр.: [6]), создание которого провозглашено 11 января 1993 г. на встрече министров иностранных дел России, Дании, Норвегии, Финляндии, Исландии, Швеции в г. Киркенесе (Норвегия). Между прочим, на этой встрече присутствовали и наблюдатели из Германии.

Большой импульс сотрудничеству в сфере культуры придала встреча министров культуры, которая состоялась там же, в Киркенесе, 31 августа – 1 сентября 1993 г. Совместной декларацией министры культуры подчеркнули свои намерения поощрять развитие культурного обмена, способствующего расширению знаний о культуре и обществе, заботиться о памятниках старины, предотвращать разрушение общих невозместимых ценностей.

Главными задачами культурного сотрудничества были определены:

- ◆ формирование единого идентитета, усиление чувства принадлежности к своим нациям и к БЕАР в целом;
- ◆ представление Баренцева региона как мощного культурного центра в Европе;

- ◆ объединение усилий в культурном сотрудничестве "поверх границ" различных культурных групп и обеспечение уникального совместного сосуществования;
- ◆ развитие статуса Баренцева региона как территории, привлекательной для проживания;
- ◆ развитие сети контактов, содействующих повышению знаний и компетенции в сфере культуры и искусства;
- ◆ объединение ресурсов для развития многообразной культуры региона.

Кроме того, в Архангельской области ежегодно осуществляются и другие международные проекты. Так, в фестивале уличных театров, который уже более 20 лет проводит Архангельский молодежный театр, ежегодно принимают участие творческие коллективы и исполнители из разных стран мира. В последние годы достаточно активно осуществляется сотрудничество молодежного театра с Польшей.

В современных условиях расширяется сфера культурных контактов Архангельской области с Германией. Следует назвать читальный зал Института Гёте в Архангельской областной научной библиотеке им. Н.А. Добролюбова, ДААД – лекторат в Северном (Арктическом) федеральном университете при поддержке Германской службы академических обменов, побратимские связи Архангельска и Эмдена и др.

В малом концертном зале Поморской филармонии установлен орган известнейшей немецкой фирмы "Шуке".

Совместно с фондом имени Конрада Аденауэра в Санкт-Петербурге в 2009 г. в Архангельске проведена российско-немецкая конференция "Международное сотрудничество по сохранению наследия – залог устойчивого развития исторических городов". Очень интересным был обмен опытом в области привлечения общественных организаций, бизнеса и молодежи к сохранению историко-культурного наследия; взаимодействия общественных организаций с государственными органами по охране культурного наследия, позволивший на примере России и Германии уточнить роль государства и общества в сохранении культурного наследия.

Эти и другие контакты, однако, носят спорадический характер, и их явно недостаточно. А потому программу "Менеджеры культуры им. Роберта Боша в Российской Федерации. Совместная программа Фонда им. Роберта Боша и Института им. Гёте", которая в Архангельске и в Архангельской области осуществляется с 2009 г., можно считать самым крупным проектом германо-российского сотрудничества в сфере культуры в Архангельской области.

Большой плюс программы сотрудничества в том, что менеджер в сфере культуры фонда им. Роберта Боша по-

стоянно работает в Архангельске и поддерживает тесную связь с региональными учреждениями.

Как было отмечено выше, менеджер культуры фонда им. Роберта Боша занят в проектах, которые проводятся не только в областном центре, но также и в муниципальных образованиях региона. И здесь его связь с министерством культуры Архангельской области еще более тесная – так, они вместе выбирают партнёров для проектов из числа организаций, которые предлагают сотрудничество.

В ноябре 2012 г. прошел международный фестиваль короткометражных фильмов "Прогород" для молодёжи, проведены русско-немецкие мастер-классы по журналистике и озвучиванию документальных фильмов, конкурс и показ конкурсных работ, круглый стол и дискуссии с аудиторией.

К сожалению, работа непосредственно в муниципальных образованиях проходит не так плодотворно, как в Архангельске, из-за больших расстояний и малой посещаемости зрителей, поэтому чаще всего мы с министерством стараемся участвовать в крупных региональных проектах.

Стоит отметить, что министерство культуры Архангельской области рассматривает образовательные проекты как одно из ключевых направлений развития культуры региона. Реализация образовательных проектов осуществляется в Архангельской области при существенной финансовой поддержке международных организаций и фондов, начиная с середины 1990-х гг. Учреждениями культуры Архангельской области накоплен существенный опыт проектной работы. Не случайно в конкурсах "Культура Севера" на благотворительное финансирование культурных проектов, которые Институт "Открытое общество" специально проводил для территорий Северо-Запада России, архангельские участники выигрывали по 57% грантов и в 1999 г., и в 2000 г.

С другой стороны, нельзя не отметить, что менеджмент отдельных учреждений культуры нуждается в обновлении, соответствующем запросам времени. В настоящее время заметно снижение проектного потенциала, недостаточно применяются такие инструменты в системе государственного регулирования сферы культуры, как разработка концепций проектов, финансирование или связи с общественностью.

В этих целях были организованы семинары для повышения квалификации сотрудников культурных учреждений, которые проводили немецкие тренеры на русском языке, что должно было послужить развитию сетевых контактов между сотрудниками в сфере культуры на муниципальном, региональном и национальном уровне, а также международных взаимодействий.

В планах менеджера в сфере культуры фонда им. Роберта Боша на 2013 год – Год Германии в России – проведение совместно с Архангельскими партнёрами международного музейного форума "Музеи в будущем" и работа по расширению сетевых контактов с Ассоциацией Менеджеров Культуры в Российской Федерации (АМК).

В апреле 2013 г. стартует проект "Арт-резиденция" с участием немецкого фотохудожника. В рамках осуществления "Арт-резиденции" планируются различные мероприятия: первый международный фото-фестиваль в городе Архангельске при участии фотографов Архангельской области, Германии и других стран. Таким образом, мы хотим проводить конкурсы, выставки и т.п., в первую очередь, предполагающие включение свободных учреждений сферы культуры и свободных художников.

Итак, реализуемые менеджером в сфере культуры Фонда им. Р. Боша проекты:

- ◆ являются площадкой для межкультурного диалога;

- ◆ имеют конкретный законченный результат;
- ◆ способствуют знакомству культурной аудитории Архангельской области с современной культурой Германии и управленческими практиками наиболее успешных менеджеров культуры Германии;
- ◆ способствуют установлению сетевых контактов.

В чем заключается главное значение работы менеджера культуры фонда им. Роберта Боша? Прежде всего, в том, что он сам несет новые знания (его оценки позволяют менеджерам культуры региона по-новому взглянуть на свою деятельность и осуществить необходимые изменения); способствует распространению знаний об Архангельской области в Германии (его новый взгляд способствует формированию международного имиджа региона в Европе).

Именно поэтому главной целью деятельности менеджера культуры фонда им. Роберта Боша в Архангельской области, на мой взгляд, должно быть содействие продвижению Архангельска как самого северо-восточного города Европы, а также укреплению негосударственных структур в сфере культуры региона.

ЛИТЕРАТУРА

1. Востряков Л.Е. Государственная культурная политика: когнитивные модели и страновые различия // Научные труды Северо-Западной академии государственной службы. 2011. Т. 2. Вып. 2. С. 166–178.
2. Востряков Л.Е., Лаптева Г.Я. Культура Русского Севера: традиции сохранения и проблемы использования // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия "Гуманитарные науки". 2012. № 7–8. С. 8–12.
3. Востряков Л.Е. Модели культурной политики (кросскультурный анализ) // Общество и экономика. 2004. № 1. С. 139–178.
4. Орлов И.А. Компоненты инновационного развития региона // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия "Гуманитарные науки". 2012. № 7–8. С. 3–7.
5. Путин В.В. Строительство справедливости. Социальная политика для России // Государственная служба. Вестник Координационного Совета по кадровым вопросам, государственным наградам и государственной службе при полномочном представителе Президента Российской Федерации в Северо-Западном федеральном округе. 2012. № 1. С. 58–77.
6. Ситкин М.Н. Баренцево сотрудничество: новые перспективы // Управленческое консультирование. 2005. №4. С. 192–199.
7. Bericht der Enquete-Kommission Auswärtige Kulturpolitik gema? Beschluss des Deutschen Bundestages vom 23. Februar 1973: Drucksache 7/215 (neu). Bonn: Heger, 1975.
8. Kultur und Außenpolitik: Handbuch für Studium und Praxis / K.-J. Maa? (Hrsg.). Baden-Baden: Nomos Verlagsgesellschaft, 2009.
9. О программе "Kultur und Entwicklung", см.: Kultur und Entwicklung: Qualifizieren, Beraten und Vernetzen [Электронный ресурс] // Goethe Institut: официальный сайт. URL: <http://www.goethe.de/ges/prj/ken/pup/deindex.htm> (дата обращения: 19.11.2012)
10. Фонд Роберта Боша [Электронный ресурс] // SciLance.com: сайт научного фриланса и заказных инноваций. Гранты. URL: <http://scilance.com/funding/entry/78/> (дата обращения: 19.11.2012)
11. Robert Bosch Stiftung / Goethe-Institut: Kulturmanager in der Russischen Föderation [Электронный ресурс] // DAAD – German Academic Exchange Service: сайт. URL: <http://www.daad.de/ausland/studieren/stipendium/de/70-stipendien-finden-und-bewerben/?detailid=875&fachrichtung=0&land=38&status=0&seite=1&overview=1&daad=-1> (дата обращения: 19.11.2012)

ЛЕЙПЦИГСКАЯ ЯРМАРКА И ЕВРОПЕЙСКАЯ ВЫСТАВКА "DENKMAL": ОПЫТ УЧАСТИЯ АРХАНГЕЛЬСКОЙ ОБЛАСТИ

THE EUROPEAN TRADE FAIR FOR
CONSERVATION, RESTORATION AND OLD
BUILDING RENOVATION "DENKMAL"
IN LEIPZIG: EXPERIENCE OF THE
ARKHANGELSK REGION'S PARTICIPATION

L. Komarovskaya

Annotation

The article gives characteristics of the participation of the Arkhangelsk region in the European Trade Fair for Conservation, Restoration and Old Building Renovation "DENKMAL" in Leipzig (Germany). The author presents the regional experience of the presentation of the richest historical and cultural potential of the Arkhangelsk region as a factor of the region's development and competitive advantage on such significant events and the results of that participation.

Keywords: Trade Fair, restoration, preservation of heritage, monuments of wooden architecture, "heavens".

Комаровская Людмила Геннадиевна
Нач. отдела социокультурного
проектирования министерства культуры
Архангельской области

Аннотация

В статье дана характеристика участия Архангельской области в европейской выставке в области сохранения наследия, реставрации и реконструкции зданий "DENKMAL" в городе Лейпциг (Германия). Представлен региональный опыт презентации богатейшего историко-культурного потенциала Архангельской области как фактора развития и конкурентного преимущества региона на мероприятиях подобного уровня и результаты участия в выставке.

Ключевые слова:

Выставка, реставрация, сохранение наследия, памятники деревянного зодчества, "небеса".

"DENKMAL" – ведущая европейская выставка в области сохранения наследия, реставрации и реконструкции зданий, которая проходит с 1994 г. раз в два года в городе Лейпциг (Германия). Организатор выставки – Leipzig Messe GmbH.

На выставке 2012 г., состоявшейся 22–24 ноября под патронатом ЮНЕСКО, были представлены около 450 экспонентов из 15 стран, ее посетили более 13 000 человек из 30 государств, 90% из которых – специалисты, занятые в сфере сохранения наследия. Российская Федерация традиционно является одним из самых крупных и значимых иностранных экспонентов, а в 2012 г. впервые выступила страной – партнером выставки "DENKMAL".

На коллективной экспозиции площадью 1000 кв. м были представлены российские достижения в области сохранения культурного наследия (консервация и реставрация предметов искусства, инструменты, оборудование для консервации и реставрации, современные технологии). Были организованы презентационные площадки, биржа контактов; состоялись мастер-классы, семинары и круглые столы с участием российских специалистов в области реставрации. В ходе выставочных мероприятий состоялся День России, главной темой которого стало сохранение деревянной архитектуры.

В рамках "DENKMAL" были представлены образцы

памятников истории и культуры из Архангельской, Нижегородской, Ярославской, Псковской, Ленинградской, Владимирской, Рязанской, Воронежской, Иркутской областей, Республики Карелия, городов Москвы и Санкт-Петербурга.

Замечательным итогом выставки стало награждение Министерства культуры Российской Федерации золотой медалью за убедительную презентацию традиционных техник в реставрации памятников деревянного зодчества.

Золотая медаль "DENKMAL", которой отмечают самые лучшие проекты в области реставрации, – общий успех и коллективная награда всех российских участников выставки, представленных на едином стенде Министерства культуры Российской Федерации, в том числе и Архангельской области.

Основная тема выставки в 2012 г. касалась вопросов сохранения деревянной архитектуры. Россия поделилась с европейскими коллегами богатейшим опытом в области реставрационных технологий сохранения памятников, не имеющих аналогов на Западе. С этой целью на едином стенде Министерства культуры Российской Федерации были выставлены образцы уникальных реставрационных работ.

Центральной темой экспозиции Российской Федерации стали уникальные памятники культовой монументальной живописи, представленные национальным парком "Кенозерский", – расписные "небеса" из часовни Николая Чудотворца деревни Усть-Поча Архангельской области. Это единственное подписное "небо", автором которого является иконописец Фёдор Захаров Иок.

В формате интерактивных демо-стендов и обзорных виртуальных экскурсий можно было ознакомиться с образцами памятников из региональных музеев, а также с примерами работ реставрационных центров Архангельской, Нижегородской, Ярославской, Ленинградской, Владимирской, Воронежской, Иркутской областей, Республики Карелия, городов Москвы и Санкт-Петербурга.

Участие Архангельской области в международной выставке "DENKMAL" стало этапом осуществляемой Правительством Архангельской области и Губернатором области И.А. Орловым презентационной и коммуникационной политики, направленной на формирование положительного имиджа и конкурентного преимущества региона, активизацию въездного туризма, знакомство с культурным наследием Архангельской области [1; 2].

На территории региона сконцентрированы выдающиеся архитектурные памятники – образцы деревянного зодчества, монастырские ансамбли. Являясь центром русского Поморского Севера, Архангельская область сохранила архитектурный облик старинных русских, в первую очередь, поморских сел [3].

В регионе присутствует понимание значимости выставок (ярмарок) как культурного и делового форума. Примером тому может служить сохранение традиции проведения в городе Архангельске Маргаритинской ярмарки – главной визитной карточки торговой и культурной жизни Поморья. В XVI–XVII вв. Маргаритинская ярмарка была крупнейшей международной ярмаркой в России.

В этой связи участие Архангельской области в международной выставке "DENKMAL" рассматривалось как возможность развития партнерства, сотрудничества в рамках профессионального сообщества, знакомства с достижениями в области сохранения наследия и транслирования опыта.

Выставка позволила получить наиболее полную информацию о ситуации на реставрационном "рынке" и в области охраны памятников архитектуры, определить уровень реальных участников процесса и потенциальных партнеров.

"DENKMAL" предоставила возможность ближе познакомиться со специализированными предприятиями как российскими, так и зарубежными, изучить возможные способы обеспечения сохранения памятников, вари-

анты новых технологий и разработок.

Выставка – затратная часть любой организации, которая принимает в ней участие в роли экспонента или организатора. Вместе с тем, она дает широкие возможности демонстрации и установления прямых контактов.

Крупные комплексные проекты, подобные "DENKMAL", требуют единых концептуальных установок, позволяющих каждому из участников, сохраняя индивидуальность, быть ориентированным на достижение общей цели.

Участники выставки "DENKMAL" с российской стороны были ориентированы на потребителей выставочных услуг – рядовых граждан, представителей музейной, реставрационной, туристской и иных сфер, которым были предложены презентационные и информационные материалы, технологии, отражающие практический, научный, организационный и другой опыт.

Презентация региона была представлена докладом Министра культуры Архангельской области Л.Е. Вострякова на тему: "Деревянное зодчество Русского Севера в контексте истории и культуры региона" и выступлением заведующей отделом древнерусского искусства государственного бюджетного учреждения культуры Архангельской области "Государственное музейное объединение "Художественная культура Русского Севера"" Т.М. Кольцовой на тему: "Монументальная живопись в деревянных храмах Русского Севера".

В работе круглого стола "Проблемы сохранения культурного наследия. Опыт России по сохранению памятников деревянного зодчества" с докладом на тему "Сохранение памятников деревянного зодчества в традиционном культурном ландшафте. Опыт Кенозерского национального парка" выступила заместитель директора по научной работе федерального государственного бюджетного учреждения "Национальный парк "Кенозерский"" М.Н. Мелютина.

Эмоциональный звуковой ряд, акцентирующий внимание на экспозиции, усиливающий зрительное восприятие, был представлен колокольными звонами в исполнении звонаря из Архангельска В.М. Петровского на передвижной звоннице.

В течение всех дней выставки Архангельским государственным музеем деревянного зодчества и народного искусства "Малые Корельи" были организованы мастер-классы по традиционным женским ремеслам.

Помимо этого посетителям Лейпцигской ярмарки в формате интерактивных демо-стендов и обзорных виртуальных экскурсий были представлены образцы памятников деревянного зодчества и примеры реставрационных работ.

Формы участия Архангельской делегации в работе на общем стенде Министерства культуры Российской Федерации были продиктованы коллективными правилами. Выставка рассматривалась как презентационное мероприятие, основная задача которой – демонстрация достижений в области сохранения памятников деревянного зодчества.

Для обеспечения высокой эффективности участия в выставке "DENKMAL" была проведена серьезная подготовительная работа, которая может быть разбита на ряд этапов:

- ◆ формулировка целей участия в выставке (концепции) и конечных результатов;
- ◆ определение конкретных путей и методов достижения целей участия;
- ◆ составление программы подготовки к выставке;
- ◆ разработка тематико-экспозиционного плана и поиск ярких выразительных средств презентации (в нашем случае – это звонница и "живые" колокольные звонны);
- ◆ транспортировка экспонатов и выставочных материалов к месту проведения выставки;
- ◆ решение организационных, визовых, таможенных вопросов;
- ◆ информационное сопровождение, подготовка информационной и рекламной продукции;
- ◆ оформление (монтаж-демонтаж) экспозиции.

Вопрос выбора типа стенда относится к числу важнейших вопросов, от которых в значительной степени зависит успех участия на выставке. Выставочный стенд обычно называют визитной карточкой экспонента. Стенд Министерства культуры РФ, на котором была представлена Архангельская область, по принципу организации можно именовать "остров". Для реализации поставленных задач – это идеальное решение, так как он давал возможность полностью использовать окружающую территорию, был многофункционален (сценический подиум, место для пресс-конференции, концертного выступления музыканта-звонаря, проведение мастер-классов и пр.).

Важной составляющей выставки стали образова-

тельные мероприятия, День России, в рамках которого прошли презентации регионов, симпозиумы, конференции, круглые столы, деловые встречи, презентационная программа.

Следует отметить, что успешное проведение выставочных мероприятий во многом обусловлено деятельностью пресс-центра: своевременной подготовкой пресс-релизов, программы мероприятий, каталога.

Выставка стала для региона площадкой не только для демонстрации его историко-культурного потенциала, но и для размышления на тему дальнейшего сохранения и эффективного использования культурного наследия.

В частности, Архангельской областью на выставке "DENKMAL" заявлена инициатива воссоздания утраченной сегодня школы реставраторов деревянного зодчества. Регион готов предоставить площадку для возрождения мастеровых ремесел, обмена опытом в сфере практической реставрации, апробирования способов сохранения памятников.

Кроме того, Архангельской областью предложено "знакомство" с памятниками Русского Севера объединить в единое туристическое кольцо, создав туристический продукт "Русский Север". Опыт такого взаимодействия в рамках Северо-Западного федерального округа России может стать хорошей отправной точкой к более тесному сотрудничеству регионов.

Масштабные действия возможны только при наличии единомышленников. Участие в зарубежных выставках является неременной составной частью инструментария продвижения региона.

Выставка "DENKMAL" – звено в создании системы сотрудничества для выработки действенных мер по сохранению и использованию памятников деревянного зодчества, обмену опытом.

Коллективные действия в этом направлении позволят передать памятники следующим поколениям во всем богатстве их подлинности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Орлов И.А. Арктика в политике и экономике Архангельской области // Арктика и Север. 2012. №6. С. 21–25.
2. Орлов И.А. Компоненты инновационного развития региона // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия "Гуманитарные науки". 2012. №. 7–8. С. 3–7.
3. Востряков Л.Е., Лаптева Г.Я. Культура Русского Севера: традиции сохранения и проблемы использования // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия "Гуманитарные науки". 2012. №. 7–8. С. 8–12.

КУЛЬТУРНАЯ ПОЛИТИКА: ОБЩЕСТВЕННО-ГОСУДАРСТВЕННОЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ, ТЕХНОЛОГИЧНОСТЬ, МНОГООБРАЗИЕ

CULTURAL POLICY: INTERACTION OF STATE AND SOCIETY, MANUFACTURABILITY, DIVERSITY

S. Gavrov

Annotation

The article considers the role of culture in the development of the contemporary Russia. The author gives the justification of the necessity of conceptual comprehension of the evolution of the Russian state cultural policy. The author emphasizes that only the understanding of the peculiarities of the region can make the cultural policy more effective, highly technological and less expensive.

Keywords: Cultural policy, culture, society's cultural level.

Гавров Сергей Назипович

*Доктор философских наук,
Ведущий научный сотрудник,
Российский институт культурологии,
г. Москва*

Аннотация

В статье рассматривается роль культуры в развитии современной России. Обосновывается необходимость концептуального осмысления эволюции государственной культурной политики России. Автор подчеркивает, что только понимание особенностей региона может сделать проводимую культурную политику более эффективной, высокотехнологичной и менее затратной.

Ключевые слова:

Культурная политика, культура, культурный уровень общества.

В последнее десятилетие возросло количество научных публикаций, в том числе диссертаций, посвященных проблемам культурной политики. Показательным является тот факт, что авторы ряда исследований обращаются не только к государству как важнейшему субъекту культурной политики, но и к иным акторам, действующим на этом поле. Ученые, занимающиеся данной проблематикой, особый интерес проявляют к зарубежному опыту взаимоотношений в сфере культуры.

Публикации самых последних лет свидетельствуют о желании утвердить научный подход к изучению политики в сфере культуры в целом и региональной культурной политики в частности; все заметнее стремление преодолеть господствовавшие некогда идеологические стереотипы. К такого рода исследованиям относится и монография Л.Е. Вострякова "Государственная культурная политика: понятия и модели", вышедшая недавно в издательстве СЗИУ РАНХиГС [1]. Следует отметить, что масштабная включенность текстов Л.Е. Вострякова в научный оборот во многом определяется практическим использованием автором концептуальных схем и социокультурных разработок, посвященных культурной политике. В этом проявление синергии научного и практического признания, подкрепленного концептуально значимыми статьями в российских и зарубежных научных изданиях, опубликованных автором в последние годы [2; 3; 4].

Актуальность концептуального осмысления эволюции государственной культурной политики в России не вызывает, да и вряд ли может вызвать какие-либо сомнения в научном и управленческом сообществе. Успех или неуспех социально-политических преобразований постсо-

ветских лет решается на местах, в регионах, обладающих локальной географической, экономической, политической, этнорелигиозной спецификой. Значимость изучения политических процессов на местах, в регионах России, нельзя переоценить.

Согласно исследованию Л.Е. Вострякова, с методологической точки зрения следует различать:

а) идеологическо-концептуальный уровень культурной политики, на котором формулируются основные положения, раскрывающие ценности и идеалы общества и государства, или приверженность определенному набору целей культурного развития. По сути дела, это уровень политической философии государства или отдельных его субъектов в отношении культурной политики, выражающей основные ценностно-смысловые ориентиры ее развития, те идеалы и принципы, во имя которых, в конечном счете, и совершаются изменения;

б) политический уровень, на котором социально-философские принципы и идеалы трансформируются в конкретные установки и требования политической элиты в отношении культуры, формируя, таким образом, нормативную основу для принятия управленческих решений и стимулирования культурного поведения граждан в определенном культурном пространстве;

в) практический (поведенческий) уровень, который характеризует степень освоения людьми целей и принципов данной идеологии, меру воплощения идеологических установок в практических делах и конкретных поступках [1, с. 7].

Размышляя о культурной политике, нельзя не согласиться с Л.Е. Востряковым в том, что какой она должна

быть, в чьих интересах проводиться, – вопрос сугубо политический. Культурные отличия очень важны в эгалитарных обществах, они служат своеобразным проявлением социальной иерархии. По П. Бурдьё, эти неуловимые отличия определяются как габитус, заметные отличия между нами, по которым мы относим человека "к своим или чужим", в том числе позволяя отличать тех, кто вершину социальной пирамиды, от тех, кто составляет массу в ее основании.

В классовом обществе культурная политика неизбежно, или почти неизбежно, служит сохранению социального деления общества. Так, в США, например, существует статистически значимая закономерность, согласно которой, чем люди богаче, тем больше они обращаются к искусству, классической музыке.

Это не значит, что зарабатывая больше денег, американцы просветляются духовно. Это означает лишь, что они начинают играть роль экономической элиты, которая по определению находится во взаимодействии с элитой культурной.

Высокая культура это вообще нечто "лишнее", избыточное для повседневной жизни масс, востребованными оказываются в основном рекреационные функции культуры. В большинстве своем люди готовы оплачивать эту культуру напрямую или опосредованно, потребляя рекламу, испытывая потребность в основном в том, что утилитарно, в том, что помогает улучшить качество жизни в их понимании. Иными словами, преимущественно люди готовы улучшить качество жизни, обеспечивая удовлетворение потребностей, относящихся к нижним уровням пирамиды Маслоу, всячески сопротивляясь проявлять интересы, соответствующие ее верхним уровням. Отсюда, например, и такая популярность кулинарных шоу, многочисленных "похождений звезды" в частной жизни, в том числе на кухне.

Говоря в терминах Маслоу, эта культура утилитарна, она обслуживает почти исключительно нижние, базовые, физиологические потребности человека. При этом проявляется минимальный уровень культурной репрессии, да и зачем репрессировать, мобилизовывать переход энергии из сферы инстинктов в область социальных достижений для массы людей. Так массой легче управлять, так она более удовлетворена занимаемым общественным положением, так проявляется политическая сущность культурной политики, так воспроизводится деление общества на массы и на элиту, на тех, кто управляет и кто подчиняется.

Для воспроизводства элиты, в том числе культурной, эта сублимация–перераспределение энергии из сферы инстинктов в сферу социальных достижений просто необходима. Потому и "высокая" культура по определению элитарна. Элитарна совсем не потому, что записи произведений Баха или Чайковского недоступны, но потому, что потребность обращаться к ним является прерогативой элиты, ее "знаками отличия", ее габитусом.

Естественно, что говорим мы здесь больше о западе, а не о России, не успевшей пока переструктурировать общество, в том числе в сфере производства и потребле-

ния культурного продукта. На западе общество более структурировано, разделение на элиту и массу имеет выработанную культурную основу, различие в семейных традициях, образовании, того, что составляет социальный капитал личности.

В России мы до сих пор имеем дело с социальным капиталом, наработанным в годы советской власти, с последствиями уникального социального эксперимента по транслированию высокой культуры в массы, определения ее в качестве нормативной для всех, эксперимента по нормативной замене высокой культурой культуры массовой.

Эта целенаправленная политика повышала культурный уровень общества, в то же время порождая удивительные для стороннего наблюдателя прекося в оценке того или иного культурного продукта на советском "черном" рынке. То, что в мире не стоит ничего или почти ничего, стоило дорого, то, что везде стоило дорого, было знаковым выражением элитарности, не стоило почти ничего.

Советский эксперимент показал, что при помощи целенаправленной государственной культурной политики массы можно менять лишь отчасти, они все равно испытывают потребность в "массовом", в том, что обслуживает "нижние", базовые уровни человеческих потребностей. Почти в одно и то же время в СССР "на ура" прошла первая свободная подписка на трехтомник Пушкина, собравшая невообразимую сегодня цифру в 10 миллионов, и стали распродаваться тиражи газеты СПИД-инфо, глянцевого журналов, детективов.

Опыт СССР показал, что только управляемая целенаправленная культурная политика может подготавливать массы к восприятию образцов высокой культуры, способствовать формированию потребности в них. Развитие культуры в более естественной форме всегда будет следовать социальной структуре общества, работать на ее консервацию/воспроизведение.

От этих теоретических и исторических размышлений обратимся к культурной политике в постсоветской России. Заметим, что она не имеет единства на уровне идей, а также слабо структурирована. Эклектика и отсутствие организующей идеи и есть ее идея и стиль. И такое положение вполне закономерно для постреволюционного двадцатилетия, ситуации, когда советский социально-культурный эксперимент по определению высокой культуры как нормативной для всех закончился. Новый человек стал ненужным. Востребованным стало традиционное воспроизведение общества в его социальной стратификации, воспроизводство управляющих и управляемых. Последние должны занимать подчиненное положение не только исходя из своих совокупных материальных активов, но и из базового для такого разделения культурного и образовательного ценза, который неизбежно должен отличаться от культурного и образовательного ценза управляющей элиты.

Здесь возникает логическое противоречие между свободой личностного выбора и несвободой социального положения, определяемое в том числе и отличиями соци-

ально-экономического развития регионов. Этой объективной ситуации соответствует и гипотеза Л.Е. Вострякова, согласно которой в целом для России с ее высоким уровнем региональной дифференциации ни одна из действующих в современных условиях моделей государственной культурной политики – ни патерналистская, ни рыночная, – не может быть использована как базовая. Их следует позиционировать как имеющие право на существование в различных пропорциях в разных по социально-экономическому положению регионах. Не существует неизменной эффективной универсальной модели на все времена, поэтому государственная культурная политика должна с течением времени пересматриваться, как и концептуальные идеи, которые лежат в ее основе [1, с. 161–162].

Мы знаем, что Российское государство отличается от других стран не только размерами территории, но и различным уровнем развития своих регионов, их экономической и культурно-цивилизационной разнородностью. Некоторые из них, прежде всего Москва и Санкт-Петербург, перешли к постиндустриальной модели развития, другие продолжают развиваться преимущественно в рамках индустриальной модели, третьи не могут выйти за рамки преимущественно аграрной модели развития. Естественно, что культурная политика в столь различных регионах должна быть адресной, а отнюдь не унитарно-универсалистской. Только понимание особенностей региона может сделать осуществляемую культурную политику более эффективной, высокотехнологичной и менее затратной.

По этой причине согласимся с необходимостью разработки теоретических оснований формирования субъектно-ориентированной региональной культурной политики современной России и последующей эмпирической проверки уровня готовности действующих на региональном уровне акторов к реализации ее общественных целей. Естественно, что решение столь масштабной цели требует решения локальных, но от того не менее увлекательных исследовательских задач. Прежде всего, на наш взгляд, представляется целесообразным:

- ◆ обобщить и систематизировать сложившиеся в мировой и российской науке подходы к изучению государственной культурной политики и оценить их возмож-

ности для определения оптимальной модели культурной политики для современной России;

- ◆ обосновать понятийный аппарат и основные положения субъектно-деятельностного подхода применительно к региональной культурной политике России;

- ◆ раскрыть динамику изменений акторов культурной политики регионального уровня в рыночных условиях;

- ◆ выявить межстрановые различия в системах представлений администраторов и менеджеров культуры о внешних и внутренних ресурсах управленческой деятельности; оценить состояние и выявить динамику системы представлений руководителей государственных органов культуры регионального уровня в период рыночных реформ;

- ◆ определить и обосновать основные проблемные зоны, существующие в сфере культурной политики различных стран Европы и России посредством использования серии интервью с управленцами Европы и России разных иерархических уровней управления сферы культуры;

- ◆ представить социокультурные различия воззрений отечественных и зарубежных управленцев сферы культуры с учетом их представлений о культурной политике в целом, особенностях профессионализации, оценке (и самооценке) качеств, посредством которых осуществляется управление в сфере культуры;

- ◆ провести сравнительный анализ представлений об успешном управленце культуры российских (на примере Северо-Запада России) и европейских администраторов и менеджеров культуры.

Мы разделяем также и ту позицию, что сравнительные межстрановые исследования могут стать необходимым фундаментом для разработки перспективных моделей государственной культурной политики, помогут осознать, каким путем следует идти России уже в ближайшем будущем, исходя из понимания того, что общего и специфического есть в культурной политике России и стран Европы. Особую значимость в этой связи приобретает сравнительный анализ концептуальных основ государственной культурной политики и мер по ее практической реализации, как это видят сами субъекты культурной политики.

ЛИТЕРАТУРА

1. Востряков Л.Е. Государственная культурная политика: понятия и модели: монография. СПб.: Издательство СЗИ РАХНиГС, 2011.
2. Востряков Л.Е. Европейские и российские администраторы культуры: образ идеального управленца // Россия и современный мир. 2004. № 4. С. 39–55.
3. Востряков Л.Е. наброски к социально-политическому портрету региональных управленцев культурой // Политическая экспертиза: Политэкз. 2006. Т. 2. № 4. С. 166–177.
4. Востряков Л.Е. Государственная культурная политика: от патерналистской к партнерской модели? // Управленческое консультирование. 2011. № 4. С. 140–155.

ОТ КУЛЬТУРОВЕДЕНИЯ К ОТЕЧЕСТВЕННОЙ КУЛЬТУРОЛОГИИ

FROM THE CULTURAL STUDIES TO THE RUSSIAN CULTUROLOGY

V. Saveliyev

Annotation

The most important aspects of predestination and content of the national culturology are considered in the article. The author discussed the basic issues facing the fundamental cultural studies, such as: nature and culture, culture and society, a person and culture, culture and cultural diversity, etc. According to the author, the main subject of the analysis of culturology is multi-faceted and varied cultural process.

Keywords: Culture, cultural policy, culturology.

Савельев Виктор Васильевич

Доктор философских наук, профессор,
Российская академия народного хозяйства
и государственной службы
при Президенте РФ, г. Москва

Аннотация

В статье рассматриваются вопросы предназначения и содержания отечественной культурологии. Предлагаются основные вопросы, стоящие перед фундаментальной культурологией: природа и культура, общество и культура, человек и культура, культурное многообразие и разнообразие. Определяется основной объект анализа культурологии – многогранный культурный процесс. Дается оценка прикладной культурологии, призванной способствовать вызреванию этнической, региональной и муниципальной культуры.

Ключевые слова:

Культура, культурная политика, культурология.

После длительного перерыва в 2012 г. опубликован очередной – третий том из серии "Энциклопедия культурологии", который озаглавлен "Социокультурная антропология: История, теория и методология". Он отличается от двух предшествующих томов (см.: [2; 8]) не только своей объемностью, но и тем, что создает, с моей точки зрения, нежелательную ситуацию, так как "направляет" развитие отечественной культурологии по "антропологическим рельсам". О преднамеренности подобного движения можно судить по предисловию к тысячестраничному фолианту. "Российский институт культурологии, – пишет председатель и главный редактор культурологической серии К.Э. Разлогов, – едва ли не единственный в нашей стране, изучающий культуру не в узковедомственном, а в широком антропологическом смысле" [7, с. 3].

Широта этого смысла присутствует в статье О.Н. Астафьевой и К.Э. Разлогова "Культурология: предмет и структура", включенной в подраздел "Антропология и другие науки о человеке и культуре". Авторы статьи отмечают, что культурология – это интегративная наука о культуре, которая состоит из трёх направлений (гуманитарное, социально-научное и прикладное), подразделяется на два базовых уровня (в одном случае это теоретический и предметный, в другом – фундаментальный и практический). Благодаря присущей ей междисциплинарности, культурология выходит на уровень трансдисциплинарных стратегий. Перспективы же развития культурологического знания связаны с пятью основными интегративными стратегиями культурологических исследова-

ний... [7, с. 606–615].

Подобная глобальность и широта культурологической мысли в некоторой степени традиционна. Чтобы убедиться в этом, достаточно просмотреть тематику выступлений участников трех российских и одного международного культурологических конгрессов. Она характеризуется не только "разношерстностью",* но и, что ещё более тревожно, игнорированием того реального культурного процесса, в котором участвуют культурработники.

* В отчете о третьем российском конгрессе (октябрь 2010 г.) отмечается, что "Программа конгресса включила три панельных дискуссии, посвященные следующим стратегическим направлениям: "Стратегические проблемы современной культурологии", "Креативные практики современного культуротворчества в контексте теории, истории и социологии культуры" и "Креативные практики современного культуротворчества в контексте теории и истории искусствознания, философии, психологии и социологии художественного творчества", а также два пленарных заседания: "Фундаментальные проблемы культурологии креативности" и "Современная культурология и контуры цивилизации будущего".

В программу работы конгресса был также включен круглый стол "Новое законодательство в сфере культуры: между Сциллой традиционализма и Харибдой модернизма", посвященный актуальным проблемам совершенствования законодательства в сфере культуры. Он был проведен на базе комитета по культуре Правительства Санкт-Петербурга под председательством профессора К.Э. Разлогова и председателя Комитета по культуре Государственной Думы РФ Г.П. Ивлиева.

В рамках работы конгресса было организовано 48 секций, из них 34 авторских заседания, подготовленных и проведенных ведущими специалистами в различных сферах и областях современной культурологии, а также 5 конференций, собравших представительный состав теоретиков и практиков культурологии" (курсив мой - В.С.).

Хотя термин "работники культуры" сохраняется с советского времени (одной из высших наград и сегодня является присвоение почетного звания "заслуженный работник культуры Российской Федерации"), но в нынешних условиях (которое культурологами обозначается как "время культурологии") их начинают именовать иначе – "практики культурологии".

Отстраненность культурологии от реального культурного процесса, её ориентация на культурологов–теоретиков не нова. Она присутствовала в учебном пособии А.Я. Флиера "Культурология для культурологов", опубликованном в 2000 г. и адресованном преподавателям вузовской культурологии, аспирантам, докторантам и соискателям ученой степени [9].

Для конкретного учебного пособия подобное "заужение" адресности культурологии допустимо. Однако оно становится нежелательным для одного из направлений отечественной науки, ибо культура – это не только научное понятие, но и тот реальный процесс, в котором находятся народы, различные социально–культурные группы, индивиды. Процесс этот зримо управляется или незримо направляется теми, кто причастен к осуществлению культурной политики [1; 3; 5].

Именно на специалистов–политиков целесообразно обратить внимание при рассмотрении вопроса о предназначении и содержании отечественной культурологии. Им – муниципальным и государственным служащим – предстоит, с одной стороны, "переводить" замысловатую научную мысль на "язык" практической культурологии, а, с другой, зная сложные проблемы реального культурного процесса, "подключать" к их осмыслению и решению теоретиков. Поэтому идеальна ситуация, когда культурология развивается по двум руслам, ориентируясь не только на теоретиков (фундаментальная культурология), но и на управленцев–политиков (прикладная культурология). Что же касается практиков, то им ближе, как я полагаю, не культурология, а иная ветвь знаний о культурном процессе – культуроведение [4].

Далеко не все специалисты обращают внимание на нетождественность культурологии и культуроведения. К их числу относятся и социокультурные антропологи. По мнению одного из них – Ю.М. Резника, культуроведение – это гуманитарная культурология, основанная на описательно–интегративной методологии. Она отличается от социально–научной культурологии, базирующейся на "объясняющей" методологии [7, с. 619].

По моему мнению, именно отсутствие разграничения между культурологией и культуроведением усугубляет процесс становления отечественной культурологии. Знания и педагогический опыт, которые накоплены со времени окончания аспирантуры по кафедре теории и истории культуры МГИКа (декабрь 1971 г.), позволяют пред-

ложить иную типологию наук о культуре. Это предложение имеет свою предысторию. Дело в том, что потребность в культурологии как качественно новом направлении в развитии наук о культуре возникла в конце 1980–х гг.

Именно к этому времени достаточно развитыми стали три обществоведческие науки о культуре – теория, история и социология культуры. Однако в силу того, что они имели разную родительскую основу (теория культуры возникла в лоне теории научного коммунизма и, в значительной степени, – исторического материализма; история культуры отпочковалась от гражданской истории и истории КПСС, социология культуры – от общей социологии) их взгляды на общий объект – культурный процесс (который рассматривали как культурную революцию)* не только не "состыковывались", но и противоречили друг другу.

* Сегодня термин "культурная революция" забалтывается. Из научного понятия он "превратился" в телепередачу, которую ведёт доктор искусствоведения, экс-министр культуры России М.Е. Швыдкой.

Выход из этой ситуации требовал создания культурологии, которая в качестве метанауки "задавала" бы общие методологические ориентиры для вышеназванной триады обществоведческих наук о культуре. В этой триаде на методологическое лидерство претендовала теория культуры, которая с марксистско–ленинских позиций исследовала общие закономерности развития культуры и специфические особенности её развития в условиях строительства социализма и коммунизма. Одновременно эта триада как бы находилась на вершине советского культуроведения. В него входили, если идти от общего к частному, ещё три вида наук:

а) родовые науки о культуре (искусствоведение, науковедение, идеологоведение);*

* Именно к совокупности трёх форм общественного сознания – науки, искусства и идеологии – чаще всего сводится содержание культуры.

б) видовые науки о культуре (наиболее "разработанными" были науки о видах искусства – музыковедение и театроведение, цирковедение и балетоведение...);

в) институциональные науки о культуре (библиотековедение и музееведение, клубоведение и школоведение).

Однако на зарождавшуюся объективную потребность в культурологии (как метанауки по отношению к культуроведению) в начале 1990–х гг. "наложились" субъективные обстоятельства. С распадом СССР марксистско–ленинские науки утратили дееспособность и для преподавателей научного коммунизма, истории КПСС и научного атеизма были предложены иные – деидеологизированные науки, в том числе культурология.

Безо всякого научного обсуждения, по новой технологии (руководствоваться федеральным государственным

стандартом) культурологи–преподаватели должны были разрабатывать новый курс, ориентируясь на совокупность "стандартных" дидактических единиц. В неё были включены понятия из теории, истории и философии культуры, социологии и эстетики, из антропологии и других дисциплин социально–гуманитарного профиля.*

* Совокупностный подход, сегодня доминирующий в культурологии, побуждает студента овладеть грандиозным объемом несистематизированной информации. Лишенный концептуальности, он не позволяет приобрести главное – видение культуры как саморазвивающейся целостной системы. Вузовский курс "Культурология", по моему мнению, надлежит нацелить не столько на передачу суммы разнообразных знаний, сколько на формирование специалиста, способного мыслить современно–прогностически.

Присутствующая в стандарте междисциплинарность получила адекватное объяснение: культурологи–педагоги стали рассматривать и разрабатывать преподаваемый курс в качестве интегративной дисциплины, призванной раскрывать общие закономерности развития культуры. Под этим углом зрения начался бурный процесс написания учебных пособий по культурологии, количество которых приближается к девятому десятку. Хотя их авторы руководствуются общим стандартом, но их творения существенно различаются. Поэтому сегодня положение таково: сколько культурологов, столько и культурологий.

Сложившаяся интегративная междисциплинарность не только затрудняет определение границ культурологии, но и выделение тех специфических вопросов, ответ на которые призваны находить именно культурологи. Безграничность культурологии "обернулась" её энциклопедичностью. А нацеленность на раскрытие общих закономерностей сблизило культурологию с философией, так как этим "вопросом" давным–давно занимаются философы культуры. Поэтому культурологические учебники и пособия не редко дублируют философию культуры.

При всей существующей близости между философией культуры и культурологией (стремлением к универсальности и к методологическому статусу по отношению к другим наукам) они существенно различаются. Будучи любознательной, философия умозрительна. Культурология не может быть таковой, у неё вполне конкретный объект анализа – многогранный культурный процесс.

Именно философы выделили три подхода к аналитике этого процесса, обратив внимание на связь культуры с природой (природа и культура), обществом (общество и культура) и человеком (культура и личность). Взяв за основу эту триаду, культурологи получают возможность под своим углом зрения рассмотреть культуру в качестве социосферы (предельно широкий, мегауровневый подход), подсистемы общества (макроуровень) и культурного пространства (микроуровень).

В процессе подобного рассмотрения культурологи от-

вечают на три вопроса:

во–первых, какова природа культуры?

во–вторых, каково её предназначение в обществе?

и, в–третьих, каковы субъектно–личностные основы культурного процесса?

Ответив на эти вопросы, культуролог способен поставить и ответить на ещё один, возможно наиболее животрепещущий: каковы перспективы развития культурного процесса в России?

Не воспроизводя в более–менее полном объеме логику ответов на эти вопросы, попытаюсь остановиться на их "полезности" для культуротворцов.

Философы рассматривают культуру как вторую природу, надстраиваемую над первой. Для культурологов это мегауровень при рассмотрении культурного процесса. Здесь культура тождественна всей социальной сфере, находящейся во взаимодействии с биосферой и космосферой. Человечество культурно постольку, поскольку оно живет и действует, т.е. осуществляет свою жизнедеятельность, природосообразно или экологично.*

* В культуроведении чаще всего используются аксиологический (при котором культура это мир ценностей) и деятельностный (при котором культура – это созидательная, творческая деятельность) методы. В культурологии культура это жизнедеятельность, характеризующаяся внутренне присущими ей (имманентными) свойствами.

Именно экологичность жизнедеятельности людей предстает в качестве основополагающей имманентной характеристики культуры. Экологичными должны быть промышленное и сельскохозяйственное производство, транспорт и энергетика, школьная жизнь и досуговый процесс. А это означает, что деятель культуры не может проходить мимо особенностей биопсихической природы той аудитории, к которой он адресуется.

За мегауровнем (природа–культура) следует макроуровень (общество–культура). Здесь культура предстает в качестве одной из трех подсистем общества, наряду с экономической и политической подсистемами. Экономическая подсистема – это витально–рациональная жизнедеятельность, побуждающая действовать рационально во имя поддержания жизни. Именно она является локомотивом глобализации, нивелирующей особенности жизнедеятельности на разных континентах и в разных государствах. Культурной подсистеме, напротив, присуща локальность, ибо сердцевинной имманентной характеристикой культуры является этноментальная жизнедеятельность.*

Дилемму "глобализация–локализация" предстоит решать политикам, которые при решении вопроса: чему отдать приоритет во внутренней политике (экономической "всеядности" или культурной "самобытности"), руководствуются избранной целью. Политическая подсистема – это целостообразная жизнедеятельность.

В культурологии этноментальность – это этнонационально окрашенное мироощущение и мировосприятие, посредством которого члены этнической или национальной общности, сохраняя близость, внутреннее родство и следуя межпоколенной преемственности, вырабатывают собственные, отличные от других народов, психологические установки и духовные предпочтения, ценностные ориентации и модели поведения. Этноментальность означает сопричастность судеб. Она придает жизнедеятельности людей особый колорит и избирательность, межиндивидуальную распознаваемость, опирающуюся на отделение "наших" от "других". Этноментальность позволяет находить в общем информационно-культурном пространстве родные мотивы и интонации, знаки и символы, языки и образы [6].

Хотя в основе этноментальности находится этничность, поддержанием которой (русскости у русских, татарскости у татар и т.д.) призваны заниматься культурботники. Немаловажное значение имеют и те ментальные характеристики, которые складываются в процессе повседневного соседского общения людей, совместного преодоления трудностей нынешней жизни.

И, наконец, в культурологии выделяется микроуровень (культура – личность). На этом уровне речь идет о вершинной имманентной характеристике культуры – гуманистичной жизнедеятельности самодеятельного характера. Она включает четыре ступеньки, двигаясь по ко-

торым человек входит в мир культуры. Если называть их по порядку, то первая ступенька – это самостоятельная, за которой следуют активная, свободная и творческая жизнедеятельности. Поскольку основы самостоятельности жизнедеятельности человека закладываются в семье, постольку она находится в субъектно-личностном основании культурного процесса. Соответственно, именно семья достойна внимания со стороны учреждений культуры.

Если предельно кратко ответить на четвертый вопрос, стоящий перед фундаментальной культурологией, то перспективы культурного процесса связаны с постепенным движением от былой полугомогенной советской культуры (когда этнонациональное подменялось классовым, а потому литература и театр, музыка и живопись, человек и его образ жизни были советскими) к культурному многообразию (количественная характеристика), а затем культурному разнообразию (качественная характеристика).

Грядущая российская культура будет состоять не только из культур и языков народов России – русской и татарской, башкирской и удмуртской, но и из региональных русских культур – московской и владимирской, архангельской и иркутской, смоленской и брянской. Их вызреванию призвана способствовать прикладная культурология в трех номинациях – этническая, региональная и муниципальная.

ЛИТЕРАТУРА

1. Востряков Л.Е. Рыночные реформы и региональные администраторы сферы культуры: социальный профиль // *Общественные науки и современность*. 2004. № 4. С. 87–96.
2. *Культурология: люди и идеи*. – М., 2006.
3. Савельев В.В. Культурное пространство в период реформирования России // *Управленческое консультирование*. 2005. №2. С. 178–187.
4. Савельев В.В. О преемственности в культурологии // *Управленческое консультирование*. 2007. №2. С. 207–220.
5. Савельев В.В. Регионализация культурной политики в России: позитивные тенденции нашего времени // *Управленческое консультирование*. 2005. №4. С. 200–210.
6. Савельев В.В. Языковой фактор в национально-культурной политике // *Вопросы национальных и федеративных отношений*. 2012. №1. С. 5–14.
7. *Социокультурная антропология: История, теория и методология: Энциклопедический словарь* / Под ред. Ю.М. Резника. – М.; Киров, 2012.
8. *Теоретическая культурология*. – М.; Екатеринбург, 2005.
9. Флиер А.Я. *Культурология для культурологов*. – М., 2000

ПОЛИТИКА ФИНАНСОВОГО ВЕДОМСТВА РОССИИ ПО КРЕСТЬЯНСКОМУ ВОПРОСУ в конце XIX - начале XX в.

PEASANT POLICY OF THE RUSSIAN FINANCE DEPARTMENT IN THE LATE NINETEENTH - EARLY TWENTIETH CENTURY

V. Stepanov

Annotation

The article examines the peasant policy of the Finance ministry of the Russian Empire which in the late nineteenth – early twentieth century was headed by prominent reformers N.Kh. Bunge and S.Yu. Witte. During their years of office the main legislative prerequisites for the agrarian reforms of P.A. Stolypin were prepared. Special attention is paid in the article to the destiny of rural community, to the organization of land-poor peasants' resettlement to the outlying districts of the country, as well as to the activity of the hypothecary Peasant bank.

Keywords: agriculture, farming, peasantry, community, the Finance ministry, agrarian reform, legislation.

Степанов Валерий Леонидович

Доктор исторических наук,
ведущий научный сотрудник
Института экономики РАН

Аннотация

В статье рассматривается политика по крестьянскому вопросу, проводимая Министерством финансов Российской империи, которое в конце XIX – начале XX в. возглавляли выдающиеся реформаторы Н.Х. Бунге и С.Ю. Витте. В годы их деятельности были подготовлены основные законодательные предпосылки для аграрных преобразований П.А. Столыпина. Особое внимание в статье уделяется судьбе сельской общины, организации переселений малоземельных крестьян на окраины страны, деятельности ипотечного Крестьянского банка.

Ключевые слова:

Сельское хозяйство, земледелие, крестьянство, община, Министерство финансов, аграрная реформа, законодательство.

На рубеже 1870–1880-х гг. российское правительство оказалось перед необходимостью корректировки законодательства 19 февраля 1861 г. и проведения новых преобразований в деревне. Сохранение крепостнических пережитков, тяжесть налогов и выкупных платежей, почти ежегодные локальные неурожаи подрывали благосостояние сельского населения и снижали его платежеспособность. Сокращение наделов в ходе реализации реформы и демографический взрыв стали причинами растущего малоземелья, дробления хозяйств в результате учащения семейных разделов и земельных переделов [10]. На Россию, не успевшую оправиться от неурожая 1880 г., обрушился мировой аграрный кризис, который привел к падению закупочных цен на зерно, огромному скоплению нереализованных запасов хлеба, сокращению посевных площадей, разорению многих помещичьих и крестьянских хозяйств [11].

В 1880–1881 гг. группировка либеральный бюрократов во главе с министром внутренних дел М.Т. Лорис-Меликовым добилась отмены обременительного для крестьян соляного налога, вынесла на обсуждение вопросы о понижении выкупных платежей и переводе бывших помещичьих крестьян на обязательный выкуп, выдвинула предложения об отмене подушной подати и круговой поруки, создании доступного для крестьян мелкого ипотечного кредита, организации крестьянских переселений в малоземельных губерниях, облегчении выхода из

общины, пересмотре паспортной системы, препятствующей свободному перемещению сельского населения [12, с. 241, 242, 249–254, 344–350, 353, 419–424]. Однако убийство Царя-Освободителя, восшествие на престол Александра III и обнародование манифеста 29 апреля 1881 г. положили конец влиянию Лорис-Меликова и его группировки.

После отставки министра внутренних дел и его единомышленников реформаторский курс в сфере аграрного законодательства был продолжен министром финансов Н.Х. Бунге (1881–1886 гг.), который ранее входил в состав либеральной "коалиции", занимая пост товарища министра финансов. 28 декабря 1881 г. по его инициативе были понижены выкупные платежи, бывшие помещичьи крестьян переведены на обязательный выкуп и причислены к разряду крестьян-собственников. В 1882–1886 гг. была поэтапно отменена подушная подать, манифестом 15 мая 1883 сложена почти половина всех недоимок, 12 июня 1886 г. на обязательный выкуп переведены государственные крестьяне. Тем самым Бунге завершил дело, начатое провозглашением отмены крепостного права.

С целью помочь крестьянам в покупке дополнительных участков земли 18 мая 1882 г. был учрежден ипотечный Крестьянский поземельный банк. Его преимущество перед другими кредитными учреждениями заключа-

лось в том, что он взыскивал платежи по ссудам не вперед, а по истечении полугодового срока и позволял большое накопление недоимок. В своем политическом завещании, записке "Загробные заметки" Бунге подчеркнул, что одна из главных задач банка – "способствовать распространению частной поземельной собственности между крестьянами" [3, с. 252]. Правда, итог операций банка за 1883–1895 гг. был неудовлетворительным. Банк не только разорил многих клиентов, но и сам понес немалый ущерб из-за крупных недоимок [18, с. 287–310].

Для смягчения земельного голода в деревне министр финансов предлагал организовать переселенческое движение на окраины страны. В записке, представленной Александру II в сентябре 1880 г., Бунге призывал прекратить раздачу "по все милостивейшему пожалованию" казенных земель в Средней Азии и Сибири и использовать их для наделения крестьян [4, 181–182]. Однако первые шаги правительства в этом направлении были очень умеренными. Правила 10 июля 1881 г. "Об установлении временных правил о переселении крестьян на свободные казенные земли" должны были действовать вплоть до издания фундаментального закона. Они давали право на переселения только с разрешения министров внутренних дел и государственных имуществ, притом лишь тем, кого "экономическое положение к тому вынуждает" [12, с. 425].

Бунге попытался использовать для поддержки переселенческого движения кредиты Крестьянского банка. Он распорядился выдавать большие ссуды в тех случаях, когда покупателями земли являются переселенцы. 17 мая 1884 г. Особое совещание министров под председательством Александра III высказалось за расширение помощи переселенческому движению со стороны банка. Речь пока шла о переселениях на частновладельческие земли малонаселенных губерний, где водворение переселенцев было выгодно помещикам и не требовало слишком крупных расходов на льготы и пособия [19, л. 25–32]. Однако даже эти скромные меры вызвали резкое недовольство руководства Министерства внутренних дел. 13 июля 1889 г. по представлению его главы Д.А. Толстого был издан закон, цель которого заключалась не в организации, а в сдерживании переселений: вводились суровые ограничения на право получения разрешения, самовольные переселенцы подлежали возвращению насильственным путем на прежнее место жительства, получение установленных льгот было связано с большими затруднениями [2, с. 28–33].

Министр финансов связывал дальнейшее раскрепощение крестьянства и развитие производительных сил деревни с отменой фискально-принудительных функций сельской общины. Еще в сентябрьской записке 1880 г. он рекомендовал для стимулирования переселенческого движения отменить "стеснительные постановления об

увольнении из прежних обществ и о причислении к новым обществам" [4, с. 182]. После принятия Государственным советом решения об окончательной отмене подушной полати по распоряжению Бунге в финансовом ведомстве началась разработка законопроектов об упразднении круговой поруки и преобразовании паспортного устава. Министр финансов считал, что принятие этих актов станет первым шагом к пересмотру общинного законодательства.

Однако после отставки Бунге обсуждение этих вопросов было надолго отложено. Правительство взяло курс на сохранение и консервацию общинных отношений в деревне. Бунге, перемещенный в начале 1887 г. на пост председателя Комитета министров, резко выступил против принятия законов об ограничении семейных разделов (1886 г.) и земельных переделов (1893 г.), о неотчуждаемости крестьянских наделных земель (1893 г.). Во время их обсуждения в Государственном совете он призывал правительство делать ставку не на неприкосновенность общинного строя, а на развитие частного крестьянского землевладения. Бунге не согласился с тем, что ограничение права собственности крестьян на землю будет способствовать удержанию ими наделов. Он указал на истинные причины возникновения и роста "земледельческого пролетариата": быстрое возрастание сельского населения и сохранение законодательных преград для его перемещения на свободные земли, медленную интенсификацию сельского хозяйства, нерациональную податную систему, неудовлетворительную организацию местной администрации, несовершенство законов, касающихся имущественных прав. Вместе с тем Бунге отнюдь не призывал к насильственным мерам для разрушения общины. Он выступал лишь против ее искусственной поддержки и был убежден, что она естественным образом распадется в ходе своей эволюции [20; 13, вып. 1, с. 23–29; вып. 3, с. 280–292].

Тем не менее, предложения Бунге не получили поддержки в "верхах". В его идеях и инициативах получили

Николай Христианович БУНГЕ - российский государственный деятель XIX века, учёный-экономист, академик, министр финансов Российской империи

отражение основные направления будущих аграрных преобразований начала XX в. – отказ от общины как формы землепользования и насаждение частной крестьянской земельной собственности, развитие переселенческого движения, расширение операций Крестьянского банка. В научной литературе Бунге не раз признавался предшественником П.А. Столыпина [15, с. 131; 8, с. 73; 28, с. 16]. При новом министре финансов, ставленнике консервативных кругов И.А. Вышнеградском (1887–1892 гг.) вопрос о пересмотре аграрного законодательства уже не ставился. На намеченный Бунге путь решения крестьянского вопроса позднее встал С.Ю. Витте, возглавлявший финансовое ведомство в 1892–1903 гг.

Крупнейший российский реформатор конца XIX – начала XX в. вполне понимал роль аграрного сектора в земледельческой России и осознавал всю глубину его отсталости. Модернизации сельского хозяйства препятствовали низкий уровень производства, агрикультуры и рыночных отношений в деревне, особый сословный статус крестьянства и другие факторы. Главной аграрной проблемой оставалось крестьянское малоземелье. На рубеже столетий стало особенно очевидным, что от ее решения зависит судьба многомиллионного сельского населения, темпы экономического роста, общая историческая перспектива страны. Однако Витте не сразу признал необходимость коренных преобразований в деревне. По собственному признанию, в начале своей бюрократической карьеры он слабо разбирался в укладе деревенской жизни, придерживался славянофильских убеждений и был убежденным сторонником сельской общины. Витте считал ее оплотом против социализма, а русское крестьянство – "консервативной силой" и "главной опорой порядка". Он поддержал закон 14 марта 1893 г., который запрещал выход из общины без согласия 2/3 домохозяев, а также залог и продажу наделных земель лицам других сословий. Накануне обсуждения этого проекта министр финансов даже составил записку в защиту общинного землевладения [26, с. 246–258].

Но через несколько лет позиция Витте изменилась. Он испытал сильное влияние со стороны Бунге, который убедил его, что "средневековая община" – это "главный тормоз экономического развития крестьянства" [6, т. 2, с. 43, 44]. Министр финансов стал резким критиком общинного землевладения и попытался возобновить реформаторский курс в области крестьянского законодательства. 3 июня 1894 г. был принят новый закон о паспортах. Он не отменял неравенства сословий и не посягал на власть общины над крестьянами, но все же облегчал им передвижение в поисках заработка. Законом 7 апреля 1897 г. был также отменен взимаемый с крестьян и мещан паспортный сбор [25, с. 161–165, 211]. С целью уменьшить податное бремя крестьянства 7 февраля 1894 г. была отсрочена уплата недоимок, а 13 мая 1896 г. и 31 мая 1899 г. осуществлена пересрочка капитального долга по выкупным платежам [14, с. 239]. В 1896 г.

в Министерстве финансов началась разработка проекта отмены круговой поруки. Эта инициатива встретила сильное противодействие Министерства внутренних дел, и подготовка реформы надолго затянулась.

27 ноября 1895 г. был принят новый устав Крестьянского банка, который предоставил ему права покупать земли за счет собственного капитала для перепродажи крестьянам и выдавать ссуды под земли, уже приобретенные крестьянами без содействия банка. Отныне Крестьянский банк принципиально отличался от других ипотечных учреждений, которые не обладали подобным правом. Последующее десятилетие 1896–1905 гг. характеризовалось бурным развитием операций. Банк стал играть решающую роль в расширении крестьянского землевладения. Однако вплоть до 1906 г. предпочтение при выдаче ссуд отдавалось коллективным покупателям (сельским обществам и товариществам), так как правительство всячески стремилось сохранить общинное землепользование [18, с. 310–333].

Как и Бунге, министр финансов выступал за организацию крестьянских переселений на окраины империи. Он считал, что строительство Транссибирской магистрали будет способствовать аграрному движению из Европейской России в восточные регионы. Витте получил значительную поддержку со стороны Бунге, который в 1892–1895 гг. был вице-председателем Комитета Сибирской железной дороги. В марте 1895 г. на заседании этого комитета Витте и Бунге убедили Николая II в необходимости поддержки переселенческого движения в зоне строящейся магистрали [21, л. 55–59]. Закон 15 апреля 1896 г. отменил практику насильственного возвращения самовольных переселенцев, упростил порядок выдачи разрешений на переселения, установил льготный тариф на проезд по железной дороге и право посылки крестьянами ходоков для осмотра земель, предназначенных для заселения. 2 декабря 1896 г. при Министерстве внутренних дел было учреждено Переселенческое управление, которое занималось выдачей разрешений на переселение, "упорядочением" переселенческого движения, первоначальным обустройством переселенцев, заведовало кредитами, выделенными на переселенческое дело и др. Во второй половине 1890-х годов заметно возросли государственные ассигнования на устройство переселенцев и подготовку земельных участков, сократилось число самовольно переселявшихся и возвращавшихся обратно крестьян. И все же эти меры не привели к коренному изменению переселенческой политики, так как свободе передвижений сельского населения препятствовали общинные порядки, круговая порука и паспортная система [7, с. 418].

Витте неоднократно пытался поднять в "верхах" вопрос об изменении правительственной политики по отношению к общине. В 1896 г. в объяснительной записке к росписи государственных доходов и расходов на следующую

щий год он выделил среди населения деревни "особую группу зажиточных крестьян", способную преодолеть "неблагоприятные условия сельской жизни" [26, с. 259]. В мае 1897 г., в ходе работы Особого совещания по делам дворянского сословия министр финансов высказался за проведение всестороннего исследования хозяйственного положения крестьянства. Однако эта инициатива не получила поддержки в бюрократических кругах. В мае 1898 г. по предложению Витте Комитет министров принял постановление об учреждении межведомственного совещания для разработки мер по крестьянскому вопросу. Николай II отсрочил решение этого вопроса до осени.

В октябре этого же года Витте направил императору письмо, в котором призвал его продолжить дело Александра II по освобождению крестьян. Он отрицательно отзывался о круговой поруке и общинном землевладении, высказался за облегчение выхода из общины, преодоление сословной обособленности крестьянства и снятие ограничений на свободу перемещения сельского населения. Витте считал, что осуществление предлагаемых им мер позволит резко увеличить поступления в государственный бюджет и даст колоссальный экономический эффект. Он просил самодержца дать разрешение на образование совещания для разработки нового крестьянского законодательства. Однако Николай II даже не ответил на письмо министра финансов [6, т. 1, с. 534–542].

Система общинного землевладения была рассмотрена Витте в лекциях о народном и государственном хозяйстве, прочитанных великому князю Михаилу Александровичу. Он охарактеризовал общину как закономерную, но уже архаичную в современных условиях форму землепользования. Витте отметил ее основные отрицательные стороны: 1) регулярные внутриобщинные земельные переделы препятствуют росту плодородия почв и тормозят внедрение агрономических усовершенствований; 2) чересполосица порождает принудительную обработку земли, а разбросанность участков и их отдаленность от усадьбы ведет к нерациональному расходу рабочего времени; 3) круговая порука заставляет трудолюбивого и бережливого крестьянина нести ответственность за ленивого и расточительного. Витте подчеркивал неизбежность смены общины частной собственностью как более прогрессивной формы земельных отношений [5, с. 17–22].

Неурожаи 1899 и 1901 гг., рост крестьянских волнений летом 1902 г. заставили Николая II начать обсуждение ситуации в деревне. Витте возглавил межведомственное Особое совещание о нуждах сельскохозяйственной промышленности (1902–1905 гг.), сыгравшее важную роль в выработке нового курса аграрной политики. На местах были созданы губернские и уездные комитеты, в которые вошли представители бюрократии, земств, землевладельцев, арендаторов и даже крестьян.

Задачей совещания были сбор сведений о положении деревни и обобщение мнений самих сельских хозяев о путях преодоления кризисной ситуации в сельском хозяйстве.

Основные положения своей аграрной программы Витте изложил в "Записке по крестьянскому делу" (СПб., 1904), в которой суммировал и анализировал материалы, собранные местными комитетами. Возражая своим консервативным оппонентам, он утверждал, что община вовсе не является основой политической стабильности самодержавия и панацеей от пролетаризации крестьянства. Общинные порядки представляют собой "серьезный тормоз культуры" в деревне и непреодолимое препятствие для развития земледелия. Причину низкой эффективности земледельческого производства Витте видел не в экономических, а в правовых основах крестьянского хозяйства. По его мнению, решение этой проблемы заключалось в преодолении сословной замкнутости сельского населения и его включении в гражданское общество. Он предлагал ликвидировать фискально-принудительные функции общины, отменить все ограничения на свободу передвижения крестьянства, ввести принцип частной собственности на землю, поощрять переход к хуторскому и отрубному землевладению. Витте считал, что только крестьянин-собственник, освобожденный от гнета общины и уравненный в правах с другими сословиями, может обеспечить экономический подъем деревни и стабильность государственных устоев. Вместе с тем, Витте указывал на недопустимость принудительных мер для "выталкивания" крестьян из общины, которая должна стать добровольным объединением земледельцев.

Виттевская программа легла в основу деятельности совещания. Большинство его участников высказались за упразднение искусственных законодательных препятствий на пути становления частного крестьянского землевладения, отмену круговой поруки и облегчение выхода из общины, переход домохозяев к участковым формам хозяйства – отрубам и хуторам. Проект Витте и руководимого им совещания носил достаточно умеренный характер. Тем не менее, в той политической ситуации эти предложения остались не востребованными. Особое совещание было распущено весной 1905 г. под давлением противников Витте. Его единственным достижением стала отмена круговой поруки 12 марта 1903 г. [23].

Только начало первой российской революции и крестьянское движение осени 1905 г. вынудило правительство кардинально пересмотреть свою аграрную политику. Высшая бюрократия и поместное дворянство поняли всю ошибочность многолетней ставки на неприкосновенность общинного землевладения. Это заставило правительство вернуться к предложениям бывшего министра финансов. Наступил благоприятный момент для реализации программы Витте. С октября 1905 по апрель 1906 г. он занимал пост председателя Совета министров, в кото-

ром сосредоточилась вся работа по пересмотру крестьянского законодательства. При Витте правительство в основном исходило из рекомендаций Особого совещания о нуждах сельскохозяйственной промышленности.

Манифест 3 ноября 1905 г. "Об улучшении благосостояния и облегчении положения крестьянского населения" объявил об отмене выкупных платежей и расширении возможностей Крестьянского банка. В тот же день обе "милости" были оформлены специальными указами [16]. Выкупные платежи отменялись с 1 января 1906 г. наполовину, а с 1 января 1907 г. – полностью. Крестьянскому банку разрешалось приобретать в неограниченном количестве помещичьи имения для перепродажи их крестьянам и выдавать ссуду покупавшим землю у помещиков или банка в размере 90% ее специальной оценки. Безземельным и малоземельным крестьянам банк мог выдавать ссуды в размере полной стоимости приобретаемой земли.

Во всеподданнейшем докладе от 10 января 1906 г. Витте подчеркнул, что прямым следствием отмены выкупных платежей должны стать признание наделных земель собственностью их владельцев и установление порядка выхода крестьян из сельских обществ [1, с. 80]. В январе–феврале 1906 г. Особое совещание при Министерстве внутренних дел во главе с управляющим его земским отделом В.И. Гурко подготовило проект, который предусматривал разрешение отдельным домохозяевам свободно выходить из общины и укреплять наделы в частную собственность с выделением их в один участок и правом продажи и залога без согласия сельского общества [22, с. 70–72].

Одновременно Особая комиссия при Главном управлении землеустройства и земледелия под председательством товарища главного управляющего А.В. Кривошеина подготовила проект об учреждении Комитета по землеустроительным делам, а также губернских и уездных землеустроительных комиссий. Он был одобрен Советом Министров [1, с. 102–105, 126–131] и 4 марта 1906 г. ут-

вержден Николаем II. В обязанности комиссий входило содействие Крестьянскому банку в продаже крестьянам земли, в организации их переселений и сдаче им в аренду казенных земель, помощь крестьянам в устранении чересполосицы, улучшении условий землепользования и др. [17]. Тем самым была создана система местных органов, которые через некоторое время стали основными рычагами столыпинской аграрной реформы.

С целью подготовки проекта земельной реформы для внесения в Государственную думу по распоряжению Витте межведомственное совещание под председательством главного управляющего землеустройства и земледелия А.П. Никольского разработало "Основные положения для изменения законодательства о крестьянах", которые были утверждены Советом министров 15 апреля 1906 г. В них планировались уравнение крестьян с другими сословиями в отношении имущественных и гражданских прав, управления и суда; индивидуализация крестьянского наделного землевладения; введение порядка владения крестьянами наделами на правах личной, а не семейной собственности; проведение землеустройства с целью насаждения участковых хозяйств; расширение крестьянского землевладения за счет продажи и аренды свободных казенных земель, а также участков, приобретаемых при посредничестве Крестьянского банка или путем покупки земель казной у частных владельцев; установление связи деятельности Крестьянского банка с местными землеустроительными комиссиями; правительственная поддержка переселений малоземельных крестьян на восточные окраины страны [24, с. 451–458].

"Основные положения" представляли собой квинтэссенцию всех наработок виттевского правительства по крестьянскому вопросу. 22 апреля 1906 г. Витте покинул пост председателя Совета министров. Тем не менее, основные направления аграрных преобразований были определены до прихода к власти П.А. Столыпина, который в полной мере воспользовался трудами своего предшественника. Он лишь продолжил реформу, которую фактически уже начал Витте. Американские исследователи Х.Д. Мелинжер и Дж. Томпсон подчеркивают: "Аграрное законодательство 1906–1911 гг., которое коренным образом трансформировало бы сельское хозяйство России, не будь его внедрение прервано войной, стало прочно ассоциироваться с именем Столыпина, а огромный вклад Витте в это дело был практически забыт" [27, с. 207].

Вместе с тем необходимо учитывать различия между аграрными программами обоих реформаторов. Витте прежде всего имел в виду потребности народного хозяйства и стремился обеспечить эффективность земледельческого производства на основе личной заинтересованности крестьян. При этом он учитывал ограниченное значение института частной собственности на землю в России. Его программа предполагала эволюционный путь развития деревни и была рассчитана на длительный

исторический период. Витте выступал против коренной ломки общинного землевладения и вмешательства государства в формирование отношений собственности. Подобная стратегия в большей степени соответствовала общинной психологии крестьянства и российским традициям ведения сельского хозяйства, чем аграрные мероприятия Столыпина.

Преемник Витте ставил перед собой в первую очередь социально-политические цели. Ему пришлось действовать в экстремальных условиях резкого обострения социальной конфронтации и открытого противостояния между самодержавием и обществом. Свою главную задачу Столыпин видел в создании устойчивого слоя крес-

тьян-собственников как необходимого условия стабилизации государственного порядка. По словам В.И. Гурко, "главная цель, которую он преследовал, было не улучшение условий народной жизни, а укрепление государственной власти, поднятие ее престижа и примирение с нею культурной общественности" [9, с. 582]. Поэтому Столыпин выступал за форсирование реформы и активное вмешательство государства в перестройку деревни с помощью административных мер. Несмотря на свои неоднократные официальные заявления о недопустимости принудительных методов, на практике он не возражал против жестких действий местных властей по отношению к общине. Именно это вызвало резкую критику столыпинской аграрной политики со стороны Витте.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аграрный вопрос в Совете министров (1906 г.). М.; Л.: Госиздат, 1924. 178 с.
2. Брусникин Е.М. Переселенческая политика царизма в конце XIX века // Вопросы истории. 1965. № 1. С. 28–38.
3. Бунге Н.Х. Загробные заметки // Судьбы России: доклады и записки государственных деятелей императорам о проблемах экономического развития страны (вторая половина XIX в.). СПб.: Лики России, 1999. С. 191–271.
4. Бунге Н.Х. О финансовом положении России // Судьбы России: оклады и записки государственных деятелей императорам о проблемах экономического развития страны (вторая половина XIX в.). СПб.: Лики России, 1999. С. 173–190.
5. Витте С.Ю. Конспект лекций о народном и государственном хозяйстве, читанных его императорскому высочеству великому князю Михаилу Александровичу в 1900–1902 годах. М.: Фонд экон. кн. "Начала", 1997. 511 с.
6. Витте С.Ю. Из архива С.Ю. Витте: воспоминания: в 2 т. СПб.: Дмитрий Буланин, 2003. Т. 1. 1052 с.; Т. 2. 649 с.
7. Власть и реформы: от самодержавной к советской России. СПб.: Дмитрий Буланин, 1996. 801 с.
8. Гиндин И.Ф. Государственный банк и экономическая политика царского правительства (1861–1892 годы). М.: Госфиниздат, 1960. 415 с.
9. Гурко В.И. Черты и силуэты прошлого: правительство и общественность в царствование Николая II в изображении современника. М.: Новое литературное обозрение, 2000. 810 с.
10. Дружинин Н.М. Русская деревня на переломе. 1861–1880 гг. М.: Наука, 1978. 287 с.
11. Егиазарова Н.А. Аграрный кризис конца XIX века в России. М.: Издательство Академии наук СССР, 1959. 192 с.
12. Зайончковский П.А. Кризис самодержавия на рубеже 1870–1880-х годов. М.: Издательство Московского университета, 1964. 509 с.
13. Законодательные материалы по вопросам, относящимся к устройству сельского состояния. Вып. 1. СПб.: Земский отдел Министерства внутренних дел, 1899. 134 с.; Вып. 3. СПб.: Земский отдел Министерства внутренних дел, 1900. 425 с.
14. Кованько П.Л. Реформа 19 февраля 1861 г. и ее последствия с финансовой точки зрения. (Выкупная операция: 1861 г. – 1907 г.). Киев: тип. Н.Т. Корчак-Новицкого, 1914. 484 с.
15. Погребинский А.П. Финансовая политика царизма в 70–80-х годах XIX в. // Исторический архив. 1960. № 2. С. 130–144.
16. Полное собрание законов Российской империи. Собрание III. Т. 25. Отд. 1. № 26871, 26872, 26873.
17. Полное собрание законов Российской империи. Собрание III. Т. 26. Отд. 1. № 27478.
18. Проскуракова Н.А. Земельные банки Российской империи. М.: РОССПЭН, 2002. 520 с.
19. Российский государственный исторический архив. Ф 592. Оп. 44. Д. 1.
20. Российский государственный исторический архив. Ф. 1149. Оп. 11. 1893 г. Д. 47, 77.
21. Российский государственный исторический архив. Ф. 1273. Оп. 1. Д. 40.
22. Сидельников С.М. Аграрная политика самодержавия в период империализма. М.: Издательство МГУ, 1980. 288 с.
23. Симонова М.С. Кризис аграрной политики царизма накануне первой российской революции. М.: Наука, 1987. 252 с.
24. Совет министров Российской империи. 1905–1906 гг.: документы и материалы. Л.: Наука, 1990. 473 с.
25. Чернуха В.Г. Паспорт в России. 1719–1917 гг. СПб.: Лики России, 2007. 296 с.
26. Чернышев И.В. Аграрно-крестьянская политика России за 150 лет. Пг.: Вольное экономическое общество, 1918. 384 с.
27. Mehlinger H.D., Tompson J.M. Count Witte and the Tsarist Government in the 1905 Revolution. Bloomington; London: Indiana university press, 1972. 434 p.
28. Snow G.E. The Years 1881–1894 in Russia: A Memorandum Found in the Papers of N.Kh. Bunge. A Translation and Commentary. Philadelphia: American Philosophical Society, 1981. 76 p.

ЭСТЕТИКА В СПОРТИВНОМ ВОСПИТАНИИ МОЛОДОГО ПОКОЛЕНИЯ

AESTHETICS IN SPORTS EDUCATION OF THE YOUNG GENERATION

E. Maksachuk

Annotation

Many of us have at least a general idea of the meaning of sports education, as well as aesthetics. But how much influence the aesthetics of sports education in the formation of the human person is not clear to everyone. This article specifies the role of aesthetics in sports education and the ways of its formation.

Keywords: young sportsman, aesthetics, sports education, aesthetics in sports.

Максачук Екатерина Павловна

*Кандидат педагогических наук,
Московская государственная академия
физической культуры и спорта*

Аннотация

Многие из нас имеют хотя бы самое общее представление о смысле спортивного воспитания, а также об эстетике. Но на сколько эстетика влияет через спортивное воспитание на формирование личности человека понятно не каждому. В данной статье указывается роль эстетики в спортивном воспитании и пути ее формирования.

Ключевые слова:

Юный спортсмен, эстетика, спортивное воспитание, эстетика в спорте.

Многие в наше время понимают, что вовлекая ребенка в спортивную деятельность, его можно оградить от негативного влияния улицы, и это действительно так. Одной из важных задач перед тренером спортивной школы является заинтересовать начинающего спортсмена в выбранном виде спорта, раскрыть перед ним возможности, которые дает спорт, а осуществить это можно только комплексно используя в тренировочном процессе компоненты спортивного воспитания. В данной статье будет освящена роль эстетики в жизни юного спортсмена.

В толковом словаре Ожегова дается следующее определение эстетике: философское учение о сущности и формах прекрасного в художественном творчестве, в природе и в жизни, об искусстве как особом виде общественной идеологии [4]. Эстетическое воспитание призвано формировать правильное понимание прекрасного.

Из содержания эстетического отношения к действительности вытекают общие задачи эстетического воспитания:

- ◆ воспитание эстетических потребностей, т.е. сознательного стремления к прекрасному;
- ◆ воспитание эстетического восприятия и чувства, т.е. способности воспринимать и переживать прекрасное. Эстетическое восприятие это своеобразный вид "живого созерцания" действительности. Оно требует установления чувственного контакта с предметами и явлениями, окружающего мира;

- ◆ развитие творческих эстетических способностей в различных видах деятельности [1].

Эстетическая деятельность является составной частью практически-духовного освоения человеком действительности. Специфика эстетического сознания в том, что оно является восприятием бытия и всех его форм и видов в понятиях эстетики через призму эстетического идеала.

Эстетика спорта – отрасль эстетической науки, изучающая эстетические закономерности, которые проявляются в сфере спортивной деятельности и спортивных отношений и оказывают влияние на развитие этой области общественной практики [2].

Связь физического и эстетического воспитания основана на единстве их цели – формировании человека, а физическое совершенство составляет часть эстетического материала.

Существуют виды спорта, где наиболее ярко выражен эстетический компонент (фигурное катание, художественная гимнастика, прыжки в воду, синхронное плавание и т. п.), в которых решение двигательных задач связано с использованием средств художественной выразительности, поскольку оценивается здесь само движение.

Однако, мнение о том, что другие виды спорта не несут в себе эстетики является ошибочным.

Занятия спортом помогают приучать ребенка к соблюдению чистоты в одежде, которая должна иметь оп-

рятный вид. В данном случае гигиенические правила являются условием соблюдения эстетики.

Кроме того, при занятиях спортом формируется правильная осанка, регулируется вес тела – все это помимо эстетического восприятия, влияет на здоровье.

Целенаправленное формирование эстетических чувств в спорте способствует развитию творчества, поиску новых путей самовыражения[3]. Таким образом эстетика влияет на проявление творческого мышления, что является полезным не только в спортивной деятельности, но и в повседневной жизни, когда неординарное решение вопроса может привести к высоким результатам.

Для того чтобы выполняемая техника упражнения в любом виде спорта выглядела эстетично, необходимо формировать аналитическое мышление, благодаря которому спортсмен способен распределить выполнение упражнения на определенные фрагменты, в особенно важные моменты сконцентрировав внимание.

Эстетика напрямую связана с гармоничностью, для достижения которой необходимо формирование чувства меры в двигательной деятельности. Оно проявляется в пространственно–временных характеристиках выполнения движения, соразмерности распределения мышечных усилий.

Тренер постоянно должен развивать у своих воспитанников потребность и способность замечать и воспринимать красоту окружающей действительности, анализировать и оценивать ее. С практической точки зрения эта задача не так уж сложна в выполнении. Регулярное соблюдение гигиенических требований, как в одежде, так и на местах проведения тренировочных занятий; праздничное оформление соревнований; аккуратное ведение записей в дневнике спортивных тренировок; оформление стенгазеты спортивной школы и некоторые другие моменты, о которых говорится в данной статье помогают привносить эстетику в мир спорта.

Эстетика в спорте требует выполнения ряда условий, осуществляя которые спортсмен развивает в себе способности, которые помогают не только в профессиональном плане, но и в повседневной жизнедеятельности. Поэтому делая акцент на эстетике в спорте, тренер выполняет социально важную задачу. Учащиеся, получившие эстетическую подготовку, располагают большими возможностями для неуклонного освоения всего многообразия двигательных навыков и умений с точки зрения культуры движений, а широкая эрудиция, развитый эстетический вкус позволяют полнее проявлять себя не только в спортивной сфере, но и в бытовой, общественной деятельности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Адашкина А.А. Особенности проявления эстетического отношения при восприятии действительности // Вопросы психологии, 1999. – №6. – С.100–110.
2. Боров Ю.Б. Эстетика. М., 2002
3. Назаренко Л.Д., Ключникова С.Н. Эстетическое содержание различных видов двигательной деятельности// Физическая культура: воспитание, образование, тренировка. – 2004.–№2.– С. 25–26
4. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка: 72500 слов и 7500 фразеологических выражений/ Российская Академия Наук. Институт русского языка; Российский фонд культуры; – М.: АЗЪ, 1993.– 960 с.
5. Сараф М.Я., Столяров В.И. Введение в эстетику спорта. Учебное пособие для институтов физкультуры. – ФИС. – М., 1986г.

© Е.П. Максачук, (Kate-Maksachuk@yandex.ru), Журнал «Современная наука: Актуальные проблемы теории и практики»,

ГУБЕРНАТОРСКАЯ ВЛАСТЬ: МОДЕЛИ РЕАЛИЗАЦИИ (НА ПРИМЕРЕ ВОРОНЕЖСКОЙ ОБЛАСТИ)

GOVERNOR'S POWER: THE IMPLEMENTATION MODEL (VORONEZH REGION)

A. Spirov

Annotation

This paper is concerned with the relationship Voronezh governors with other members of a regional political process. The current situation in Russia's political culture makes leadership in the regional governor's political process. Against this background, the curious question is the implementation model of power in the region. Based on the typology Lapina – Chirikova author compares the relationship of the three governors of Voronezh with key political actors and on the basis of the results describes the current model of the governor's power.

Keywords: Governor, the governor's authority, power model, Voronezh region, the regional political regime I. Shabanov, V. Kulakov, A. Gordeev.

Спиров Артем Сергеевич

Воронежский

Государственный Университет

Аннотация

Данная статья посвящена изучению взаимоотношений губернаторов Воронежской области с другими участниками регионального политического процесса. Сложившаяся в России политическая культура обуславливает лидирующую роль губернатора в региональном политическом процессе. На этом фоне любопытным представляется вопрос модели реализации власти в регионах. На основе типологии Лапиной – Чириковой автор сравнивает взаимоотношения трех воронежских губернаторов с основными политическими акторами и на основе полученных результатов описывает сложившуюся модель губернаторской власти.

Ключевые слова:

Губернатор, губернаторская власть, модели власти, Воронежская область, региональный политический режим, И.Шабанов, В. Кулаков, А.Гордеев.

Выстраиваемые в регионе неформальные правила игры в значительной степени определяют характер губернаторской власти и зависят от взаимодействия главы субъекта с основными политическими акторами региона, федеральным Центром, политическими институтами. Более того, немаловажным фактором, оказывающим влияние на действия губернатора, является использование региональной политической элитой определенных стратегий и имеющихся ресурсов.

В этом случае, можно говорить о том, что основополагающее место в процессе формирования моделей лидерства в российских субъектах федерации остается за главами этих субъектов. Согласно определению Н.Ю. Лапиной и А.Е. Чириковой под "моделью политической власти" понимается характер выработки и принятия решений, а так же ответственности, сложившейся в обществе. Это понятие подразумевает и способ взаимодействия властной элиты с другими группами социальных акторов [1]. В этом смысле, такое определение приближается к данному Гаджиевым определению политического режима, как способа реализации управленческих решений [2].

Формирование региональных политических режимов традиционно рассматривается через анализ ряда переменных, таких как: акторы, институты, стратегии, ресурсы. Подробнее других, данную модель описывал В. Гельман [3]. Таким образом, большинство исследователей опирается именно на эту модель в исследовании как формаль-

ных, так и неформальных практик осуществления губернаторской власти.

Однако, для того, чтобы составить представление о моделях лидерства, необходимо проследить их генезис в течение длительного времени, определить изменения и возможную преемственность. Кроме того, необходимо определить, какие акторы, институты, стратегии и ресурсы оказывают наибольшее влияние на ситуацию, в которой действует региональный лидер. Так же, аналогичное наблюдение должно быть направлено и в сторону губернатора. Для того, чтобы определить существующие на том или ином промежутке времени модель лидерства губернатора, необходимо выявить используемые уже им комбинации ресурсов и стратегий.

Помимо всего прочего необходимо учитывать фактор личности губернатора – его биографию, предшествующий политический опыт, систему мотивации. С нашей точки зрения, это имеет немаловажное значение, особенно в свете того, что в российской политической культуре именно на губернатора, как на конкретную личность в значительной степени ориентирована политическая жизнь региона.

Согласно типологии Лапиной – Чириковой модели губернаторского лидерства могут быть разделены на два основных типа: 1) модель власти, где существует одно действующее лицо, контролирующее все промежуточные

шаги и все фигуры за небольшим исключением, в процессе выработки решения (моноцентричная модель). 2) модель власти с основными действующими лицами, принимающими ключевые решения (полицентричная модель).

И та и другая модель имеют как свои достоинства, так и недостатки. К достоинствам моноцентричной модели в первую очередь стоит отнести ее простоту, что облегчает решение некоторых проблем. В рамках данной модели существует лишь один центр власти с которым стоит проводить согласование интересов, что упрощает ее функционирование. Однако, для реализации данной модели у губернатора должна быть сформированная сильная и постоянная команда, на которую он мог бы опереться в качестве поддержки. В противном случае, повышается риск потерять контроль над ситуацией, так как моноцентричная модель не учитывает в должной мере интересы и возможности других фигур управления.

Полицентричная модель власти является более объемлющей, способной охватить наибольшее количество предъявляемых власти интересов. Однако, при всем этом, существует опасность раздробления на множество центров власти и выхода ситуации из-под контроля губернатора. Кроме того, для более эффективного ее осуществления необходимо наличие в регионе субъектов, готовых к цивилизованному партнерству во власти и наличие определенной политической культуры.

В рамках данной статьи предлагается рассмотреть деятельность трех губернаторов Воронежской области, их взаимодействие с основными акторами и по итогам исследования определить соответствующую модель лидерства для каждого из главы региона.

Иван Михайлович Шабанов возглавлял Воронежскую область с 1996 по 2000 г. По мнению Р.Ф. Туровского, Шабанов являлся типичным представителем советской, агрокоммунистической номенклатуры, позиции, которая была традиционна сильна на юге России [4]. Кроме того, нужно отметить, что из рассматриваемых нами персон, Шабанов единственный губернатор, который был коммунистом. Это вполне объяснимо, если учесть, что в середине 1990-х гг., да и сейчас, Воронежская область входит в так называемый "красный пояс" (т.е. область, где сильны позиции левых партий). Однако, прежде чем стать главой области, Шабанов прошел значительную школу старой обкомовской номенклатуры.

В декабре 1996 г. при поддержке КПРФ, Шабанов выигрывает выборы главы Администрации, набрав большинство голосов. Стоит сказать, что по оценкам аналитиков, одержать победу он смог благодаря опоре на протестный электорат. При этом нужно понимать, что к тому времени, значительная часть производств (и прежде всего ВПК) обанкротилась. Многие квалифицированные

рабочие были сокращены, а цеха закрыты. Не легче дело обстояло и с сельским хозяйством. Некогда "столица Черноземья" стала терять свои позиции. Либеральный курс реформ национального правительства, непонятная для большинства населения приватизация, все это вызвало увеличение протестных настроений. И на этой волне победу одержал именно оппозиционный кандидат.

Думается, что именно по этой причине отношения между Шабановым и федеральным Центром не задалась с самого начала и приняли форму конфронтации. Более того, осенью 1998 г. Губернатор высказался за пересмотр итогов приватизации и призвал президента Ельцина уйти в отставку [5]. Само собой, Кремль не оставил такого призыва без внимания. Кроме того, противостояние было и внутри региона – между администрацией области и представителем президента Б. Кузнецовым.

Многолетнее пребывание Шабанова в оппозиции так же сказывалось на его стиле общения со СМИ. Здесь он предпочитал не обращать внимания на критику со стороны журналистов, но всегда с большой охотой шел на контакт с прессой. Более того, после прихода к власти, глава администрации поспешил заявить, что "оппозиции в области больше нет" [6]. Однако, после победы на выборах, оппозиция все-таки начала формироваться уже вокруг самого Шабанова. Основными "поставщиками кадров" для оппозиции стали уволенные им из администрации сотрудники, обвинявшие Шабанова в кумовстве, желании возродить команду обкома КПСС.

Таким образом можно говорить о том, что для Ивана Шабанова была больше свойственна модель полицентричной организации власти. Основной причиной, побудившей сделать нас такой вывод является обкомовское прошлое губернатора. Большинство людей, приведенных им в Администрацию были знакомы с ним еще по КПСС, была команда. Именно эта команда и стала опорой Шабанова в кресле губернатора. Однако, как скоро команда разбежалась, так и самому губернатору стало труднее удерживать власть.

В 2000 г. на пост губернатора Воронежской области был выбран Владимир Кулаков, получив по итогам голосования 59,98% голосов. Кулаков является выходцем из силовых структур. В 1983 – 1987 гг. возглавлял отдел контрразведки в воронежском управлении КГБ. Несколько лет работал в центральном аппарате Комитета Госбезопасности в Москве. В 1991 г. был назначен начальником управления ФСБ по Воронежской области. Здесь сразу стоит отметить, что многие связывали и обуславливали победу Кулакова с работой именно в силовых ведомствах. Именно с начала 2000-х гг., с выстраивания вертикали власти наблюдается вхождение во власть силовых группировок (т.н. "силовиков"). В это же время, финансово-промышленные группировки города переживали не самые лучшие времена. Большинство

предприятий, полученных в наследство от советских времен либо обанкротились, либо попросту закрылись. В этот период сложились основные характеристики взаимоотношения губернатора с финансово – промышленными группами региона. Видимо, здесь играют роль личностные характеристики Кулакова. В период его губернаторства это послужило предпосылкой для оформления особых правил игры, заключавшихся в том, что губернатор находился по отношению к бизнесу на расстоянии. Данная линия выдерживалась им на протяжении всех двух сроков. В данном контексте показателен случай с концерном "Энергия", произошедший в январе 2008 г. На одной из пресс – конференций Кулаков заявил, что "Власти не должны вмешиваться в судебные споры вокруг концерна "Энергия" [7].

Тогда же, сложились основные характеристики взаимоотношений губернатора с законодательной властью. В этом направлении так же подтверждается приверженность губернатора моноцентричной модели. Например, поддержка Кулаковым кандидатуры В. Ключникова на пост спикера областного парламента, "по утверждению источников в обл администрации, направлена на уменьшение амбиции своего зама, претендовавшего либо в председатели областной Думы, либо в члены Совета Федерации. В целом политика господина Кулакова, по версии источников, нацелена на то, чтобы не допускать усиления влияния таких известных фигур, как его первый зам Сергей Наумов и авторитетный бизнесмен, депутат Госдумы Сергей Чижов" [8].

Если с областной Думой губернатор находил точки соприкосновения, то его отношения с исполнительной властью города всегда оставались натянутыми. Это касается как его первого срока у руля области, так и второго, когда их отношения с мэром Б. Скрынниковым иначе как войной не называли. Как видится, это противостояние обусловлено тем, что Кулаков уже тогда лоббировал интересы "Единой России", в то время как Скрынников вошел в состав "Российской партии жизни". Это подтверждает тот факт, что "партячейка "Единой России" объявила о вступлении в кампанию по отзыву Бориса Скрынникова с поста мэра. Таким образом областные власти после победы единороссов на выборах в областную Думу собираются расправиться с главным оппонентом" [9]. Одно ясно точно, ничего хорошего это противостояние ни тому ни другому в конечном итоге не принесло, понизив рейтинг обоих функционеров. "У Бориса Скрынникова "уровень уважения горожан" – 15,4%" [10]. У В. Кулакова в его последний год на посту губернатора рейтинг доверия составлял порядка 50% [11]. Более того, Кулаков сохранил стиль взаимоотношений с исполнительной властью города. И уже в 2008 г. "Воронежский губернатор Владимир Кулаков натянуто рад победе председателя Воронежской гордумы Сергея Колиуха на выборах мэра Воронежа" [12]. Возможно, данное поведение также связано с особенностями личности губернатора. Однако, уже че-

рез некоторое время отрицательное отношение Кулакова к новоизбранному мэру прошло.

Как уже было сказано, губернатор старался держаться на расстоянии от бизнеса, он не занимал ничью позицию. В принципе, думается, что бизнес при нем чувствовал себя достаточно комфортно. А если уж он и обращался к бизнесу, то часто это бывали иностранные компании. Так, одной из самых главных заслуг Кулакова в этой области стало открытие маслоперерабатывающего завода компании "Bunge". Более того, он заложил фундамент сотрудничества с немецким концерном "Siemens", успешно реализованным уже при новом губернаторе.

Таким образом, можно говорить о том, что в период своего губернаторства В. Кулаков придерживался моноцентричной модели лидерства. Памятуя о его "силовом" прошлом не удивляет то, что он избрал именно такую модель. Его стиль характеризует весьма сильное доминирование над политической элитой региона, однако он никогда не вступал в открытое противостояние с элитой Федерации, всегда оказывая последней поддержку. Находясь на руководящих постах в силовых структурах еще в советское время В. Кулаков усвоил военную субординацию, где приказы не обсуждаются, а исполняются. В то же время со своих подчиненных он требовал такого же исполнения. Однако, стоит сказать, что этот тип не способствует формированию консенсусной культуры внутриэлитных отношений, что подтверждает "оторванность" губернатора от регионального бизнеса.

12 марта 2009 г. А. В. Гордеев принял присягу и вступил на пост губернатора Воронежской области. Основной особенностью данного события стало то, что Гордеев стал одним из "назначенцев" президента на данный пост. Более того, внимание обращало на себя и министерское прошлое новоиспеченного губернатора, который без малого десять лет кряду (1999 – 2009) являлся министром сельского хозяйства РФ. Стоит отметить, что введение института назначения губернатора повлекло за собой снижение уровня зависимости регионального лидера от поддержки региональных элит, повышение ответственности перед президентом и утрату прямой зависимости получения губернатором должности от общественной поддержки.

В сентябре 2009 г. Гордеев "пообещал президенту РФ Дмитрию Медведеву вывести регион в 30-ку лучших в стране за 5 лет, а за 10 в 15 лучших" [13]. Задача весьма сложная, однако уже сегодня новый воронежский губернатор демонстрирует последовательность в выполнении заявленных при его утверждении целей и незаурядный динамизм. Очевидно, это он может сделать только за счет модернизации областной экономики. Именно с новыми или модернизированными производствами он сможет создать новый привлекательный имидж области. Но он один все это не сможет сделать, должна сформиро-

ваться его команда, команда, четко реализующая программу развития.

И данную команду Гордеев начал собирать. Однако, по мнению независимых экспертов, команды, в полном смысле слова у губернатора пока нет. "Стиль управления Гордеева близок к политическому моноцентризму и ориентирован, скорее на режим личной ответственности. Губернатор пытается в одиночку переломить ситуацию, изменить ее к лучшему, но один в поле не воин. Пока еще нельзя говорить о его команде, только об окружении, а вот команды в положительном смысле слова пока нет" (сотрудник администрации г.Воронеж) [14, с.57].

Однако, не смотря на это, состав Правительства, собранного А.В. Гордеевым занял, безусловно, более доминирующие позиции в региональном политическом пространстве, нежели команда его предшественника. Более активно стал использоваться административный ресурс.

Кроме того, сразу после вступления в должность губернатора А.В. Гордеев продемонстрировал свой интерес к региональным элитам. Он создал группу из 12 авторитетных в области людей для разработки новой структуры исполнительной власти. В ее состав вошли председатель ЦЧБ Сбербанка РФ Александр Соловьев и спикер областной Думы Владимир Ключников, чьи подчиненные номинированы на ключевые посты в обл. администрации, а также гендиректор ЗАО "Воронежстальмост" Владимир Боровиков, глава Лискинского района Виктор Шевцов, ректор Воронежского государственного архитектурно-строительного университета, замсекретаря политсовета партиячейки "Единой России" Игорь Суворовцев, академик Российской академии наук Николай Чернышов, первый замгендиректора концерна "Созвездие" Василий Борисов [15].

Стоит отметить, что взаимодействие губернатора с законодательной властью обусловлены и тем, что в формировании и функционировании данной ветви власти активное участие принимают финансово – промышленные группировки области. Стоит сказать, что бизнес лобби от созыва к созыву наращивает свое присутствие в областной Думе. В ходе последних двух избирательных циклов бизнес "завоевывал" воронежскую областную легислатуру. Если в четвертом созыве Законодательного собрания из общего числа депутатов только 22 являлись представителям бизнеса в целом, то уже в пятом созыве их представительство возросло до 32 человек. В свою очередь, в четвертом созыве из этого числа было 17 человек, представляющих производственную сферу, а в пятом уже 25. С 1 до 3 увеличилось представительство развивающегося строительного бизнеса. Однако, некоторые депутаты областной Думы связывают такое внимание со стороны губернатора с его моноцентричной моделью управления. "Все процессы в областной политике теперь управляются из одного центра жесткой рукой Алексей Васильевича. Других альтернатив быть не может, а те, что появляются –

уничтожаются на корню. Так и стоит аграрию поступать с сорняками" (депутат областной Думы) [14, с.59].

Представляется, что данные правила, которым должны следовать ФПГ диктуются, прежде всего, необходимостью вывести область на новый уровень развития. Попросту, губернатору необходимо избавиться от дискредитировавших себя элементов старого режима. Думается, что это решение наиболее правильное, да и сам Гордеев, как политик Федерального уровня, так или иначе, имеет определенный (и скорее всего не малый) опыт в плане выстраивания отношений и поиска точек соприкосновения.

Одновременно с этим, не будучи выходцем из какой либо местной бизнес группы, Гордеев имеет определенную степень свободы действий по отношению к воронежским ФПГ и тот тон, который он принес в региональную жизнь, оказался многим непонятен и неприемлем. "Не следует забывать, что на уровне министерства всегда и во всех случаях есть только один начальник. В регионе и самому начальнику, с учетом, что много избираемых и встречаются олигархи следует выстраивать отношения как по вертикали, так и по горизонтали" (представитель бизнес – сообщества) [14, с.65]. В частности, можно отметить ревизию областной и муниципальной собственности, инициированную губернатором. В результате, новый руководитель имущественного департамента области вскрыл факты увода двух зданий в центре Воронежа, госпакетов акций ОАО "Воронежоблхимчистка", "Рембыттехника", "Воронежсельхозхимия". Думается, Гордеев понимал, что в данном случае столкнется с противодействием бизнес – структур, поэтому в данном случае позволил себе использовать еще один из видов ресурсов, а именно федеральный. Он встретился в Москве с Генпрокурором РФ Юрием Чайкой, и они наметили совместные меры по контролю эффективности использования областного, муниципального имущества и соблюдения законодательства о земельных отношениях в регионе.

Вскоре после этой встречи в отношении главы Эртильского района Николая Парахина было возбуждено уголовное дело за превышение должностных полномочий. Это должно было явиться показательным шагом для всей воронежской элиты (как политической, так и бизнес). Кроме того, большую огласку получил случай с одним из владельцев "Рудгормаша" и депутатом областной Думы А.Чекменёвым, который подозревается в мошенничестве в особо крупном размере и был заключен под стражу. По выражению эксперта центра политконъюнктуры России Оксаны Гончаренко: "Воронежские элиты традиционно раздроблены, а политикой тут часто занимаются представители крупного бизнеса. Губернатор-варяг не имел шансов полностью консолидировать власть. Его задача – минимизировать раскол и найти больше союзников" [16].

Однако, при всем при том, согласно опросу населения, который проводился с 10 по 17 марта 2010 года "Более половины воронежцев (51%) удовлетворены работой губернатора области Алексея Гордеева. 19% участников опроса считают, что губернатор "занимается не тем", 15% полагают, что глава области "оправдал надежды с некоторыми оговорками". По 7% набрали варианты ответов "пока сложно оценить" и "не оправдал надежды" [17].

И действительно, еще никто из воронежских губернаторов не был так оперативен, как Гордеев. В отношениях с Федеральным центром А. Гордеев придерживается линии лояльности. Он стал одним из первых и уж точно самым ярким чиновником федерального уровня, возглавивших регион России. Более того, губернатор использовал свои министерские "завязки" для привлечения иностранного капитала и инвестиций.

Так же, особое внимание действующий губернатор уделяет региональным средствам массовой информации. На данный момент информационный ресурс является одним из приоритетных. Более того, Гордеев пошел на контакт с жителями города, открыв в интернете свой собственный блог. К тому же, губернатор взял за правило посещать в неделю как минимум два сельских района,

чтобы быстрее вникнуть в проблемы региона, что до него не приходило в голову ни одному воронежскому губернатору.

Таким образом, можно сказать, что свое губернаторство А. Гордеев начал с того, что пошел по пути модели лидерства, которое однозначно определяется как моноцентричное.

В заключении хотелось бы отметить, что модель осуществления губернаторской власти в Воронежской области эволюционировала от полицентричной (при Шабанове) к моноцентричной (при Гордееве). Во многом это связано с личностными особенностями каждого из губернаторов. Так же, отсутствуют сомнения в том факте, что большую роль в выстраивании той или определенной модели играет и сама биография руководителя области, его политическое прошлое. Как фактор, влияющий на выбор типа лидерства возможно отметить и общую политическую обстановку в стране, наличие или отсутствие сильной центральной власти. Более того, анализ показывает, что чем более тот или иной губернатор чувствует поддержку Кремля, тем "авторитарнее" избранная им модель осуществлен.

ЛИТЕРАТУРА

1. Лапина Н. Ю., Чирикова А. Е. Региональная власть и реформа российского федерализма: сценарии политического будущего // Полис. – 2000. – №5. – С.16
2. Гаджиев К. С. Политическая наука: Пособие для преподавателей, аспирантов и студентов гуманитарных факультетов. М: Международные отношения, 1994. С.121.
3. Гельман В. Я. Региональная власть в современной России: институты, режимы, практики // Полис. – 1998. – №1. – С.85–107.
4. Туровский Р. Ф. Воронежская область: экономика, партии, лидеры // Власть. – 1995. – №3. – С.64.
5. Павлов А. Иван Шабанов: какие наши годы // Коммуна – 2009 – 17 октября – С.2
6. Кабанов П. А. Остров невезения. Воронеж, 2009. С. 271
7. Воронежский губернатор считает, что власти не должны вмешиваться в судебные споры вокруг концерна "Энергия" URL: http://vrnnews.ru/news_type/index.php?type=2&id=2099
8. Местных разбавили столичными // Коммерсант Черноземье – 2005. – 9 сентября. – №169
9. Диденко Л. Борис Скрынников доказал в облсуде несостоятельность оппонентов // Коммерсант Черноземье – 2005. – 26 марта. – №53
10. Старых Н. Мэры Воронежа. Вчера, сегодня, завтра // Коммуна. – 2007. – 7 августа. – № 117.
11. Книга перемен: четыре новых главы // Российская газета. – 2009. – 29 января. – №4837.
12. Владимир Кулаков поздравил Сергея Колиуха с победой на мэрских выборах URL: http://vrnnews.ru/search/index.php?p=10&dir=0&query=%CA%F3%EB%E0%EA%EE%E2&cDay_s=2008%2F0
13. Воронежский губернатор Алексей Гордеев пообещал президенту РФ вывести регион в 30–ку лучших за 5 лет URL: <http://www.abireg.ru/?idnews=5480>
14. Аналитический обзор "Политические ресурсы воронежской области" // Межрегиональная служба общественного надзора Воронежской области. Воронеж: 2010.
15. Червааков А. Алексей Гордеев доверился местным // Коммерсантъ. – 2009. – 26 марта. – № 53
16. Тимошинов Е. Работа пуще неволи // Коммерсантъ. – 2009. – 23 декабря – № 240.
17. Губернатор Алексей Гордеев оправдал надежды более половины воронежцев URL: <http://www.voronezh.net/news/voronezh/details2406.html>

СУБЪЕКТЫ И ОБЪЕКТЫ МИГРАЦИОННОЙ ПОЛИТИКИ КАК ПРЕДМЕТ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО АНАЛИЗА

SUBJECTS AND OBJECTS OF MIGRATION POLICY AS A MATTER OF SOCIOLOGICAL ANALYSIS

Yu. Ahatov

Annotation

Immigration policy as an independent system, consisting of management and managed subsystems. In the control system includes: legislative, executive, judicial authorities, federal, national, regional levels forming the goals and objectives of migration policy. Due to the fact that the study of the controlling subsystem is more concerned with political and legal science needs sociological analysis facilities management, the most important elements of the control object migration supports the migration flow, migrants, diaspora.

Keywords: Migration policy, the subjects and objects of migration policy, control subsystem, control subsystem, the migratory flow, the migrant, the social status of migrants, diaspora.

Ахатов Юрий Касфатович

Аспирант Сахалинского

Государственного Университета.

Институт истории,

социологии и управления

Аннотация

В статье миграционная политика рассматривается как самостоятельная система, состоящая из управляющей и управляемой подсистем. В управляющую систему входят: законодательные, исполнительные, судебные органы власти, федерального, республиканского, регионального уровней формирующие цели и задачи миграционной политики. В связи с тем что, изучением управляющей подсистемы в большей мере занимаются политические и юридические науки, необходим социологический анализ объектов управления, наиболее важными элементами системы объекта управления миграцией населения выступает миграционный поток, мигранты, диаспоры.

Ключевые слова:

Миграционная политика, субъекты и объекты миграционной политики, управляемая подсистема, управляющая подсистема, миграционный поток, мигрант, социальный статус мигранта, диаспора.

Рассматривая миграционную политику в контексте социологии управления, как отдельную самостоятельную систему, можно выделить в ней управляющую и управляемую подсистемы.

К управляющей подсистеме относятся все элементы, обеспечивающие процесс целенаправленного воздействия. В неё входят: общественные и гражданские институты власти – назовём их субъектами управления. Прослеживая тождественность понятий субъекты управления и государственные органы (государственные органы в области миграционной политики). [5]

Автор статьи предлагает, под государственными органами миграционной политики понимать собирательный термин, который может быть использован для обозначения всех субъектов государственно-управленческой деятельности, включая субъекты исполнительной власти, а также органы управления, действующие за пределами практической реализации исполнительной власти (например, исполнительные органы системы местного самоуправления, органы управления общественных объединений). Таким образом, к субъектам органов государственной власти можно отнести: законодательные, исполнительные, судебные органы власти, федерального, республиканского, регионального уровней формирующие цели, задачи миграционной политики – опираясь на созданную нормативно-правовую базу с последующим

отчётом перед обществом об эффективности миграционной политики в повременным периодам.

К управляемой подсистеме относят все элементы системы управления в целом, которые непосредственно находятся под воздействием решений в области управления миграционной политикой. Основообразующими частями управляемой системы, помимо органов исполнительной власти являются: миграционный поток, мигранты и диаспоры.

Одним из важных элементов системы объекта управления миграцией населения выступает миграционный поток, т.е. определенная социальная общность мигрантов, объединенная едиными интересами, целями, действиями и наступающими результатами. Под миграционным потоком необходимо понимать группу лиц, хотя и обладающих различными правовыми статусами, но объединенных по характеру направленности, единому правовому основанию и обстоятельствам, побудившим перемещение в определенных территориальных пространствах на постоянное, длительное или непродолжительное время для реализации индивидуального, но однотипного для всех интереса и потребности. [6]

К основным механизмам реализации государственного управления миграционными потоками можно отнести следующие:

- ◆ разработку механизмов стимулирования территориального перераспределения экономически активного населения для обеспечения сбалансированности региональных рынков труда;

- ◆ определение территорий, населенных пунктов, перспективных и неперспективных для расселения мигрантов, и разработка мер по созданию и поддержке системы рабочих мест и основных условий для жизнеобеспечения населения;

- ◆ использование ротационной системы формирования трудовых ресурсов в регионах с экстремальными природно-климатическими условиями, с учетом потребностей производства, широкое применение вахтового метода ведения работ.

- ◆ регулирование миграционных потоков на основе совершенствования межбюджетных отношений, проведения инвестиционно-кредитно-финансовой политики.

- ◆ формирование эффективных механизмов оценки в потребности в иностранной рабочей силе.

- ◆ совершенствования механизма квотирования как инструмента регулирования привлечения иностранной рабочей силы и защиты национального рынка труда, развитие иных механизмов регулирования численности иностранных рабочих.

- ◆ совершенствования системы миграционного контроля, разработке и принятию программ противодействия незаконной миграции. [8]

Опираясь на социологические исследования и имея мониторинг качественных параметров миграционных процессов, государство может и должно влиять на структуру потока мигрантов.

Миграционный поток – это не только статистически значимая величина, но и чрезвычайно разнообразная совокупность в структурном отношении. По структуре миграционный поток может быть разделен по полу и возрасту мигрантов, их семейному состоянию, национальности, времени проживания в районах выхода, образованию, профессиям и т.д. Таким образом, миграционный поток можно определить как совокупное число мигрантов (или миграций), имеющих общие районы прибытия и выезда в течение данного отрезка времени. [15]

Типология мигрантов позволяет характеризовать структуру миграционных процессов и входит в предметное содержание исследований миграции.

1. Эксперты ООН выделяют для анализа международных миграционных движений пять категорий мигрантов:

- ◆ иностранцы, допущенные в страну въезда для получения образования и обучения.

- ◆ мигранты, въезжающие на работу.

- ◆ мигранты, въезжающие по линии объединения семей и создания новых семей.

- ◆ мигранты, въезжающие на постоянное поселение.

- ◆ иностранцы, допущенные в страну въезда по гуманитарным соображениям (беженцы, лица, ищущие убежища и др.).

2. Типология, предложенная рядом зарубежных исследователей базирующаяся на причинах и мотивах миграции подразделяет мигрантов на:

- ◆ мигрантов, стремящихся избежать чрезвычайной бедности и безработицы (мигранты выживания).

- ◆ мигрантов, стремящихся увеличить свой доход и уровень жизни (мигранты поиска возможностей).

- ◆ людей, убегающие от преследований (из-за войн или политических преследований).

- ◆ мигранты, избегающие экологического кризиса или прогрессирующей деградации окружающей среды.

3. Для анализа миграционных перемещений с позиций Европейского Союза эксперты предлагают классификацию категорий мигрантов с точки зрения гражданского статуса, выделяя три категории:

- ◆ подданные данной страны.

- ◆ подданные Европейского Союза.

- ◆ иностранцы. [16]

Существуют различные критерии определения типов мигрантов. Наиболее часто в современных исследованиях используются следующие критерии: [12]

- ◆ социальный статус мигранта;

- ◆ национальная принадлежность;

- ◆ принадлежность к типу поселения (городские и сельские мигранты);

- ◆ причины миграции;

- ◆ цель миграции.

В социологическом понимании мигранты представляют социальные группы, члены которых позиционируют себя целостным субъектом поведения на новом месте жительства и обладают чувством групповой солидарности. Протекание миграционных процессов в социальных группах различны, как различны при этом пути и средства внутригруппового взаимодействия.

Социальный статус мигранта есть определенное положение индивида в обществе, которое он занимает как представитель социальной группы, класса, национальности, пола, возраста или религии. Социальный статус мигранта определяется совокупностью его прав и обязанностей и может быть достигнутым или предписанным.

Социальный статус является достигнутым если выбор и обретение его происходит добровольно в силу самостоятельных решений и свободных действий личности.

Предписанный социальный статус мигрант приобретает, если миграция совершается под давлением неотвратимых обстоятельств, в силу тех или иных внешних по

отношению к личности действий, создающих ситуацию вынужденности в перемещении.

Кроме этого социальный статус мигранта включает его правовую определённость, что предопределяет его к юридически (всемирно) признанным категориям, таким как трудовой, незаконный, низко квалифицированный мигрант и т.д., а также социальные гарантии и возможности, такие как оказание медицинских услуг и возможность обучаться в учебных заведениях. Формализованную и неформальную ответственность в связи с нахождением мигранта на определенной территории вселения и в определенном социальном пространстве принимающего социума. При этом приобретённый социальный статус мигранта подвержен изменению в процессе переселения. Его изменение обусловлено переходом индивидов и социальных групп из одних социальных слоев в другие в результате смены ими места жительства работы, ценностно-потребностными характеристиками мигранта и встречающей его социальной среды.

Жизненные проблемы, возникающие перед множеством людей в процессе миграционных перемещений, приводят к развитию процессов социальной мобильности, которые предоставляют мигранту возможность изменить своё статусное положение в лучшую сторону. При этом характерны разные пути и средства внутригруппового взаимодействия, заметно изменяющиеся во времени и пространстве, они дают право рассматривать миграцию как один из видов социальной мобильности, а то есть миграционную мобильность.

Национальный состав мигрантов можно охарактеризовать с учётом этнокультурных особенностей. Которые вследствие исторического формирования во многом определяют предрасположенность к миграции представителей тех или иных этносов, а также стремление к определенному типу расселения на новой территории.

При компактном поселении миграционных этнических групп их прежние социальные связи и отношения сохраняются длительное время и могут видоизменяться в связи с приобретением ими новых социальных статусов и социальных ролей. Рассредоточиваясь по новой территории, представители этнических групп теряют прежние социальные связи, что служит основанием для поиска новых, но уже с представителями других этносов. [12] Следствия этих процессов оказывают на принимающий их социум и его социальную систему весьма существенные воздействия, порой полностью меняя ее социокультурное содержание.

Учет этих моментов крайне необходим в разработке и принятии управленческих решений при государственном этнокультурном планировании современных миграций.

Идентифицируя социальную мобильность с миграционной мобильностью при исследовании типов мигрантов

необходимо рассмотреть горизонтальную мобильность как фактор перехода индивида из одной социальной группы в другую, расположенную на одном и том же уровне. При этом разновидностью горизонтальной мобильности служит географическая мобильность. Примером может служить переезд из города в деревню, и из деревни в город. Если к перемене места добавляется перемена статуса, то географическая мобильность превращается в миграцию. Если деревенский житель приехал в город, чтобы навестить родственников, то это географическая мобильность. Если же он переселился в город на постоянное жительство и получил здесь работу, то это уже миграция. [4]

Различие в уровне и качестве жизни между городскими и сельскими жителями является определяющим мотивационным фактором, влияющим на миграционное перемещение сельского населения в город. Сегодня практически две трети городских жителей составляют вчерашние жители села. При этом сельские мигранты в городе длительное время сохраняют многие признаки сельского образа жизни. Как правило, из сельских поселений уезжает самое молодое, образованное население, и возникают серьезные проблемы в самом развитии сельских поселений и отраслей экономики, связанных с ними. В результате разрушаются устойчивые социальные связи в селе, что постепенно уничтожает сельскую культуру и стимулирует дальнейший отток селян в город.

Характерными мотивами миграции являются:–

- ◆ стремление получить профессию.
- ◆ продолжить образование.
- ◆ желание улучшить социально-бытовые условия.
- ◆ семейные обстоятельства.
- ◆ стремление быть там, где больше молодежи.
- ◆ нежелание заниматься сельскохозяйственным трудом.

трудом.

При всей привлекательности городского образа жизни настоящее время наметалась тенденция в том, что чем выше социальный статус человека или социальной группы, тем дальше от города он стремится жить. Тем самым идёт пополнение маятниковых мигрантов, которые живут в селе, а работают в городе.

Исследование причин миграции в социологической периодике отводится особое место. В связи с этим характеристика мигрантов через анализ причин миграции является одним из основных направлений государственного регулирования в сфере миграционной политики. Как отмечает Т.И. Заславская причины миграции лежат в закономерностях развития производства и в потребностях, интересах, стремлениях людей, что формирование намерений мигрировать зависит, с одной стороны, от внешних стимулов, а с другой – от особенностей индивида. [10] Такой же подход и в работах Д.И. Валентя и Б.С. Хорева, по мнению которых комплекс причин миграции обуславливается и требованиями производства, и территориаль-

ными различиями в уровне жизни населения, и потребностями личности. [11] Обобщая высказывания приведённых ученых, можно проследить связь между собственно причинами переселения и целями мигрантов участвующих в миграционных процессах. В связи с этим возможно изучение причин и целей миграционного поведения людей с позиции мотиваций, побуждающих участвовать в миграционных процессах.

Придерживаясь мнения о том, что миграция сама по себе является процессом, состоящим из множества миграционных событий, на каждом этапе которого возникают различное множество мотиваций влекущих за собой то или иное изменение в жизни мигранта, вряд ли можно с определённой уверенностью четко выделить какой либо один главный мотив переселения. Однако преобладание того или иного мотива в процессе миграционных событий установить возможно. Многообразие мотивов миграционного поведения можно про дифференцировать на две группы: объективные (внешние) и субъективные (внутренние).

К объективным мотивам можно отнести – экономические, социальные, политические, национальные, религиозные, семейные, экологические, идеологические все те, которые возникают в процессе влияния на индивида внешних факторов, проявляющихся путём воздействия на него окружающих социально-экономических, политических и культурных сред.

Вторую группу объединяют психологические мотивы. Мотивы, влияющие на модель поведения и психическое состояние человека. Психологические мотивы позволяют понять механизмы взаимосвязи и взаимодействия между собой всех психологических процессов и структурных изменений в психике индивида. То есть тех мотивов, которые обеспечивают сохранение основных мотивационных посылов на миграцию при воздействии постоянно изменяющихся внешних факторов обуславливающих миграционное поведение.

По нашему мнению наиболее значимыми являются экономические мотивы. Мотивы экономического характера кроются в различном экономическом уровне развития, как отдельных регионов, так и различных государств. Мигранты стремятся переехать из стран с низким уровнем жизни в страны с более высоким уровнем и условиями проживания.

Существенным экономическим фактором, определяющим миграцию рабочей силы, является наличие безработицы в странах исхода. Миграции населения начинают прогрессивно возрастать вследствие национальных различий в условиях заработной платы за ту или иную профессиональную деятельность.

Одной из наиболее массовых форм экономической миграции является трудовая. Трудовые мигранты пред-

ставляют временный вид экстерриториальной мобильности, не предполагающей постоянного закрепления на новом месте работы и жительства. Следовательно, стремление людей к благополучию и достатку, бытовому комфорту во многом обуславливает экономическую мотивационную основу миграций.

Следующими в когорте внешних наиболее определяющих мотивов миграции прослеживаются политические мотивы. Как правило, политические мотивы приводят в действия механизмы вынужденной и международной миграции. Политическая ситуация возникшая с распадом СССР привела к возникновению политических мотивов переселения мигрантов из стран Балтии и ряда Среднеазиатских республик. Негативные тенденции в связи с национальными конфликтами детерминировали появление миграционных потоков, представленных вынужденными переселенцами и беженцами. В результате в мотивационной структуре многих вынужденных мигрантов стало прослеживаться наличие политических мотивов, которые повлияли на смену места жительства.

Социальные мотивы играют далеко не последнюю роль в миграционной активности населения. Анализ возросших миграционных перемещений особенно внутри Российской Федерации вызванный деформацией социальной инфраструктуры и выразившейся в прекращении строительства жилья, развалом объектов социально-культурного назначения, закрытием организаций здравоохранения, образования и дошкольного воспитания показывает выраженный вектор предпочтений населения. Вектор направлен на стремление в получении достойного образования, медицинских услуг, в повышении уровня и качества жизни, социального статуса за пределами своего населенного пункта, зачастую и региона который предопределяет массовую миграцию населения из мест постоянного проживания.

Не уступают по значимости и экологические мотивы миграционных перемещений, а во многих случаях на наш взгляд они являются решающими в смене места жительства, особенно если место проживания связано с резко меняющимися природными и климатическими условиями, способными привести к стихийным бедствиям и вызвать техногенные катастрофы.

В качестве примера можно привести землетрясение произошедшие 5 ноября 1952 года в 130 километрах от побережья Камчатки, которое привело к образованию цунами. Три волны высотой до 15–18 метров уничтожили город Северо-Курильск и нанесли ущерб ряду прочих населённых пунктов. По официальным данным погибло 2336 человек.

В мае 1994 г. произошло сильнейшее землетрясение на острове Сахалин. В результате был полностью разрушен город, Нефтегорск, погибло 1995 человек.

2 августа 2007 из за произошедшего землетрясения был практически разрушен г. Невельск. Повреждено 79 жилых домов (1601 квартира, в них проживало 3242 человека), 8 административных зданий и 6 объектов социального назначения. Пострадало 13 человек, из них погибло два человека. Всего в зоне землетрясения оказалось 55 тыс. человек.

Обострение экологического останковки и нежелание местных жителей находится в зоне бедствия, вызвало волну внутриобластных и межрегиональных миграционных перемещений, что привело к увеличению так называемых экологических беженцев.

Рассмотренные выше мотивы миграции, вызванные воздействием объективных факторов чаще всего осознаются самим мигрантом, поскольку обусловлены видимыми, четко выраженными факторами. Сложнее выявить мотивы неосознанные, прячущиеся порой за теми, которые, на взгляд мигранта, являются главными.

Классифицировав мигрантов и выявив наиболее характерные причины миграции, в результате которых формируется мотивированное поведение можно прийти к выводу, что субъекты управленческой деятельности, применяя различные рычаги управления, воздействуют на сознание, поведение, деятельность людей участвующих в процессе миграционных перемещений, в определенных временных и пространственных пределах.

Разделяя мигрантов на вынужденных, незаконных, трудовых ит.д., в зависимости от форм и методов достижения социально значимого и определенного результата – воздействие дифференцируется исходя из видовой характеристики самого мигранта. В этом проявляется механизм реализации государственного управления, который схематично можно представить так: "потребности – интересы – цели – решения – действия – результаты". [2]

Особым элементом системы объекта управления являются диаспоры. Под понятием диаспора принято понимать – устойчивую совокупность людей единого этнического или национального происхождения, живущая за пределами своей исторической родины и имеющая социальные институты для поддержания и развития своей общности. [13]

Стремительный рост иммигрантских сообществ и их институционализация заставили заговорить о "диаспоризации мира" как об одном из сценариев развития человечества. Данный процесс углубляется и принимает все новые и новые формы, а роль диаспор и их влияние усиливаются.

Увеличение объёмов миграционных перемещений идет параллельно с консолидацией иммигрантских этнических сообществ. Оказавшись на новом месте в не зна-

комых для себя условиях, переселенцы, как правило, стремятся объединиться, чтобы не только выжить, но и сохранить свои обычаи, традиции, язык в чуждой для них, зачастую весьма враждебной этнокультурной среде.

Как правило, привлекательность диаспоры для эмигранта во многом определяется тем, что диаспоры берут на себя функцию социальной защиты конкретных эмигрантов, помогают им интегрироваться в новую социальную среду.

Диаспоры оказывают серьезное влияние на принимающие страны. Они меняют их демографическую структуру, этнический и конфессиональный состав. Диаспоры не только сохраняют свои традиции, обычаи, обряды, но зачастую и навязывают обществу чуждые для него ценности. Возрастает воздействие диаспор не только на внутреннюю, но и на внешнюю политику принимающих стран, поскольку крупные транснациональные диаспоры, располагающие значительными финансовыми ресурсами, активно лоббируют интересы тех стран, которые еще недавно были для них родиной и с которыми они имеют тесные связи.

С.А. Арутюнова высказывает мнение, что:– "если учесть постоянный рост числа диаспор, их динамизм, активные экономические, политические связи, лоббизм вплоть до самых "верхних этажей" – и в странах "исхода", и в принимающих странах, то роль их в современном мире переоценить невозможно" [1]

Диаспоры оказывают существенную политическую и экономическую поддержку своим странам, формируя привлекательный образ исторической родины в мире, способствуя созданию благоприятных условий для торговли, экономической помощи, пониманию в мире политики своей страны.

"Процесс образования диаспор принял уже столь значительные масштабы, что в мире, очевидно, уже невозможно найти страну, где не существовало бы диаспоры другого народа, равно как и страну, выходцы из которой не образовывали бы хотя бы небольшой диаспоры в какой-либо другой стране или нескольких странах"

Согласно существующим экспертным оценкам, на территории стран ближнего и дальнего зарубежья насчитывается более 29 млн. человек, чьей исторической родиной является Россия (а также их прямые потомки, не являющиеся гражданами России, но признающие свою духовную или культурно-этническую связь с Россией). [14]

Таким образом, Российская диаспора – это выходцы из России и Союза ССР, а также их прямые потомки, не являющиеся гражданами РФ и признающие свою духовную или культурно-этническую связь с РФ или любым из ее субъектов. [7]

При этом отнесение тех или иных лиц к Российской диаспоре в соответствии с принятой Государственной Думой Российской Федерации декларации – "декларация о поддержке российской диаспоры и о покровительстве российским соотечественникам". [3] Стало заметным шагом на пути законодательного формирования понятия "соотечественники".

Оценивая численность соотечественников находящихся за рубежом, эксперты приводят следующие цифры:

- ◆ в странах ближнего зарубежья (СНГ и Балтии) – в 18,0 млн. человек.

- ◆ в странах дальнего зарубежья – в 11,0 млн. человек.

В том числе:

- ◆ в странах Европы – 5 млн. человек.

- ◆ в странах Северной и Южной Америки – 4,5 млн. человек.

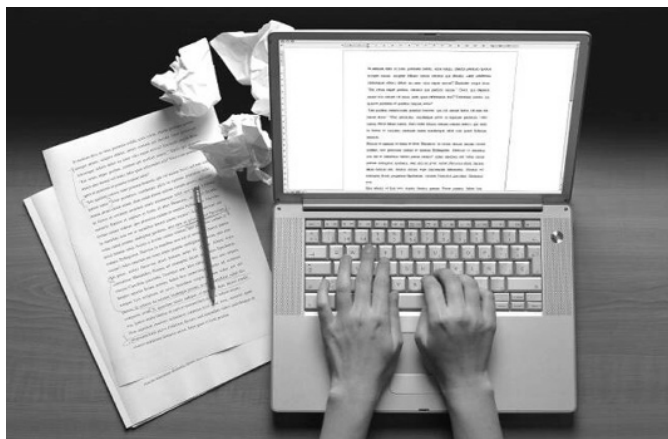
- ◆ в странах Азии – 1,4 млн. человек.
- ◆ в Австралии и Океании – 0,2 млн. человек.
- ◆ в странах Африки – 0,02 млн. человек. [9]

В настоящее время проводимая государством внешняя политика невозможна без эффективного взаимодействия с соотечественниками и диаспорами. Соотечественники сохраняющая свою национальную идентичность, связь с родиной, начинают действовать в интересах исторической родины – укрепляя её связи со странами проживания, внося позитивный вклад в повышение её авторитета на международном уровне.

Позиция государства в вопросе взаимоотношений становится все более взвешенной и активной. Государственная власть Российской Федерации начинает понимать, что наличие влиятельной и консолидированной российской диаспоры за рубежом отвечает национальным интересам России.

ЛИТЕРАТУРА

1. Арутюнов С.А., Козлов С.Я. Диаспоры: скрытая угроза или дополнительный ресурс //Независ. газ.– М., 2005.– 23 нояб.
2. Атаманчук Г.В. Указ. соч. – С. 88–89.
3. Государственная дума Федерального собрания от 8 декабря 1995 г. N 1476-I ГД //Декларация о поддержке российской диаспоры и о покровительстве российским соотечественникам//Предпринимательское право: Режим доступа: http://www.businesspravo.ru/Docum/DocumShow_DocumID_35720.html.
4. Добренков В.И., Кравченко А.И. Социология: В 3 т. Т. 2. Социальная структура и стратификация. М.: ИНФРА-М. 2000. – С. 236.
5. Единая терминология, определяемая переходом к системе разделения властей, еще окончательно не сложилась. Так, действующее законодательство Российской Федерации, наряду с широким использованием термина "органы исполнительной власти", нередко содержит упоминания об "исполнительных органах", о "государственных органах управления" и т.п. Административное право и управление. 1.1.3. Исполнительная власть: механизм, соотношение с государственным управлением. Режим доступа: <http://www.bibliotekar.ru/administrativnoe-pravo-6/3.htm>
6. Жеребцов А.Н. Миграционные потоки как объекты миграционной политики России// Закон и судебная практика: Материалы межвузовской научно-практической конференции. Краснодар. 2000.– С. 35.
7. Иванец Г.И., Калинин И.В., Червонюк В.И. Энциклопедический словарь Конституционное право России// Под общей редакцией В.И. Червонюка. – М.: Юридическая литература, 2002.
8. Концепция Государственной миграционной политики Российской Федерации до 2025г. "Российская газета" – Федеральный выпуск №5806 (133). Режим доступа: <http://www.rg.ru/2012/06/14/romadonovskiy.html>
9. Косоуров В.С. Отчет о результатах контрольного мероприятия "Аудит эффективности использования средств федерального бюджета, направленных на реализацию Программы работы с соотечественниками за рубежом в 2006–2008 годах. 2010. № 9 (153). – С. 92.
10. Миграция сельского населения // Под ред. Т.И. Заславской. – М., 1970.
11. Проблемы миграции и трудовых ресурсов. М. 1970.
12. Романов И.А. Государственное регулирование миграционных процессов в современной России. Диссертация на соискание учёной степени доктора социологических наук: 22.00.08. Москва. 2007. – С.71.
13. Социология: Энциклопедия // Сост. А.А. Грицанов, В.Л. Абушенко, Г.М. Евелькин, Г.Н. Соколова, О.В. Терещенко., 2003 г. Социальные институты– крупные сферы социальной жизни или социальные подсистемы, организованные для удовлетворения потребностей людей. Гулина М.А. Словарь справочник по социальной работе, 2010.
14. Чепурин А.В. Три кита российской диаспоральной политики. Россия в глобальной политике. 2009. № 3. –С. 127.
15. Юдина Т.Н. Миграция: словарь основных терминов: Учебное пособие. – М.: Издательство РСГУ. Академический Проект, 2007. – С. 472.
16. Юдина Т.Н. Социология миграции: Учебное пособие для вузов. – М: Академический Проект, 2006. – С. 235

Ahatov Yu.

Graduate student, Sakhalin State University. Institute of History, Sociology and Management

e-mail : gorasah@mail.ru

Astafyeva O.

Fil.n. Dr., Professor, Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of Russian Federation

e-mail : onastafieva@mail.ru

Boyarskiy P.

Doctor of Historical Sciences, Candidate of Physical and Mathematical Sciences, Associate Director of the Russian scientific research institute of the cultural and natural heritage named after D.S. Likhachev

e-mail : nord.pb@mail.ru

Ermolov E.

Researcher, National Park "Russian Arctic"

e-mail : pressee@yandex.ru

Gavrilo M.

PhD, Deputy. Director of Science, the National Park "Russian Arctic"

e-mail : m_gavrilo@mail.ru

Gavrov S.

Ph.D., Senior Research Fellow, Russian Institute for Cultural Research, Moscow

e-mail : gavrov64@mail.ru

Kamirova A.

Ph.D., Vice-Rector for socio-economic development, head of the humanitarian and socio-economic disciplines, Petrozavodsk State Conservatory. AK Glazunov

e-mail : kamirova1@yandex.ru

Kashina M.

Associate Professor, North-West Management Institute – a branch of the Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of Russia, St. Petersburg

e-mail : kashina_soc@inbox.ru

Komarovskaya L.

Early. Department of Socio-Cultural Design Culture Ministry of the Arkhangelsk region

e-mail : komarovskaya@dvinland.ru

Kuliev A.

Art. Research Fellow, Department study of the cultural and natural heritage of the Arctic, the Russian Research Institute for Cultural and Natural Heritage named after DS Likhachev, Moscow

e-mail : arct32@mail.ru

НАШИ АВТОРЫ OUR AUTHORS

Lapteva G.

Expert of the state protection of Ministry of Culture of the Arkhangelsk region

e-mail : Lapteva@dvinland.ru

Maksachuk E.

Moscow State Academy of Physical Culture and Sports

e-mail : Kate-Maksachyk@yandex.ru

Markova E.

Deputy, Director, Arkhangelsk Regional Scientific Order "Badge of Honor" library named NADobrolyubov

e-mail : markova@aonb.ru

Melvil E.

Lecturer, Moscow School of Social and Economic Sciences, Moscow

e-mail : lmelvil@gmail.com

Saveliev V.

Doctor of Philosophy, Professor, Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of Russian Federation, Moscow

e-mail : 7454392@mail.ru

Spirov A.

Voronezh State University

e-mail : Art-linkin@yandex.ru

Stepanov V.

Doctor of Historical Sciences, Senior Fellow, Institute of Economics RAS

e-mail : valerij-stepanov@mail.ru

Stepina O.

Director, Arkhangelsk Regional Scientific Order "Badge of Honor" library named NADobrolyubov

e-mail : olga.stepina@aonb.ru

Stiefenhofer K.

Stipendiate in the program "Robert Bosch Cultural Managers in the Russian Federation"

e-mail : cornelius.stiefenhofer@kulturmanager.net

Vostriakov L.

Doctor of Political Science, Minister of Culture of the Arkhangelsk

e-mail : Lev-vostriakov@yandex.ru

Zelentsova E.

Cultural Studies PhD, Director, Center for Regional Studies School of Government, the Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of Russian Federation, Moscow

e-mail : lz@creativeindustries.ru

Требования к оформлению рукописей статей, направляемых для публикации в журнале

Для публикации научных работ в выпусках серий научно–практического журнала "Современная наука: актуальные проблемы теории и практики" принимаются статьи на русском языке. Статья должна соответствовать научным требованиям и общему направлению серии журнала, быть интересной достаточно широкому кругу российской и зарубежной научной общественности.

Материал, предлагаемый для публикации, должен быть оригинальным, не опубликованным ранее в других печатных изданиях, написан в контексте современной научной литературы, и содержать очевидный элемент создания нового знания. Представленные статьи проходят проверку в программе "Антиплагиат".

За точность воспроизведения дат, имен, цитат, формул, цифр несет ответственность автор.

Редакционная коллегия оставляет за собой право на редактирование статей без изменения научного содержания авторского варианта.

Научно–практический журнал "Современная наука: актуальные проблемы теории и практики" проводит независимое (внутреннее) рецензирование.

Правила оформления текста.

- ◆ Текст статьи набирается через 1,5 интервала в текстовом редакторе Word для Windows с расширением ".doc", или ".rtf", шрифт 14 Times New Roman.
- ◆ Перед заглавием статьи указывается шифр согласно универсальной десятичной классификации (УДК).
- ◆ Рисунки и таблицы в статью не вставляются, а даются отдельными файлами.
- ◆ Единицы измерения в статье следует выражать в Международной системе единиц (СИ).
- ◆ Все таблицы в тексте должны иметь названия и сквозную нумерацию. Сокращения слов в таблицах не допускается.
- ◆ Литературные источники, использованные в статье, должны быть представлены общим списком в ее конце. Ссылки на упомянутую литературу в тексте обязательны и даются в квадратных скобках. Нумерация источников идет в последовательности упоминания в тексте.
- ◆ Список литературы составляется в соответствии с ГОСТ 7.1–2003.
- ◆ Ссылки на неопубликованные работы не допускаются.

Правила написания математических формул.

- ◆ В статье следует приводить лишь самые главные, итоговые формулы.
- ◆ Математические формулы нужно набирать, точно размещая знаки, цифры, буквы.
- ◆ Все использованные в формуле символы следует расшифровывать.

Правила оформления графики.

- ◆ Растровые форматы: рисунки и фотографии, сканируемые или подготовленные в Photoshop, Paintbrush, Corel Photopaint, должны иметь разрешение не менее 300 dpi, формата TIF, без LZW уплотнения, CMYK.
- ◆ Векторные форматы: рисунки, выполненные в программе CorelDraw 5.0–11.0, должны иметь толщину линий не менее 0,2 мм, текст в них может быть набран шрифтом Times New Roman или Arial. Не рекомендуется конвертировать графику из CorelDraw в растровые форматы. Встроенные – 300 dpi, формата TIF, без LZW уплотнения, CMYK.

По вопросам публикации следует обращаться к шеф–редактору научно–практического журнала "Современная наука: актуальные проблемы теории и практики" (e–mail: redaktor@nauteh-journal.ru).